

СЛОВО. Том X.

Тетралогия: **Петр Первый**

Петр I, наверно, один из самых известных не только в России, но и во всем мире монархов. Но, как часто это бывает в истории, мы знаем о нем только то, что сочла нужным утвердить в массовом сознании официальная историческая наука. Нам известен миф о Петре I, великом реформаторе, полководце, «кузнеце, мореплавателе и плотнике». Но знаем ли мы о нем правду? Часто ли мы вспоминаем, что этот «самодержавный исполин» собственноручно заперол до смерти своего сына? Что при этом царь мужское население Росси сократилось почти что вдвое? Что из всех его реформ практически ни одна не была воплощена в жизнь? Что флот, им наструганный на бесчисленных верфях и в неимоверном количестве подготавливаемых для войны кораблей, быстро сгнил, не оставив и следа, а фабрики и заводы развалились, не имея дармовых рабочих рук, как то по тем временам имела в изобилии им столь любимая заграница? Знаем ли мы, что народ называл (и считал) его антихристом, имея для этого немало веских оснований? Эта книга позволит читателю узнать всем известные, но усиленно затертые историками нелицеприятные факты времен правления в России этого монарха.

Издание четвертое, дополненное

На тыльной стороне обложки:

Присказка:

В дремучих чащобах сменившего западного образца христианство кровожадного человеконенавистнического язычества, именуемого эпохой *возрождения* злых эллинистических божков, проживали дикие орды каннибалов. Они сгоняли крестьян с земли и заставляли их работать на себя без какого-либо и намека вознаграждения за производимый ими труд, а всех кинувшихся от них в бега, установив на дорогах кордоны, отлавливали и вешали. Непокорным, отлынивающим от дармовой работы на людоедов, рубили руки, ноги, а пытавшихся противоречить их священникам, узаканивающим право людоедов на пожирание людских масс, живьем сжигали на кострах.

В центре этих дебрей стояла избушка на курьих ножках. В ней проживала злая старуха, баба Яга — костяная нога, к которой приводили связанных по рукам и ногам людей, не желающих поклоняться идолищам этой ведьмы, исполняющей роль языческого резника, ритуально мучающего всех попадающих к ней в лапы. Она подвешивала свои жертвы к потолку, била их кнутом, поджаривала им огнем ноги, заставляя отречься от Христа, а головы непокорных нанизывала на колья своей изгороди. Таким образом, слава о бабе-Яге разнеслась на все дальние леса и там проживавшая нечисть, в надежде объявить всеобщую глобализацию, уже была готова провозгласить эту старую колдунью своим людоедским главарем. Но вот незадача: сожрала ее в одночасье дурная болезнь, и мир стал спасен от чар злой колдуньи...

Прошли годы

И даже если Петр умер, то совершенно напрасно некоторые считают, что его больше нет: «...как и полагается сатанинскому существу, Петр до конца не умер после своей физической смерти. Петр — единственный... после смерти окончательно превратившийся в беса» (А. Буровский).

Слово и дело

Призрак в подкованном ботфорте

Источники, повествующие о Петре Первом всегда выглядели слишком туманно и неоднозначно. Разобраться же в личности реформатора, произведшего перекопку на западный образец нашей страны, которая ко времени его воцарения была величайшей в мире Державой, достаточно сложно. Весьма странно слышать дифирамбы столь якобы необходимым реформам и новшествам, введенным Петром, на фоне отрубленных голов, раскачиваемых ветром гирлянд обледенелых трупов, висящих вдоль стен московского Кремля и во дворе Новодевичьего монастыря, и ставших атрибутом эпохи неких «славных дел» венценосного реформатора. Но не только первопрестольная Москва была «украшена» результатами его «преобразований». Ведь и северная столица, эдакий петровский «парадиз», основана все на том же страшном фундаменте: на горах вмерзших в лед, погибших от холода и истощения людей. Такие «стройки века» нам хорошо знакомы по Дмитлагу и Беломорканалу. Как и в Москве, после расправы над стрельцами, берега Финского залива и Невы, были усеяны виселицами с повешенными. Но был еще Таганрог, Воронеж, Архангельск, были многочисленные бунты и их жесточайшее усмирение... Не зря этот царь в русском народе был прозван антихристом.

Как и где теперь сыскать правду о нем, отделив ложь и вымысел, тем самым написав истинный портрет столь возвеличенного «державного исполина»?

После тарана американских небоскребов среди многих иных, публикуемых американскими компаниями, появилась одна очень удивительная фотография. В клубах дыма и пламени, вырывающихся из горящей башни Всемирного торгового комплекса, виден силуэт какого-то странного существа с неуловимо знакомым профилем.

И что же нам напомнил своими формами этот загадочный джинн, вырвавшийся из взорванной террористами (или американскими спецслужбами [что, на поверку, одно и то же]) его долларовой обители, на первый взгляд, столь безформенный и безличный, кого-то удивительно напоминает! Чью личину одел на себя этот бес?

Может, сблизилось, показалось, может, это игра света и тени? Может, шалит воображение?

Нет, это же вылитый Петр I! Такое же почти полное отсутствие плеч, как и у его странной уродливой фигуры, сработанной из воска по образу его настоящего тела, выставляемую в музеях восковых фигур и совершенно непохожую на массу растиражированных портретов, бюстов и памятников, созданных в честь Петра и прославляющих его никогда не существовавшие исполинские плечи. Но не только уродливо срезанные плечи роднят это чудище с царем Петром, но и глаза навывкате, а под ними длинные закручивающиеся усы. А непропорционально длинные ноги украшают высокие ботфорты. В руках длинная трость.

Может и впрямь Петр был самым настоящим антихристом, как и считала народная молва?

Пробуем разобраться. Тем более что выше обрисованный в деталях снимок, после публикации в ряде газет, а также и по телевидению, вдруг совершенно неожиданно, а тем и поистине загадочно, отовсюду исчезает. Мало того, в архивах находятся совершенно иные газеты, заменившие эту нечаянно выпущенную на волю крамолу. Снимок, что и понятно, в них заменен иным снимком, сопровождающая статья также заменена под замененный снимок. Так что обличение этого беса средствами бесовской пропаганды на сегодня запрещены. Потому становится и еще более интересным разобраться — почудилось нам или желтой пропаганде было что скрывать, упрятав этого inferнального жильца небоскреба, так до поразительности похожего на Петра, подальше от людских глаз.

А потому начинаем наш поиск.

И вот обнаруживается, что практически все сочинения о Петре сконструированы как под копирку: на 25–30 строк, восхваляющих его, приходится одна строка, как бы укоряющая великого человека в некоторых мелких погрешностях, несколько неприятных, но, якобы, не столь серьезных, чтобы на них заострять внимание. Затем вновь идут восхваления неких свершений и реформ, которыми-де единственно мы и были Петром оторваны от каменного топора и обглаживания костей мамонта. Причем, если некие заслуги «чудесного гения» повторяются и переповторяются у сотен авторов, то реплики, укоряющие его, цензурой вообще не пропускаются, а вот творимые им беззакония, по какой-то странной причине, что дореволюционными историками, что послереволюционными их дел продолжателями, куда-то оттеснены и вообще на дальний план. Мало того, «задрапированы» всевозможными им изудуманными новшествами, чем-то де якобы необходимыми для государственного организма России.

Но исключительно эти затертые пропагандой подробности царствования Петра и вынуты нами из забвения. Причем, использованы при этом материалы вовсе не противников Петра — таковых не только в нашей, отечественной, но и в мировой-то литературе, как это ни странно, в наличии почему-то не существовало никогда, но авторов исключительно благоприятствующих Петру, поименованному его пиарщиками «Великим»: Карамзина, Костомарова, Алексея Толстого, Соловьева, Ключевского, Устрялова, Мережковского, Валишевского, Корба, Гвариента, Фоккеродта (Германна), Вильбоа, Шерера, Лувиска, Бергмана, Пелльница (Барона Карла-Луи), Герье, Бюрнета, Ливулля, Бергольца и др.

И все их действительные свидетельства, изъяты из-под ретуши дани этикета каждого своих лет, сообщают слишком нелицеприятные данные о царствовании царя-антихриста, при котором было умерщвлено 50% мужского населения страны!!! И это притом, что Великая Отечественная война, чья жестокость нам всем более чем известна, по потерям среди солдат с нашей стороны, унесла не более 8% мужского населения... То есть деяния антихриста Петра своим разором для России обернулись в 6 (шесть!!!) Отечественных войн!!! Но историки умудрились нам его эпоху так ласковенько разукрасить, превратив этого палача в «Дивного Гения», в худшем случае всего лишь в ёрника Петрушку, невесть каких делов пытающегося наваять, укрыв от нас страшную правду о том геноциде, которому подвергся в его «славных дел» эпоху русский человек, природный житель Русской Земли, куда был усажен править этот антихрист, что из людоеда-палача нашим очам предстал эдакий колосс — гигант мысли. Но все это, что нами теперь выяснено, — ложь. Правда же о той эпохе до того мрачна, что и не поддается какому-либо описанию.

Но мы попытались эту эпоху, изъяв многочисленные лживые повторения о неких якобы в чем заслугах Петра, все же описать, оставив лишь правду о том страшном предапокалипсическом времени.

Что вышло — судить читателю...

Слово и дело

Когда в руки Ванге дали фотографию «Махатмы Мория», который ранее покровительствовал Блаватской и Елене Рерих, она произнесла достаточно странные слова:

«— Этот дух всегда был покровителем России...

По ее словам, он импульсировал и вдохновлял самых выдающихся государственных руководителей России, в частности, Петра Великого и Ленина¹» [266, с. 165].

И вот что эти *единые*, как выясняется вместе с Рерихами и Блаватскими, *духом* исторические фигуры собой представляют.

Кровавого диктатора, узурпировавшего власть в нашей стране, «вечно живого» мертвого обитателя мавзолея на Красной площади, православный русский народ прозвал, как и царя Петра, антихристом.

И действительно, по своей зловещей сути, царь Петр, названный большевиками «первым революционером», явился предтечей Ленина. Будущий «вождь мирового пролетариата», и по сию пору наводящий хмарь на Москву из своего вавилонообразного капища на Красной площади, родился в 1870 г., а спустя три года, в 1873 г., Ф.М. Достоевский, почувствовав его, пророчествовал:

«Они и не подозревают, что скоро конец всему... всем ихним “прогрессам” и болтовне! Им и не чудится, что ведь антихрист-то уж родился... и идет!» [142, с. 102].

А так как дорогу Ленину подготовил Петр, то с рассмотрения целенаправленности именно его эпохи «славных дел» и начнем это повествование.

Сначала о западной «цивилизации», которую нам навязал этот «преобразователь» и которая теперь столь воспета и идеализирована.

«Сказка о сусальной Европе и варварской Москве есть **сознательная ложь. Безсознательной она не может быть**: факты слишком элементарны, слишком общеизвестны и слишком уж бьют в глаза...» [126, с. 435].

«Вспомним европейскую обстановку петровских времен. Германия только что закончила Вестфальским миром 1648 г. Тридцатилетнюю войну, в которой от военных действий, болезней и голода погибло **три четверти** населения страны» [126, с. 432].

В результате этой столь свойственной именно Западу борьбы всех против всех Германия, например, просто в тот момент перестала существовать:

«...население восемнадцатимиллионного народа было низведено к четырем миллионам...» [238, с. 68].

И вот какую направленность имела эта жесточайшая истребительная война:

«...католики истребляли в массовом порядке протестантов, а протестанты католиков...» [262, с. 538].

Вот что сообщается, например, в биографии Патрика Гордона, одного из иноземных учителей Петра, о его службе в такого вот западного образца армии:

«Шесть лет он вел жизнь наемного ландскнехта; сражения чередовались с грабежами мирного населения» [341, с. 162].

И вот по какой причине происходили эти бесчисленные грабежи:

«Воины, не получая ни гроша от правительства, вынуждены были промышлять подобным образом» [342, с. 17].

А воевал Патрик Гордон шесть лет: то на стороне шведов против поляков, то, как попадал в очередной раз в плен, на стороне поляков против шведов. А эти вполне на Западе узаконенные грабежи, что и понятно, связаны были и со всеми иными «прелестями», когда в чей-либо дом, неожиданно, врываются вооруженные разбойники.

¹ Сидоров В. Людмила и Вангелия. М., 1992.

Потому сопровождаемые при этом убийства и изнасилования мирных граждан являлись всеми узаконенными атрибутами той страшной эпохи, превозносимой сегодня какими-то просто маньяками по обожевлению Запада до небес — что убежденными марксистоленинистами, что их противниками по учреждению некоего «общественного строя» — демократами.

На самом же деле:

«...то было время повсеместных злоупотреблений, жестокостей и вымогательств, когда в походе или на постое офицеры и солдаты обращались со своим народом немногим лучше, чем неприятель...» [346, с. 239].

А вот эпизод западного образца все уши нам пробуравившей некой такой безукоризненной их честности и порядочности по отношению к добровольно сдавшимся понадеявшимся на их слово неприятелям. По требованию шведского полковника Кёнигсмарка, как повествует все тот же Патрик Гордон в своем дневнике за 1655 год, запершиеся в Лянскоронский замок поляки:

«...сдали замок на его милость. Однако, схватив их, он приказал перевешать всех, около 400 человек...» [345, с. 50].

То есть для западного образца «порядочности» таковой поступок был делом весьма и весьма приобыкновенным. Понятно дело, начальство его несколько пожурило, дескать, был он не совсем прав. Но и не более того. И все потому, что сам этот начальник, в свою очередь, но чуть ранее того, перевешал уже своих собственных солдат и офицеров чуть более все тех же 400 человек. И все нормально. Пусть и его, в свою очередь, за таковой не слишком благовидный поступок и пожурил король Швеции. Но даже с должности не снял. И все потому, что их нравы были в ту пору таковыми.

Но и поляки отвечали шведам практически все такими же доказательствами своего вероломства, сидящего в их внутренностях с утробы матери:

«Ландграф Фридрих Гессенский... который женился на сестре Шведского короля, подошел к Косцяну в Великой Польше и выслал вперед своего секретаря и трубача. Когда те не вернулись, он сам поехал дальше и, допущенный туда со всеми знаками почтения, был убит выстрелом при самом въезде» [345, с. 52].

Шесть лет, с 1655 по 1661 год, участвуя в этой резне, Патрик Гордон был свидетелем и участником подобного рода событий, указывающий на всю пещерность и каннибализм культуры тех времен народов Запада.

Вот, например, как выглядела возможность продолжения военных действий Польшей против Швеции в 1658 г.:

«В нижней палате не хотели и слышать о каких-либо поборах, налогах или контрибуциях; все ссылались на неспособность и невозможность [тому]» [345, с. 130].

То есть страна, хоть и вступилась в тот момент за нее Австрия, а Бранденбург порвал союз со Швецией, была разграблена к тому времени просто до крайней степени. И ни о какой возможности произведения с ее населения дополнительных поборов уже и речи не велось.

А вот что сообщает полустолетием ранее описываемых Гордоном событий, причем, также о польско-шведском военном противостоянии, но уже в Прибалтике, рижский бургомистр Франц Ниенштедт (1601 г.):

«...у бедных поселян под пыткой вывертывали члены, клали на огонь и жгли, чтобы они не могли ничего утаить от жестоких мучений, они должны были вырывать из земли все, что спрятали; у них отбирали даже хлеб из печи и изо рта, снимали одежду с тела; у них не осталось ни горшка, ни котла, в котором бы они могли сварить какой-нибудь травы с поля, они растирали в лотках и корытах зеленую траву горячими камнями и глотали ее без соли и запивали холодной водой, должны были лежать на свету нагими; у них не осталось ни одного топора, которым можно было бы срубить хоть полено топлива. Оттого они распухли как колоды; все хаты, деревни, дороги, по которым шли войска, были полны

трупамии мужчин, женщин и детей, так как ни собаки при дороге, ни птицы небесные, ни дикие звери не могли жрать всех трупов» [433, с. 112–113].

Но и столетием позднее, уже в эпоху Петра, нравы европейцев бытовали все такими же, именуемыми нами людоедскими. Вот что пишет о международной обстановке тех времен Иван Лукьянович Солоневич:

«Во время Петра Европа вела тридцатилетнюю войну за испанское наследство, которая была прекращена **из-за истощения** всех участвующих стран, ибо и Германия, и Франция **снова стали вымирать от голода**» [126, с. 432].

То есть Солоневичем сообщается, что подобное же варварство здесь уже когда-то господствовало и до этого. Но и после описываемого затяжного военного конфликта сопутствующее их методике ведения военных действий опустошение продолжилось:

«После ужасов Тридцатилетней войны, распрей и революций первой половины столетия Европа не смогла обрести покой...» [346, с. 234].

И вот с чего начала она вторую половину этого злосчастливого столетия:

«...трагичными были 50-е годы для Речи Посполитой, которая... стояла на краю гибели; “Потоп” унес жизни почти половины ее обитателей²» (там же).

Однако ж кинем взгляд на то, как даже не в прежние варварские эпохи, под определение которых и подходит столь воспеваемый пропагандой XVII век, но и много позже, во времена Петра, расхваливаемая сегодня до небес, в качестве примера для подражания, выглядела все та же Западная Европа. Окинем мимолетным взором, что пришлось увидеть послу России в Голландии, Андрею Матвееву, когда ему довелось предпринять путешествие в Париж. Вот как выглядела в то время южная Испанская Голландия:

«Ахтебург. Того ж дни посол обедал в местечке брабантском... едва потребная пища могла найтись в нем... От вышеупомянутого городка Оуденбуса жилье почалося самое плохое, и народ попремногу во всем скудный, который нарочно по дорогам, видя приезжающих, ждуд и многолюдством бежит с великими докуки прося милостыни» [330, с. 35].

А вот что он же сообщает о Франции:

«...поселянство в тех селах, от поборов королевских изнуренное, в конечной пребывает скудости...» [330, с. 45].

Так что и во времена Петра никакого рая Западная Европа собою не представляла. Но несколько ранее там вообще такое творилось, что если бы все то же случилось в ту пору и у нас, то русского народа, как нации, давно уже и на свете не существовало бы.

«За сто лет до Петра 16 февраля 1568 г. Святейшая инквизиция осудила на смерть **всех** жителей Нидерландов, и герцог Альба вырезывал целые нидерландские города» [126, с. 432].

Уточним:

«Герцог Альба уничтожил при взятии Антверпена 8 000 и в Гарлеме 20 000 человек» [63, с. 16].

«...а всего в Нидерландах испанцы убили около 100 000» [63, с. 207].

Но не только в Нидерландах:

«Иоганн Тилли, еще один полководец Католической лиги, овладев со своими войсками Магдебургом, уничтожил всех его жителей, а это 30 тысяч человек, и полностью сжег город» [209, с. 245].

Но не следует во всех вышеприведенных страшных цифрах убийств европейцами европейцев винить лишь католиков. Ведь как герцог Альба, так и Иоганн Тилли вовсе не представляет собою что-то из ряда вон выходящее в том мире чужебесия, в который окунулась Западная Европа в эпоху так называемого Возрождения:

² Kochowsri Wespazjan. Lata Potopu 1655–1657. Wyd. A. Kersten Warszawa, 1966.

«Его противники — Протестантский союз и шведы соревновались с ним в жестокости. Ужасы войны сопровождались голодом. Нередки были случаи каннибализма. В немецкой земле Гессен были стерты с лица земли 17 городов и 300 сел, в Чехии из трехмиллионного населения уцелело только 800 тысяч человек» (там же).

Тут важно отметить и те варварские методы, которыми производились подобные «зачистки»:

«Повешенные и сожженные люди, обрубки рук и ног, раздавленные между блоками... Все это делалось среди бела дня, и никого это ни удивляло, ни поражало» [63, с. 15].

«Нидерланды были разорены. Голодные массы на улицах рвали в клочки представителей власти — власть отвечала казнями. Тот саксонский судья Корпцоф, который казнил 20 тыс. человек, — это только в одной Саксонии! — двадцать тысяч человек, а Саксония была не больше двух-трех наших губерний, помер перед самым приездом Петра в ту Европу, которая, по Ключевскому, воспитывалась без кнута и застенка — в 1666 году. Я не знаю имен его наследников и продолжателей, — на самого Корпцофа я натолкнулся совершенно случайно — но эти наследники были наверняка. Сколько людей повесили, сожгли или четвертовали они?

В Англии, куда направил свои стопы Петр из Саардама, при одной Елизавете было повешено и казнено другими способами около **девятиста тысяч** человек. Вся Европа билась в конвульсиях войн, голода, инквизиции, эпидемий, в том числе и психических: обезумевшие женщины Европы сами являлись на инквизиционные судилища и сами признавались в плотском сожителстве с дьяволом. Некоторые местности в Германии остались в результате этого совсем без женского населения» [126, с. 432–433].

Здесь нужно бы добавить: исповедующие культ сатаны женщины говорили правду, а инквизиция лишь сдерживала необыкновенно буйный всплеск выпестованного эпохой «Возрождения» сатанизма, заменившего собою христианство в Западной Европе. Сегодня сатанизм процветает в Америке, где никакой инквизиции и в помине не существует. К чему это может привести мир теперь?

Вот чем отмечены вехи пути Запада к его сегодняшнему состоянию полной и безповоротной деградации:

«...почти все население обширной средневековой Вестфалии имело шанс попасть в руки безжалостной Фем³...» [5, с. 244].

И это немудрено — ведь Фем карала практически за все:

«...можно найти, например, решение преследовать тех, кто “выступает против чести и правосудия”» [5, с. 244].

А такая формулировка грозит смертью любому. Теперь понятна эта самая пресловутая немецкая аккуратность! За какую-нибудь мелкую неряшливость: плохо проглаженную сорочку, латку на не совсем приличном месте, изношенные старые башмаки, вышедший из моды галстук — за любое малейшее нарушение безукоризненности следования этикету могли придраться судьи священной фем, объявив человеку смертный приговор за выступление против «чести»!

Но и с приходом так называемой эпохи «Возрождения» мрачное средневековое «правосудие» нигде не исчезло:

«Как написано в биографии герцога Юлиуса де Селя, в 1608 году на церемонии, называемой “Закон Фем”, “обязаны были собираться все местные жители, чей возраст превышал двенадцать лет. Они рассаживались прямо на земле, посередине ставили столы, за которые садились местный феодал и его советники. Судьи докладывали о преступлениях и оскорблениях; они расхаживали среди собравшихся жителей с белой указкой и ударяли обвиняемых по ногам. Кто... чувствовал себя виновным в серьезном преступлении, имел право встать и покинуть родные места в течение суток; но если он получал удар указкой в третий раз, то неизбежно появлялся палач, пастор исповедовал

³ Суды в средневековой Западной Европе. Фемида — греческая богиня правосудия.

виновного, а затем его ждало ближайшее дерево"... а его тело бросали хищным животным и птицам» [5, с. 246].

Теперь становится понятным, откуда в Западной Европе в те времена развелось столько бродяг! Ведь лишь сумасшедший, уже получив два удара указкой, станет дожидаться третьего!

Однако ж срывали их в бега с насиженных мест лишь затем, чтобы убить этих людей более безнаказанно:

«...в Средние века на европейских дорогах стояли патрули, и "попавшихся бродяг", то есть тех, кто не мог доказать, что он местный арендатор, тут же вешали» [87, с. 397].

Но здесь не следует чрезмерно удивляться. Ведь по части безнаказанного убийства людей Запад имеет несомненный опыт, прекрасную вышколенность катов и необычайную надежность в исполнении приговоров.

У нас же в кои-то веки не то чтобы за кражу носового платка, но за государственную измену с угрозой покушения на жизнь членов правящей династии решили все же предать смертной казни пятерых масонов-декабристов, причем:

«Сообразуясь с монаршим милосердием, в сем деле явленным смягчением казней, Верховный уголовный суд... приговорил: "Вместо мучительной смертной казни четвертованием... преступников за их тяжкие злодеяния повесить"» [66, с. 125].

То есть сама кара была уже изначально максимально по возможности смягчена. И вот:

«Во время казни на виселице оборвались две веревки. Один из декабристов бросил в сердцах: несчастная Россия — вешать и то не умеют!» [19, с. 128].

«Веревки оборвались, что ли? — хрипло спросил Чернышев.

— Никак нет... они, должно, отсырели... и тела соскользнули...» [66, с. 139].

Так что дело не в неряшливости или разгильдяйстве штатных катов этой самой «несчастной России», и даже не в попытке темных сил оставить в живых своих подручных. Тут скорее наоборот: оставшиеся в тени фактические организаторы сорвавшегося переворота желали понадежней отделаться от неудачливых исполнителей с треском провалившегося мероприятия по смене самодержавной власти на революционный богоборческий режим, который четырем десятилетиями ранее им удалось установить в несчастной Франции. А чуть не сорвавшаяся казнь лишь подтвердила вопиющий непрофессионализм наших карательных органов в деле приведения в исполнение смертного приговора, являвшегося в нашей якобы деспотической стране чрезвычайно редким на тот момент явлением. А без хорошей практики, что и естественно, профессиональные навыки не приобретешь. Что и стало ясно во время казни декабристов.

«Да, не поднаторели. Не то что в "альма матер" демократии и масонских лож — туманном Альбионе. В те же самые времена там вешали за кражу, превышающую пять фунтов стерлингов. Даже детей!» [19, с. 128].

То есть каты «старой доброй Англии», столь нам на все лады разрекламированной в качестве передовой цивилизованной державы того времени, вешали детей не во времена кровавых деяний Вильгельма Завоевателя, а в середине вызывающего ныне у англичан приступы ностальгии по «хорошим временам» века — XIX-го!

Между тем и сами масоны эту невероятную жестокость родины своих лож достаточно однозначно подтверждают. Причем, не только когда речь идет о казни лиц, совершивших явные преступления. Но и о преступлениях, которые ну совершенно не вяжутся с их казалась бы материалистическими и просвещенными на тот день взглядами.

Розенкрейцер высоких степеней посвящения И.М. Херасков, свидетельствует: «В Англии еще в 1712 году вешали ведьм, а закон о них был отменен лишь в 1736 году» [5, с. 12].

То есть Средневековье на туманном Альбионе подошло к своему по крайней мере узаконенному завершению лишь тогда, когда косточки Петра, заимствователя их людоедских традиций, давно превратились в прах.

У нас же первой женщиной, удостоенной виселицы, стала замешанная не в связях с потусторонними силами колдунья и даже не причастная к покушению на чью-либо жизнь заговорщица, но женщина, замешанная в **цареубийстве** — Софья Перовская:

«первая женщина, возведенная на российский эшафот!» [101, с. 361].

Это произошло лишь в 1881 г. А до этого женщин у нас не вешали — именно потому, что Средневековья у нас не было и в помине. То есть просто не было местностей, столь зараженных колдовством и чернокнижием, что требовалось бы учреждать безжалостные судилища инквизиции.

Что же Петр в таком случае ездил перенимать?

Так ведь именно то, что и век спустя у них отнюдь не только не выветрилось, но выветриваться вовсе не собиралось:

«Незадолго до декабристов в Британии казнили за инакомыслие некоего полковника Эдуарда Маркуса Деспарди и его друзей. Перед казнью им прочли следующее: “Каждый из вас будет взят из тюрьмы, и оттуда на тачках вас доставят на место казни, где вас повесят за шею, но не до смерти. Вас живыми вынут из петли, вам вырвут внутренности и сожгут перед вашими глазами. Затем вам отрубят головы, а тела будут четвертованы...” Надо думать, англичане все исполнили четко...» [19, с. 128].

А вот как выглядела заграница, опять-таки, не во времена царя Гороха, но уже в 1758 г. Вот что в те времена врезалось в память особенного, увиденного подпоручиком русской армии Андреем Болотовым, въезжающим с нашей армией в те времена «мирную» Польшу. Не привычными взору его:

«Были то стоящие кой-где неподалеку от дороги виселицы с висящими на них повешенными людьми. Нигде, я думаю, столько людей не вешается, как в Польше. За маленькое воровство и кражу должен уже вор иттить на виселицу, и казнить его сим образом может не только всякое городское начальство и правительство, но и самые дворяне. Обыкновение, поистине, весьма странное и гнусное, а что всего удивительнее, не выполняющее далеко той цели, для которой оно вошло в употребление; ибо, несмотря на всю строгость сего за воровство наказания, воры все-таки в государстве не переводились и их все-таки было много. Но как бы то ни было, но мы, по непривычке своей, не могли никак без внутреннего содрогания и отвращения смотреть на сии виселицы, а особливо с людьми, повешенными на них давно и качающимися от ветра» [411, письмо 55-е].

И такое творилось в той самой стране, из подданных которой Петр I старался набирать себе духовенство, считая его куда как более ученым, нежели свое — российское. Дореволюционный историк А. Нечволодов по этому поводу сообщает:

«Замечательно, что такое невероятное падение и ожесточение нравов в Западной Европе происходило в то время, когда науки, искусства и ремесла достигли в ней весьма большого развития и ученые пользовались повсеместно огромным влиянием, а многие города славились своими высшими учебными заведениями — университетами, которые вмещали в себе по несколько десятков тысяч слушателей» [81, с. 92].

Но, увы, как выясняется, не впрок: от знания риторики и зачаточных основ пиитики в их нравах людоедства не поубавилось. По сию пору западная палочная дисциплина заключает в себе все приметы полной сохранности этой дикой человеконенавистнической «культуры». Ведь уже во времена Второй мировой войны в английской армии:

«...тайком от союзников применялись телесные наказания (удары плетью по обнаженным ягодицам)» [90, с. 36].

Это в тот самый момент, когда русские солдаты, ни на миг не задумавшись, *за други своя*: грудью ложились на вражеские доты, летчики и танкисты шли на таран...

Англичане в это же самое время, как теперь выясняется, указывая на всю дремучесть своей рабовладельческой культуры, в кровь драли на конюшне плетками по ягодицам, стянув штаны, своих соотечественников, имеющих хоть на одну лычку меньше их самих!

Что тут скажешь?

Цивилизация...

И если в XX в. стало возможным производимые западными цивилизаторами убийства фиксировать на фотодокументах, то в более ранние периоды способы пыток, например, сдирание кожи, вытягивание кишок, четвертование, распиливание, было модно заносить на полотно. Все эти их кошмары можно сегодня лицезреть на картинах: Дюрера, Кранаха, Г. Давида и др.

Но не все народы на Западе подлежали наказанию: порке, четвертованию и казни через повешение. У судов фем:

«...были и исключения: ...евреи, язычники и им подобные — так как они не достойны принадлежать к солидному и уважаемому обществу...» [5, с. 244].

А остальных, значит, кто к этому пресловутому «обществу» имел неоспоримое право принадлежать, вешать всех подряд?!

Ну просто полная копия будущего СССР! Практически один в один!

«Официально эти ужасные трибуналы так и не были запрещены: разные монархи лишь пытались их реформировать. Утверждают, что суды святой Фем тайно действовали еще в XIX веке» [5, с. 252].

«...последний распорядитель тайного суда — фрайграф умер в 1835 году, но еще долго преступления, которые совершались под покровом тайны в Германии, молва связывала с деятельностью тайных судилищ» [23, с. 490].

Это о тайных убийствах людей. Публичные же судилища в Западной Европе, в частности — во Франции, были отменены лишь в 1939 году!

Между тем, не подписавший и четырех тысяч смертных приговоров за полвека своего чрезвычайно насыщенного смутами и ересями правления Иван Грозный даже не оказался в числе русских правителей, зафиксированных в эпоху царя демократа Александра II в скульптуре: на памятнике в Новгороде в честь пришедшегося на то время юбилея — тысячелетия Руси.

«По подсчетам “советского” историка Р.Г. Скрынникова, жертвами “царского террора” стали три-четыре тысячи человек» (см.: Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. Книга являет собой весьма знаменательное сочетание фактологической полноты с традиционной концептуальной беспомощностью). С момента учреждения опричнины до смерти царя прошло тридцать лет. 100 казней в год, учитывая уголовных преступников. Судите сами, много это или мало. Притом, что периодическое возникновение “широко разветвленных заговоров” не отрицает ни один уважающий себя историк» [116, с. 154].

При этом и иной факт убедительно определяет всех этих единичных казней достаточно вескую причину. Степень виновности казненных никогда и ни у кого сомнения не вызывала:

«...почти все они ранее бывали прощаемы под крестоцеловательные клятвы, то есть являлись клятвopеступниками, политическими рецидивистами» [65, с. 34].

То есть сначала, вместо чтоб четвертовать, замучить в застенке на дыбе или спалить на костре, что в то время широко практиковалось на Западе, их долго и упорно уговаривали прекратить изменять Царю и Русскому государству. Но они, не вняв уговорам, повторяли свои предательства с завидным постоянством. И вместо того, чтобы преступников, наконец, казнить, их опять уговаривали...

Тому имеются и иные более чем надежные источники, вновь подтверждающие обнаруженные Скрынниковым факты. На этот раз информация почерпнута из поминальных списков, в которые были занесены все жертвы царского правосудия до последнего человека (естественно — православного):

«Так, кандидат исторических наук Н. Скуратов в своей статье “Иван Грозный — взгляд на время царствования с точки зрения укрепления государства Российского” пишет: “Обычному, несведущему в истории человеку, который не прочь иногда посмотреть кино и почитать газету, может показаться, что опричники Ивана Грозного перебили половину населения страны. Между тем число жертв политических репрессий за период

царствования хорошо известно по достоверным историческим источникам. Подавляющее большинство погибших названо в них поименно...» [209, с. 245–246].

И это все у нас — в «царстве террора», высосанного из пальца советскими «историками», за полвека казнено около 4 тыс. политических и уголовных рецидивистов. А потому современник Алексея Михайловича, поляк Яков Рейтенфельс, на эту тему спешит заявить:

«...царь Иван Васильевич вовсе не злоупотребляя казнями или, вернее, жестокостью своею, как говорили» [379, гл. 23, с. 326].

У них же не за полвека, но за полночи произошел такой разгул убийств, который в России просто из-за отсутствия такого количества палачей технически является невозможным:

«Варфоломеевская ночь стала нарицательным названием любой массовой кровавой расправы. Тогда в результате нарастания непримиримых противоречий между протестантами и католиками в течение одной ночи 24 августа 1572 года, с благословения папы римского, было убито **60 тысяч человек**, большинство которых составляли женщины и дети» [113, с. 21].

Причем, названные огромные цифры — это еще не предел тогда случившемуся и замалчиваемому теперь. Ведь имеются сведения, что всего в те времена от протестантского погрома погибла 1/3 всего населения Франции [215]!

И все нормально. По сей день Екатерина Медичи среди жителей города Парижа никем и никогда не была приравнена к своему прототипу — Бабе-Яге. Напротив: и ныне многопочитаема благодарным за ее деяния народом.

Однако ж и протестанты не остались в долгу, показав свой куда как и еще более узколобый пещерный примитивизм:

«Английские, голландские пираты — протестанты по вероисповеданию и морские террористы по профессии — садистски топили в морской пучине экипажи и пассажиров с испанских и португальских галеонов, состоявших целиком из католиков» [113, с. 21].

Все нормально и здесь: многие флибустьеры даже получали зарплату из английской казны. Но и это вполне объяснимо: в этих странах на троне восседали такие же пираты. И их не то чтобы никогда никто не посмел хотя бы пожуричь, но им ставили памятники и воздавали почести, превознося их «благоддеяния» чуть ли ни до небес.

Так в чем же они, эти «благоддеяния», выражались?

«...в Англии стоят памятники Генриху VIII. В его правление только “бродяг” (крестьян, согнанных лордами с земли) было повешено 80 тысяч. И ничего, все по закону, все нормально...» [87, с. 404].

Причем, указом этого короля от 1531 года в этой нами столь превозносимой стране конституции и образца европейского законопорядка была введена смертная казнь в виде **сваривания в котле** [215].

Так что по части своей необыкновенной озверелости Запад всегда был впереди планеты всей — в том следует не сомневаться. Но и масштабы массовых убийств просто поражают:

«В Европе, которая считается образцом добродетели и справедливости, примерно за тот же период, который по времени совпадает с правлением Ивана Грозного, было казнено 378 тысяч человек, большей частью безвинных...» [209, с. 245].

И это в сравнении с казненными у нас 3–4 тысячами политических рецидивистов! То есть ни много ни мало, а превышает количество у них казненных в большинстве своем невинных людей над казненными нашими политическими рецидивистами в сто раз! Причем, что для Запада дело вообще обычное, включая в этот список женщин и детей, что так и вообще ничем быть оправданным никогда не сможет.

Да что там какие-то десятки и даже сотни тысяч?!

Их звериные обычаи позволяли убивать население Европы миллионами! И не когда-нибудь при царе Горохе, но именно во времена, ими же на все лады и расхваливаемые:

«Британцы согнали в середине XIX века ирландцев с земли, и около 2 млн. человек умерло с голоду» [77].

И это в Европе — *европейцев!*

«В менталитете Запада гвоздем сидит принцип: “Боливар не выдержит двоих”. “Только люди — не дефицит”... **их умение бороться с перенаселением внушает уважение...**» [87, с. 404].

Но данная пронизанность переизбытком «гуманизма» по отношению к своим белым соседям посетила тогда обитателей туманного Альбиона отнюдь не в первый раз:

«После победы Английской революции в 1648 году часть тогдашней Великобритании — Ирландия — не признала новой власти» [50, с. 238–239].

И вот чем на такое ответили революционные власти Англии. Они прибегли к таким подлым средствам, как:

«... выкуривание (поджог мелколесья) и голодная блокада (поджог и истребление всего, что могло служить... продовольствием)...» [50, с. 239].

Ну и, что вполне естественно, после трех лет такого изощренного чисто в английском духе пиратства:

«Ирландия к концу 1652 г. лежала в развалинах. Запустение страны было столь велико, что можно было проехать десятки верст и не встретить ни одного живого существа... население Ирландии сократилось почти вдвое» [218, с. 346]

Так этот самый хваленый белый человек, чем-то там таким особенным слишком уж «культурный», истреблял себе подобного же белого человека не за океанами, но у себя во вполне европейской стране — в Великобритании.

На других же континентах, что и понятно, белый человек гадил с еще большим изощрением: «культура» Запада, чем-то там таким непонятным просвещенного, к проживающему на земле человечеству жалости не испытывала. Ведь сколько миллионов североамериканских индейцев было уничтожено европейским «цивилизатором» в протестантской, например, Америке?

«Протестанты просто уничтожали аборигенов, не признавая их за творение Божие. При этом использовались самые подлые методы. Например, индейцам в обмен на шкуры давали зараженную оспой одежду и одеяла, отравленную пищу и т.п. Вымирали целые племена» [65, с. 26].

«Всему миру известна американская поговорка: “Хороший индеец — мертвый индеец”» [63, с. 8].

«За скальп мертвого индейца (причем, не только мужчины, но и женщины, и ребенка) выдавалось денежное вознаграждение правительством США» [64, с. 8].

Но подлость янки этим еще не ограничивалась:

«Француз Поль Гозе... в своей документальной книге “Лоазо Тоннер”... свидетельствует: “Я видел документ, который доказывает, что до конца последнего века (XIX-го) некоторые белые отрезали руки краснокожих женщин, чтобы они не могли больше пользоваться луком или огнестрельным оружием...”» [176, с. 134].

Но и католики на Американском континенте мало чем уступали в кровожадности своим соседям протестантам:

«“Благочестивый” и “набожный” Колумб... приказывал по совету своих экономических экспертов, чтобы каждый туземец доставил определенное количество золота под угрозой отрезания ушей и носа. Пятьюдесятью годами позже, то есть аккурат во времена Ивана Грозного, остров Куба подвергся истреблению двух миллионов жителей до последнего новорожденного, о чем писал немецкий ученый Ганс Лейп в своем труде “Роман Гольфшторма”. И так было повсюду, где жадность европейцев чуяла золото и сокровища... Индейцев травили собаками, гноили в ямах и казнили на бесчисленных местах пыток. Честный испанец Бартоломео де Лас Касас описал эти беснования во всей полноте. Но то же было в черной Африке, в Индийском океане и на многих островах Полинезии» [176, с. 134–135].

«В 1517 году Король Карл V дал привилегию могущественным и богатым евреям-судовладельцам для ввоза негров в Америку. В течение трехсот лет американский рынок снабжался людьми с черной кожей в качестве домашнего скота. Европейцы почти всех стран нагружали свои корабли этими несчастными, которые выдавались им арабами или негритянскими вождями взамен цветных тканей, ружей, колец из меди, алкоголя и даже старых “генеральских форм”. С 1530 по 1800 год девять миллионов людей-негров было отправлено в Америку и почти столько же погибло в пути под палубами кораблей» [176, с. 135–136].

«На острове Ямайка во времена Колумба население жило среди “сада Божьего”. Оно ничего не ввозило и не вывозило, дабы “задобрить” суровых завоевателей. Но это ему не помогло. Из 200 000 населения острова осталось в 1611 году, то есть через 120 лет после открытия Америки, только 74 души в живых на 696 европейских господ и 635 их рабов-негров, привезенных из Африки» [176, с. 136–137].

А вот как выглядит их **рыцарь**, воспетый поэтами и писателями как **образец** рыцарства:

«Король Ричард Львиное Сердце... однажды после взятия одной из сарацинских крепостей приказал распороть животы нескольким сотням пленников (некоторые источники оценивают число жертв этой резни в **три тысячи**), чтобы проверить, не проглотили ли они драгоценности...» [15, с. 27–28].

Но это лишь исключительно **из любознательности**: неумеренной склонности цивилизаторов к естествоиспытательским наукам. Сам же он, следуя сагам западных историков, весьма воспитанный и ученейший из числа европейских монархов своего времени.

Но и православие исключительно по-европейски всегда выглядело что-то уж слишком под стать всем нами перечисленным варварским сектам «просвещенной» Европы. Византийское законодательство, например, судебные, то есть законные издевательства над своими верноподданными:

«...очень любило и заботливо разрабатывало, усложняя физическую боль уродованием человеческого тела, ослеплением, отсечением руки и другими бесполезными жестокостями» [164, с. 260].

А вот как Европа расправлялась с расхитителями частных лесных угодий:

«...у виновного в самовольной порубке вытягивали кишки и прибивали их гвоздем к дереву...» [15, с. 29].

Что ж, тут прослеживается просто искрящаяся своей вопиющей невинностью тяга все к той же «справедливости». Но *справедливости* исключительно на их манер: по-европейски.

И это все не в затерянных джунглях черного континента среди диких каннибальских племен, но в самых что ни на есть центральных областях Западной Европы. До такой степени там, как видно, обожали природу.

Но отнюдь не меньшей экспрессивностью отличалось приучение к «порядку» и по соседству:

«...что касается скандинавских стран, то там действительно меньше преступности, в частности, бытового воровства. Но в Швеции сдерживали преступность не свободами и демократией, а жестокими репрессиями, которые не снились России. Там в течение столетий за кражу булки отрубали руку. После таких времен люди действительно перестали вешать замки на ворота. В России самый жадный лавочник пал бы на колени и возопил бы о помиловании воришки, который у него украл хлеб!» [77, с. 8].

Вот что записал об отношении русских к неимущим слоям общества в своем послании Австрийскому императору посол Иоанн Фабр в 1528 году:

«...к особенной чести их... во всякое время содержат на своем попечении много нищих, коих каждый из них, по своему достатку, сообразно с Евангельским благочестием, наделяет щедро милостынею, одевает, поит и кормит, принимая сверх того и угощая всякого странного» [280, с. 58]

А вот что на эту же тему свидетельствует сотню лет спустя Адам Олеарий секретарь на этот раз голштинского посольства:

«Когда лавочники по утрам идут из домов своих в церковь и оттуда в лавки свои, то они сначала на хлебном [ситном] рынке покупают несколько хлебов, берут их с собой, разрезают их и делят между нищими... У этих нищих от таких милостынь получается столь большое изобилие всего им нужного, что они режут хлеб в четырехугольные куски, величиной в дюйм, сушат в печах и продают эти, по их выражению, “сухари” целыми мешками на рынках проезжим людям» [254, с. 296].

Так «тяжело» на Руси жилось нищим ...

Откуда, скажите, у нас такая странная традиция?

А ведь попытался ее некогда нарушить так же, как теперь выясняется, чрезмерно увлеченный веяниями Запада наш якобы уж чрезмерно набожный самодержец — Алексей Михайлович. Однако ж им введенный закон об отрубании рук и двух лет не просуществовал. Ведь для исполнения такого закона требовалось сначала вырастить когорту палачей, готовых брать на себя грех по заведомому членовредительству: наш человек к европейскому варварству оказался морально еще не подготовлен.

Но именно это наше врожденное добродушие так всегда и не нравилось Петру.

Его «славных дел» наследникам оно тоже сильно претило: не мог русский человек докалывать штыками уже лежачего кровного своего врага — мироеда-кровососа. А китайцев да латышей на всю огромную страну явно не хватало. Ленин по этому поводу жаловался Троцкому:

«Русский человек добёр», «русский человек рохля, тютя», «у нас каша, а не диктатура» [58, с. 32–33].

Миллионов изувеченных трупов этих самых «рохль» в предназначенной к самоуничтожению стране ему явно было не достаточно: гидре революции требовались десятки миллионов трупов, то есть тотальное уничтожение русского православного народа. Даже кронштадтские матросы подняли мятеж именно потому, что отказались продолжать убивать себе подобных! То есть убийцы, у которых руки по локоть в крови, убивать отказались — бузу устроили:

«...сами побывали в деревнях, в карательных отрядах, тут не обманешь, знают, как мужиков расстреливают, сами расстреливали» [28, с. 112].

Вот чем отличен от немца русский человек — не может он так долго убивать. Потому Ленин и жаловался: «русский человек рохля, тютя».

Петр же в понимании этого вопроса на двести лет опередил своих последователей-большевиков. Он такое препятствие еще в самом зачатии своих «славных дел» совершенно осознанно учитывал, а потому и поехал перенимать опыт пыточно-палаческого искусства к заплочным дел непревзойденнейшим мэтрам — в Западную Европу.

В ту же самую большевицкую революцию, когда за отказ продолжать массовые убийства себе подобных многие десятки тысяч казалось бы полностью стоящих на страже революции кронштадтских матросов жизнью заплатились, в альма-матер обитания этих самых культуртрегеров, в Германии, данное искусство находилось на совершенно недосягаемых для нас высотах.

Свидетельствует князь С.Е. Трубецкой, чьим соседом по нарам в советских застенках во времена большевицкого террора временно оказался сбежавший из Германии активист красного революционного спартаковского движения:

«Народ, рассказывал мне спартаковец, захватил несколько булочников и возил их по городу в позорной повозке. Потом на площади их заставили съесть по сырой дохлой крысе (а наиболее виновного — даже живую крысу) и, удовольствовавшись таким наказанием, решили отпустить на свободу. Однако фронтовые солдаты, и, конечно, в первую очередь, сам мой берлинский рабочий, сочли это совершенно недостаточным и,

когда крысы были съедены, растолкали штатскую толпу и с военной энергией тут же на площади повесили всех булочников — “врагов народа”...

Да, подумал я, большевизм в Германии, пожалуй, даже более жесток, чем у нас: у нас просто вздернули бы, не заставив предварительно съесть крыс...» [137, с. 246].

Но этот рассказ спартаковца был еще не окончен. Когда направляющиеся с фронта домой немецкие солдаты возвратились к своему вагону, то застали толпу горожан, рвущую погоны с их офицеров:

«Мы бросились на их защиту, выбили немало зубов... Кое-кого из них мы даже убили... это, пожалуй, было **нехорошо**», — задумчиво прибавил он» [137, с. 247].

Да уж — нехорошо...

Так всегда было принято поступать у них со **своими** согражданами и даже в еще более массовом порядке:

«В Германии при подавлении крестьянского восстания 1525 г. казнили более 100 000 человек» [63, с. 16].

Так расправлялись они со своими гражданами. Но по отношению к своим **врагам** германцы были куда как менее щепетильны. Некогда обитавшие в степях Причерноморья их предки, по словам Геродота (V в. до Р.Х.):

«С неприятельской головы... снимали кожу...» [80, с. 27].

«После этого она употребляется как утиральник... Тот, кто владеет наибольшим числом таких утиральников из кож с неприятельских голов, почитается доблестнейшим человеком» (там же).

Они даже:

«...приготавливали себе из неприятельских человеческих кож плащи, в которые и одевались; для этого кожи сшивались вместе, как козьи шкурки» (там же).

А вот что о знаменитых арийцах древности сообщает Страбон (I в.):

«...это — воинственное племя. Никто из них не женится, пока не принесет царю отрезанной головы врага. Царь кладет череп в царском жилище, а язык разрезает на мелкие куски и, смешав их с мукой и сам отведав, отдает есть принесшему и его родственникам. Самым славным считается тот царь, кому приносят больше всего голов» [263, гл., 2, аб. 14].

Аммиан Марцеллин (IV в.):

«...они приносили пленных в жертву Беллоне и Марсу, с жадностью пили человеческую кровь из обработанных человеческих черепов» [гл. 4, аб. 4].

Такова эта самая заграница, на все лады нам настойчиво расхваливаемая, и теперь. И это именно у них за безбилетный проезд в общественном транспорте можно схлопотать удар полисмена дубинкою по голове — у нас такое не привьется: мы не тот сорт народонаселения, который можно было бы так запросто лущевать, где ни попадя, совершенно не рискуя при этом нарваться на адекватный ответ.

Но в варварстве, однако ж, всегда почему-то обвиняют именно нас. И даже жертвы русской революции, в которую вложены деньги, между прочим, в своей основе именно западноевропейских и американских налогоплательщиков, приписывают почему-то нам же. То есть стороне пострадавшей. И пострадавшей именно от интернационала, захватившего в России власть с их же помощью. Однако ж вот чего стоила революция у них. В данном случае во Франции:

«...Французская революция пожрала, по разным оценкам, от 3,5 до 4,5 млн. человеческих жизней» [50, с. 103].

И это все притом, что:

«...ко времени Революции население Франции составляло 25 млн. человек ...этот урон был настолько значителен, что французская нация так и не смогла от него оправиться...» [50, с. 103].

Вот какими варварскими методами происходило это самоистребление и по сию пору столь странным образом восхваляемое самими французами, умилительно увековечившими его в своем собственном гимне:

«Затоплялись барки, чьи трюмы были набиты не принявшими новых порядков... И маленькие дети были брошены туда, несмотря на мольбы матерей. “Это волчата, — отвечала рота Марата, — из них вырастут волки”... женщин и мужчин связывают за руки и за ноги и бросают. Это называют “республиканской свадьбой”... Вооруженными палачами “расстреливались маленькие дети и женщины с грудными младенцами... расстреливали по 500 человек за раз...” [50, с. 102–103].

«...гильотинировались мальчики 13–14 лет, “которым, вследствие малорослости, нож гильотины приходился не на горло, а должен был размозжить череп”» [50, с. 104].

И все это производилось на площадях и под одобрительные возгласы огромной толпы!

Но подобное, что и понятно, если и совершалось уже теперь в нашу революцию, то лишь за глухими заборами и толстыми стенами чекистских казематов. Потому как если бы такая ретивость наших интернационалистов вырвалась бы тогда на улицу, то революционерам грозила очень быстрая и очень постыдная гибель — страшен русский бунт!

Но все вышеуказанные жестокости для Запада являлись всего лишь цветочками:

«В Медоне... существовала кожевенная мастерская для выделки человеческих кож; из кожи тех гильотинированных, которых находили достойными обдиранья, выделялась изумительно хорошая кожа наподобие замши... История, оглядываясь назад... едва ли найдет в целом мире более отвратительный каннибализм...”⁴ [50, с. 103].

Но мы оглянемся не назад, но будем смотреть исключительно вперед! Ведь европейское варварство никуда не уходит, а ускоренно прогрессирует. Вот, например, какими кошмарами была отмечена теперь почему-то всеми позабытая поступь немецкого сапога по Европе еще в Первую мировую войну:

«В некоторые приграничные русские города вступили немцы и австрийцы. Поведение их было неопишимо — массовый грабеж, расстрелы заложников, насилия над женщинами...

Местом жуткой кровавой бойни стал Калиш. В официальном сообщении главного управления генерального штаба России сухо перечислялись только считанные злодеяния, совершенные по приказу немецкого командования: “Когда президент города Буковинский, собрав с населения по приказу генерала Прейскера 50 тысяч рублей, вручил их немцам, то был тотчас же сбит с ног, подвергнут побоям ногами и истязанию, после чего лишился чувств. Когда же один из сторожей магистрата подложил ему под голову свое пальто, то был расстрелян тут же у стены. Губернский казначей Соколов был подвергнут расстрелу после того, как на вопрос — где деньги — ответил, что уничтожил их по приказанию министра финансов, в удостоверение чего показав телеграмму”. Местных жителей расстреливали на каждом шагу — “трупы лежат неубранными на улицах и в канавах... За нарушение каждого постановления генерала Прейскера приказано расстреливать десятого”.

Люди 1914 года были потрясены — вести о чудовищных зверствах потоком шли из Бельгии, Франции, России, отовсюду, куда ступал кованый сапог немецкого солдата. Мир еще не знал фашизма, Освенцима, Дахау, геноцида гитлеровцев, но уже тогда, в августе 1914 года, хорошо знали, что враг систематически нарушает законы и обычаи войны. Пытки и убийство пленных в руках немцев и австрийцев были не исключением, а правилом» [151, с. 63–64].

Сюда же следует добавить и самые последние из достижений этих специалистов по борьбе с **перенаселением**, относящиеся к середине XX века, когда массовость совершаемых убийств этих дорвавшихся до господства в Европе головорезов многократно

⁴ Карлейль Т. Французская революция. История. М., 1991, с. 390–491, 504–505.

возросла, обнажив всю доподлинную пещерность воспитавшей эту волчью породу культуры. И на сегодняшний день все ее вопиющие «прелести» ужаснувшийся мир может наблюдать по оставленным впопыхах сбежавшими палачами следам преступлений в Майданеке и Дахау, Треблинке и Бухенвальде. Так что отнюдь не в эпоху нибелунгов или «Персифаля» нация, считающаяся самой культурной в Западной Европе, создает просто поражающую своим размахом колоссальную машину истребления народонаселения планеты. Но последняя Мировая война вместе с предшествующей.

Союзные державы попытались прикрыть многие из обнаруженных слишком очевидных преступлений, стараясь отмежеваться от причастности к созиданию человеконенавистнической машины Третьего рейха. Ведь лишь стремительное русское наступление, заставшее этих профессионалов-людоедов врасплох, не позволило данному подвиду гомо сапиенс в очередной раз уничтожить следы присущей ему каннибальской культуры, воочию показавшей теперь всему миру свой звериный оскал. В лагере Освенцим, например, из 35 имевшихся складов захвачено было совсем немного. Однако и они повествуют нам просто об ужасающих цифрах:

«Только в сохранившихся шести складских помещениях было обнаружено около 1,2 млн. комплектов верхней и нижней одежды замученных, а на кожевенном заводе Освенцимского лагеря найдено 7 тыс. килограммов волос, снятых с голов 140 тыс. женщин...»⁵ [44, т. 10, с. 79].

И это лишь в шестой части одного лагеря столь любящих порядок и отчетность немцев. Но 83% складов, что и естественно, содержащих наибольшее количество компромата, освенцимские палачи все же успели уничтожить. И, несмотря на это, обнаружены волосы, снятые со 140 тысяч женщин.

Каким образом эти изуверы снимали с них волосы? Может быть, в качестве скальпов?! Да еще и с живых?! Ведь свидетелей не осталось...

Но такое было для них так — маленький штришок. Потому именно этот компромат нам и достался.

Но что поспешили эти типичные представители западной культуры уничтожить в складах, сожженных в самую первую очередь?! Вывороченные на пытках из орбит глаза, раздробленные конечности замученных жертв или перчатки из человеческой кожи?

Вот какой первый вопрос задал психологу Джильберту на Нюрнбергском процессе начальник этого лагеря Рудольф Франц Фердинанд Гёсс:

«— Вы хотите знать, нормальный ли я человек?

Еще бы, убийца трех миллионов человек имеет право на такое предположение.

— А что вы сами по этому поводу думаете? — поинтересовался Джильберт.

— Я абсолютно нормален. Даже отправляя на тот свет миллионы людей, вел вполне нормальную семейную жизнь» [97, с. 404].

То есть этот паук, напившийся крови трех миллионов человек, как выясняется, по германским понятиям, то есть по понятиям страны этих самых пауков, ничем недостойным себя не скомпрометировал: вел вполне респектабельный образ жизни — был прекрасным семьянином! А потому без какой-либо тени смущения:

«...Гёсс рассказывает суду о преимуществах “своего” лагеря в сравнении с таким “отсталым” комбинатом смерти, как Треблинка. В Треблинке, например, чтобы уничтожить две тысячи человек одновременно, нужно было десять газовых камер, а в Освенциме для этого количества достаточно было одной» [97, с. 403].

Вот что об этом сообщает письменное показание Гёсса:

«...мы построили нашу газовую камеру так, чтобы она могла вместить 2 000 человек одновременно...» [110, с. 338].

«Бывали дни, когда в крематориях и на кострах сжигали в сутки до 15 тысяч человек. Крематорий дымил, и костры во рвах горели днем и ночью» [111, с. 343].

⁵ Нюрнбергский процесс. Т. IV. М., 1959, с. 367–369.

Но сколько осталось нераскрытыми преступлений во всех иных лагерях, устроенных по Европе этими самыми «просветителями»? А сколько сожженных русских деревень с сиротливо уставившимися в небо трубами печей разбросано на пути их следования? Сколько безжалостно уничтоженного населения разрушенных городов: расстрелянных, повешенных, замученных?

И это все притом, что аппетиты у немцев в отношении России всегда были куда как более обширные, нежели убийство миллионов мирных граждан СССР, которое они успели произвести. Вот какие масштабы по уничтожению русского населения России были еще запланированы. Следуя своей людоедской программе:

«...Бах-Зеловски показал, что в 1941 году на совещании в Вельзебурге Гиммлером была поставлена задача: уничтожить в России тридцать миллионов человек. Речь шла, конечно, о мирном населении, ибо Гиммлер в данном случае толковал не о боевых действиях, а об уменьшении биологического потенциала славянских народов» [97, с. 55].

И не следует думать, что все эти прожекты явились лишь в больном воображении высшего командования Германии, невероятно распухшей от присвоения земель континентальной Европы и теперь ведущей непримиримую борьбу с ее «перенаселением». Нюрнбергский процесс высветил немалое количество каннибалов среди исполнителей любого ранга:

«Перед Международным трибуналом прошли палачи и поменьше калибром. Из них мне запомнился, в частности, эсэсовец Олендорф, начальник эйзатцгруппы “Д”. Этот заявил, что на юге Украины, в районе Николаева, он успел убить только... девяносто тысяч человек» [97, с. 405–406].

То есть «всего лишь» 90 тысяч русских людей лишил жизни этот вполне достойный своих людоедских предшественников убийца!

И вот при помощи каких изуверских инструментов немцами производились эти запланированные в их респектабельных кабинетах массовые преступления. Этими людоедами использовались произведенные их промышленностью:

«...агрегаты для дробления человеческих костей, аппаратура для производства из них химических удобрений, разработаны особые методы выделки для промышленных целей человеческой кожи» [97, с. 4].

Так что изготовлением все тех же плащей все из того же материала они вновь указали на тот сверхъестественный каннибализм, который сидит с давних пор в крови у данной породы недочеловеков.

А вот как использовались этими культуртрегерами снятые ими скальпы:

«...волосы — для матрацев!» [97, с. 81].

Но германская «хозяйственность», столь воспеваемая и сегодня, просто не знала никаких границ:

«...из человеческого жира нацисты производили мыло», которое пускали в продажу по всему свету “немецкие парфюмерные фирмы...”» [97, с. 162].

После демонстрации перед нюрнбергскими судьями культуртрегерской продукции из человеческих волос и жира:

«...в руках обвинителя появляется нечто вроде куска кожи. Да, это кожа, и, если к ней присмотреться, не выделанная еще кожа. Но содрана она не с животного, а с человеческой спины...»

У стены на столах тоже стоят какие-то предметы, прикрытые простынями. По указанию обвинителя простыни убирают, и перед глазами всех присутствующих появляются куски уже выделанной человеческой кожи, посаженные на распялки. На каждом из них следы красивой татуировки. Люди, которые имели несчастье в молодые годы легкомысленно разузорить себя, оказавшись в руках нацистов, сразу обрекались на страшные муки и надругательства... из их кожи делали абажуры и различную галантерею» (там же).

То есть здесь разговор идет даже не о самих палачах — с ними все ясно. Здесь сообщается, что эта вырожденческая разновидность так называемых нынешней наукой

гомо сапиенс на самом деле является расой вурдалаков, более чем сознательно приобретающей в магазинах изделия из кожи, совершенно явно содранной с живого человека!!!

Вот когда прекрасно раскрылся тысячелетиями дремавший немецкий каннибализм, пытающийся теперь прикрыть свое звериное нутро некоей претензией на обладание культурными достижениями, чем-то там якобы уж чрезмерно полезными в бытоулучшительских нуждах человечества, усиленными темпами прогрессирующего в своей деградации.

«Тут же под стеклянным колпаком — высушенная голова человека величиной с кулак. На ней сохранились волосы, а на шее — следы веревки.

Мороз пробежал по телу. Чья это кожа? Кому принадлежала эта голова?... Точно известно только то, что голова этого несчастного на специальной подставке как сувенир стояла на письменном столе начальника концлагеря Освенцим» [97, с. 163].

У этих зверей в человеческом обличье все было рационально и экономически обосновано:

«Когда Гёссу был задан вопрос: “Правда ли, что ээсовские палачи бросали живых детей в пылающие печи крематориев?” — он немедленно подтвердил правильность этого. А дальше заявил: “Дети раннего возраста непременно уничтожались, так как слабость, присущая детскому возрасту, не позволяла им работать...”» [97, с. 9].

На Нюрнбергском процессе в качестве документального подтверждения полной тождественности современных немцев с людоедскими племенами, только еще совсем недавно спустившимися с дерева, были показаны кадры хроники, отснятые самими палачами. Притихший зал увидел:

«...печки-крематории. Перед входом в крематорий — горы обуви, детские вещи.

А это что такое? Целый склад тюков. Это волосы, срезанные у жертв перед казнью. На тюках надписи: “Волос мужской”, “Волос женский”...

А на экране опять горы ботинок, горы трупов...

Освенцимские кинокадры сменяются кадрами из Бухенвальда. Снова всепожирающие печи и абазур из татуированной человеческой кожи.

...на экране появляются тюки волос, и диктор объявляет, что это “сырье” использовалось для производства специальных чулок для команд подводных лодок...” [97, с. 169–170].

То есть на матрасы, как выясняется, у них шел лишь «второй сорт». А волосы с чьих голов были «удостоены» использоваться первым сортом в качестве «сырья» для чулок подводных корсаров Деница?

«А вот и Дахау. 17 тысяч мертвецов...

Потом на экране появляется Иосиф Крамер — палач Бельзенского концлагеря. В яму сбрасываются женские тела» [97, с. 170].

«...о миллионах казненных людей: расстрелянных, повешенных, заживо сожженных, затравленных собаками, забитых сапогами, задушенных газом... стучат в сердце человечества худенькие кулачки пяти-, шестилетних детей, которых гнали в газовые камеры и которые, пытаясь спастись, показывали на эти свои жалкие кулачки, шелестя безкровными губами:

— Мы еще сильные, мы можем работать... Смотрите, мы еще можем работать!...» [97, с. 246–247].

И все это, между прочим, совершалось отнюдь не во времена языческих камланий, когда готы шили себе плащики из кожи, снятой с голов своих врагов, а врагами были все окружающие их мирные народы. И еще не в те времена, когда в их среде был узаконен каннибализм. Молодой воин, что следовало их традиции тех далеких времен:

«...первый раз, как убьет врага, должен обязательно выпить его крови...» [80, с. 27].

Вышеописанные преступления совершены в XX веке: в самый пик амбициозных претензий германцев на опеку над якобы много уступающим им в **культуре** всем остальным миром.

Так что же это за культура за такая, столь теперь сильно удивляющая?

Вот как высказался на Нюрнбергском процессе о культуртрегерской привычке к умерщвлению людей представителями своей нации министр юстиции гитлеровской Германии Ганс Франк:

«...варварство, видимо, характерная расовая черта немцев. Иначе как можно объяснить, что Гиммлер заполучил в свое распоряжение столько людей для исполнения своих преступных приказов?» [97, с. 83].

Но исполняли эти людоедские приказы не только подопечные Гиммлера. Тут, судя по всему, практически каждый немец, получивший в руки оружие, своей неутомимой палаческой деятельностью удостоил себя той самой петли, которую затянул палач на шеях лишь только высших сановников Третьего рейха. В том числе и на шее того же Франка.

Вообще же следует отметить следующие особенности Второй мировой войны:

«Европа оказалась менее культурна, чем она казалась и считала самое себя. Именно из ее недр вышли орды изуверов гитлеровского толка, захватившие почти всю Европу и показавшие изумительные примеры варварства и жестокости. Война только показала яснее то, что было сокрыто в одном из уголков “европейской культуры”, и нет никаких оснований полагать, что этого скрытого нет и в других странах, и формах, может быть, и похуже.

Породив гитлеризм, Европа показала себя “au naturel”, без фиговых листочков. Ведь никто не может сказать, что Германия не есть плоть от плоти Европы. Забыть и замолчать позор гитлеризма нельзя. Все, что есть порядочного в Европе, отмахнуться от этого не может. Это давит тяжелым кошмаром на их сознание. Позор остается позором, и позором неизгладимым. Ведь очевидно, виноват не только гитлеризм, но и все, кто его воспитывал, а воспитывала вся Европа» [59, с. 367–368].

Но подстать своему коллеге по Тройственному пакту выглядели и японцы. В январе 1942 года Гитлер принимал японского посла Осиму. И вот как он поучал японцев расправляться с оставшимися в живых экипажами вражеских судов, убеждая:

«...чтобы они тонущих в плен не брали! После торпедирования противника подлодки должны всплывать и расстреливать не только шлюпки, но и тех паршивых неудачников, которые кувыркаются среди обломков, отыскивая доску понадежней. Обучение новых команд обходится противнику дорого — это же чистая экономика!

Осима обнажил в улыбке квадратные зубы и сказал, что они всегда так поступают...» [90, с. 21].

Эту грязную пресловутую гитлеровскую «чистую экономику» японцы, как выясняется, знали ничуть не хуже своих коллег по Освенциму и Дахау, а, может быть, даже и лучше. Вот как описывают их нравы попавшие к ним в плен американцы, совершенно случайно спасшиеся от смерти:

«Первым на борт подлодки забрали 18-летнего юнгу, застрелили его и выбросили за борт. Остальным крепко связали руки и под разглагольствования на ломаном английском языке... били и истязали. Примерно в полночь началась (по словам японцев) настоящая забава. Каждого американца заставляли бежать по палубе между строем японских подводников, вооруженных дубинками, мечами и штыками. В конце этого строя жертва... сбрасывалась за корму. Так было покончено с 60 американскими матросами...

Но тут прозвучал ревун срочного погружения — японская субмарина быстро ушла в пучину, оставив на поверхности океана 35 американцев со связанными руками. Несколько человек — это почти чудо! — сумели в таком положении удержаться на волнах, пока их случайно не заметило индийское судно. Они-то и поведали миру, как действуют японские подводники...» [90, с. 6].

Но не только страны Тройственного пакта, но и наши союзники достаточно аргументировано доказали, что и они сами того же поля ягоды. Это стало ясно сразу, как только появилась возможность приступить к безнаказанному проведению массовых убийств мирного населения:

«...англо-американская авиация разрушила многочисленные города — Штутгарт, Вюрцбург, Дюссельдорф, Берлин, Потсдам, Магдебург, Дрезден и другие... Эти налеты не являлись необходимыми с военной точки зрения и не имели непосредственного отношения к боевым действиям...

Так, во время налета американской авиации на Дрезден в ночь с 13 на 14 февраля 1945 г., из 220 тыс. жилых домов 80 тыс. были полностью разрушены и 75 тыс. сильно повреждены. До сих пор неизвестно, сколько было убитых в Дрездене в эту ночь, — погибло ли там 350–400 тыс. человек, как сообщил в Берлин руководитель местного управления нацистской пропаганды, или “всего лишь” 100 тыс. человек, как сообщала печать нейтральных стран» [153, с. 14].

То есть за одну ночь некогда многолюдный город, куда в надежде спасения своих жизней с невероятными трудностями добрались и десятки тысяч беженцев из восточных германских земель, занимаемых нашими войсками, после варварской бомбардировки союзниками, был практически уничтожен! И все потому, что англо-американцы вовсе не пытались выводить из строя военные заводы, чем занималась обычно авиация наша. Целью их бомбардировок являлось уничтожение мирного населения Германии, со дня на день имеющего возможность оказаться в руках союзника по коалиции — России.

И единственно, чем можно объяснить выбор американцев, выбравших именно Дрезден в качестве объекта для уничтожения, это то, что варварская бомбардировка этого города:

«...носила характер ритуальной мести за проведение в Дрездене Первого Всемирного Антисемитского конгресса (1882 г.)» [178, с. 119].

Не меньшим людоедством запятнал себя и налет на Хиросиму и Нагасаки.

Таковы их нравы. И они, что самое кошмарное, всегда были такими. О чем нам сегодня средства дезинформации не только ничего не сообщают, но и уже имеющиеся о варварстве наших соседей сведения пытаются перекроить до неузнаваемости, чтобы мы не подозревали подвоха и продолжали бездумно лезть «под крыло» своих неких таких «продвинутых» цивилизаторски настроенных соседей.

Однако ж варварство, нами выше подробно описанное, началось вовсе не с Освенцима и Бухенвальда, но еще куда как много раньше. И даже не в стране победившего социализма, сегодня столь пестуемого Западом, не испытавшим его кошмаров на своем боку. Вот чем начался цивилизаторский XX век:

«...первые в мире концлагеря для мирных жителей появились уже в 1901 году, во время англо-бурской войны. Понуждая буров к сдаче, англичане загоняли в концлагеря их жен и детей, где те умирали с голоду. Так Британия, “колыбель демократии”, вступала в XX век» [176, с. 157].

Но за последние годы эти нравы не только не улучшились, но много и еще более усугубились. К делу уничтожения Православия приступили сначала в Югославии, где издевательства мусульман и католиков над православными сербами ужаснули своей изощренностью палаческого искусства, а затем еще и у нас — в Чечне.

«Плен испокон веков считался самым страшным, что может случиться с человеком. Плен — это неволя, это издевательства. Жизнь показала, что чеченский плен — это самое страшное, самое нечеловеческое, изуверское, что вообще может быть на свете» [94, с. 51].

И это в сравнении со звериной традицией хорватов, которые у захваченных ими сербов отрезали нос и уши, выкалывали глаза...

Что же может быть еще ужаснее?!

Вот лишь один из многочисленных эпизодов чеченского плена, когда банда Хойхороева в течение ста дней издевалась над попавшими к нему в лапы четырьмя русскими солдатами. Рассказывает мать одного из них — Родионова Любовь Васильевна:

«Когда мальчишки сказали, что их родители не смогут найти столько денег, для них начался ад. Их избивали, морили голодом и снова избивали. Не было пыток, которые бы ни испробовали чеченские торговцы людьми на восемнадцатилетних русских мальчишках.

— Мне больно об этом рассказывать... — говорит Любовь Васильевна. — Больно думать... Я до сих пор не могу понять зачем... Если перед тобою враг, убей... Но зачем мучить? Чего чеченцам от этого? Сломать человека? Уничтожить как человека?

Конечно же, сломать...

Конечно же, уничтожить...

Это совершенно ясно, хотя православному человеку и невозможно понять это...

Невозможно понять и другое.

Представьте себе на минуту, что вы приезжаете в русскую деревню и видите: посреди нее сделана земляная тюрьма, в которой содержат украденных из Москвы и Петербурга чеченцев... По вечерам пьяные и обкуренные мужики отстреливают этим чеченцам пальцы, отпиливают бензопилами головы...

Как вы себя поведете? И как вели себя соседи Р. Хойхороева, которые не участвовали в его зверствах? Ведь они знали: Хойхороев торгует людьми, знали о том, что он подвергает свои жертвы изуверским пыткам... Ведь это же невозможно было скрыть от односельчан!

— А этого и не скрывал никто, — говорит Любовь Васильевна. — Никаких секретов. Там все родственники. И вот я слышу, что надо пожалеть мирную чеченскую женщину. А если она неделями не кормила наших детей, которые у нее сидели в подвале?! Она что, не могла им кусок лепешки дать? Даже их чеченские дети измывались над нашими ребятами! Пленные, которым удалось освободиться, рассказывают, что чеченские дети и стрелять на них учились, и палками насмерть забивали... Это — нелюди! — Посмотрите... Мы говорим, что есть боевики и есть мирное население... Но издевались над пленными не только боевики. Нет. Я другой такой нации не знаю» [94, с. 147–148].

Но подобным издевательствам и умерщвлению подвергались в Чечне не только русские военные. Геноциду здесь подвергалось вообще все проживающее на момент вручения власти чеченцам русское мирное население:

«...в первой половине 90-х годов в Чечне совершался тотальный геноцид русского населения: если до прихода к власти банды Дудаева в Чечне проживало до 40% (а в Грозном все 60%) русского населения, то к 2002 году их осталось лишь 3,7–3,8%» [99, с. 8].

И пока не найдено человека, который отобразил бы в своих документальных свидетельствах все те ужасы, которым, при полном попустительстве властей, подверглось здесь коренное население этой местности. Понятно без комментариев — русское население. Ведь тем, кому не удалось отсюда сбежать в самые первые дни прихода к власти в России так называемой демократии, суждено было принять все те муки и издевательства, которые для них подготовили Ельцины и Дудаевы, Басаевы и Гайдары...

«Московские “гуманисты” вообще очень избирательны в своих жалостливых чувствах. Чеченских бандитов бомбить никак нельзя, а трогать тароватых еврейских “банкиров” вообще невозможно. А когда чеченские бандиты вводят в “Ичкерии” рабовладение, а еврейские гешефтмахеры вывозят на Каймановы острова награбленные в России ценности, то бороться с ними, даже писать о том есть нарушение прав человека. Их человека...» [175, с. 252].

Именно по данной причине на стороне этой общакового склада ума объединенной какими-то нам неизвестными договорами и понятиями народности и оказался наш ярый правозащитник чеченских «мирных жителей» — Сергей Ковалев. Что вполне естественно. Ведь защищаемое им «прогрессивное человечество» действительно прогрессирует: тот же Адольф Гитлер, в сравнении уже с нынешними «мирными» чеченцами, просто совершеннейший мальчик, так как он не знал, как ему **правильно** воспользоваться попавшим к нему в плен сыном Сталина.

А вот «мирные» чеченцы как поступать в подобных ситуациях прекрасно знают: они отрубают у ребенка по кусочку пальца и рассылают в конвертах родителям. Вот он где, этот самый «прогресс», столь удивительно дружно защищаемый Ковалевыми и К°.

И вместо централизованного уничтожения миллионов, когда людоедские фабрики смерти избравших себя вершителями чужих судеб культуртрегеров просто поражали своими размерами и масштабами, нынешние чеченцы унифицировали промышленную основу этой людоедской традиции, перешли на хозрасчет — «семейный подряд»: каждой семье свой зиндан.

Но не следует думать, что и немец застоялся без этого самого столь ему присущего пресловутого «прогресса». Следует здесь заметить, что абажурчики с татуировкой в уважаемых германских магазинах — это все тот же цивилизаторский XX век! Ведь это не измазанный в крови гяуров абрек его себе по случаю на заработанные торговлей людьми деньги приобретал для подсветки входа в любимый зиндан (что, может, и выглядело бы вполне обоснованно). Но предпочтеннейший бюргер в свою великосветскую меблированную гостиную!

И вряд ли можно определить, что выглядит более подло по отношению к связанному по рукам и ногам человеку: выкалывание глаз или отпиливание пилой головы. Или, может быть, менее людоедски выглядело обливание в мороз человека ледяной водой?

А ведь именно сегодняшняя Европа, где мусульмане-албанцы и католики-хорваты совсем недавно подтвердили со времен войны много возросшее людоедство, указывает на свое все прогрессирующее озверение. Но и как всегда в подобных ситуациях:

«...средства массовой информации молчат о страшных издевательствах над сербами в Боснии и Косово: о зверски замученных младенцах, о бусах из детских пальчиков...» [112, с. 147].

Но и немцы, думается, тоже не стоят в этом вопросе на месте. Потому всю эту свору каннибалов следует поименовать одним термином: **евразийской бандой потенциальных убийц**, лишь ждущих очередного военного конфликта для демонстрации врожденной тяги к кровавым оргиям и издевательствам над православными людьми.

Почему именно православными?

Так ведь производимыми этими поборниками прав людоедской «культуры» действиями они сами демонстрируют целенаправленность своей политики. Ведь именно на истреблении православных славян были сосредоточены цели походов: Батыя, Наполеона, Гитлера и уже нынешних более мелких (но не менее кровавых) бандитов: хорватов, албанцев и чеченцев. На сегодняшний день, лето 2008 г., сюда же следует добавить и снаряженных в поход Дядюшкой Сэмом американизированных грузин, лишь каким-то чудом не осуществивших запланированную ими операцию над православным населением Южной Осетии, именуемую ими «Чистое поле». Это наименование, видимо, должно обозначать, **что** после их нападения должно было остаться от народа, не пожелавшего очистить свою исконную территорию, переподаренную Грузии большевиками. Нападение это, понятно, было произведено по недавнему чеченскому сценарию — без какого-либо объявления о начале военных действий. Потому в упор были сначала расстреляны российские миротворцы. Причем, сразу с двух сторон: в спину им стреляли находящиеся в Южной Осетии для поддержания мира грузинские «миротворцы». И более подлого удара невозможно даже и предположить: «миротворцы» сами развязывают военные действия. Это уже что-то новенькое. Хотя, если честно, достаточно легко прогнозируемое...

Но если с Батыем и Наполеоном все вроде бы понятно, так как в те времена Православие являлось государственной религией страны, то почему в этом длинном ряду указана и политика Адольфа Гитлера, направленная против, казалось бы, атеистического государства — СССР?

Вот какие цели по отношению к Православию ставили как Германия с ее сателлитами, так и СССР с пришедшими в 1917 г. к власти в стране Троцкими и Бухаринными:

«...в Югославии, которую немцы заняли за одиннадцать дней, водворение “нового порядка” гитлеровцы возложили на католическую церковь — в полном соответствии с чаяниями Ватикана. В этой славянской стране оккупированной немцами и фактически переданной ими во власть католиков, чудовищным образом было зверски уничтожено около миллиона православных сербов. Так осуществлялся очередной крестовый поход.

Мы приведем здесь всего лишь несколько примеров католического геноцида против Православия. 12 мая 1941 года в городе Глина было совершено заклятие 1200 православных сербов: им рубили головы топором — в алтаре, на престоле православного храма. После этой ужасающей по своей жестокости казни храм, набитый трупами, подожгли. Летом 1941 года в Ливантийском округе францисканец доктор богословия Сречко Перич обратился к хорватам с речью. Он призывал “братьев-католиков”: “Братья хорваты, идите и перережьте всех сербов, а для начала зарежьте мою сестру, вышедшую замуж за серба, а потом всех сербов по порядку. Когда с этим покончите, приходите ко мне в церковь, я вас поисповеду, и все грехи вам простятся...” — В этом округе были с необычайной жестокостью убиты все сербы, все до одного, более пяти тысяч человек...

Член ордена иезуитов Филиппович в феврале 1942 года возглавил отряд усташей. Он повел их на рудник, находившийся неподалеку от города Банья-Луки. Все рудокопы, православные сербы, 52 человека были убиты. Затем отряд направился в село Дракулицы, где жили семьи убитых шахтеров, и там зверски вырезали их домочадцев — от старух до младенцев. Смертью мучеников погибли 1500 православных. Только одной женщине, матери пятерых детей, чудом удалось убежать. Ее рассудок не выдержал увиденного: она сошла с ума...

В селе Балевицы католический священник Сидония Шольц “благословил” свою паству убить православного священника Георгия Богича. В полночь в его дом ворвались католики. Священника выволокли из дома, отрезали ему нос и язык, сожгли бороду, вспороли живот и кишки обмотали вокруг шеи...

В Столичком округе “по благословию” католических священников Марко Зовко и Томаса Ильи было убито четыре тысячи православных сербов. Как это делалось, показывает происшедшее в селе Клепец, где Томас Илья угрозами мучительной смерти принудил жителей перейти в католичество, причастил их, а затем всех этих людей перерезали. “Вы ошибаетесь, — говорил этот «добрый католик» обреченным на смерть, — если думаете, что мы переводим вас в католичество для сохранения вашего имущества, пенсии или содержания. Мы не хотим спасти вашу жизнь, а только ваши души”. Это была обычная практика “благочестивых и богобоязненных католиков”.

В Словении в католической церкви на горе святого Урха с благословения местного католического епископа был устроен страшный застенок — для православных. Их пытали, затем умерщвляли мучительно, — одним из способов было закапывание живьем. Пуля считалась проявлением милосердия. Руководил всем этим кошмаром католический священник, доктор теологии Петр Крижай, обычно сам показывавший своей пастве, как нужно мучить и убивать православных сербов.

Бывший председатель народной власти в Словении Борис Кидрич был одним из очевидцев тех ужасов, которые происходили в Словении под властью католиков и фашистов. Вот его слова: “Я помню католических священников, которые в Долинском своей рукой закапывали пленных... Я помню католических священников в Хорватии с полными корзинами вырванных человеческих глаз...”

Людей закапывали ножом особой формы, который убийцы называли “сербосеком”, православным вырезали глаза, разбивали головы... Убивали всех: мужчин, женщин, стариков, детей. В горных местностях после войны были обнаружены сотни “ям” — глубоких колодцев, в которые сбрасывали сотни и тысячи людей, — часто поголовно всех жителей целых селений. Для православных детей устраивались концлагеря, в которых начальствовали католические монашки. “Милосердным католическим сестрам” было поручено уничтожать сербских детей. В августе 1942 года только в одном из таких

сербских концлагерей в Ястребарском за месяц было уморено голодом и забито до смерти 100 из 400 православных детей. Попытка бежать из лагеря смерти каралась безжалостно — пойманных детей убивали. Так, за попытку бежать из Ястребарского лагеря был забит до смерти ребенок Божа Шарич. Еще двое детей погибли от руки католической монашки. Она убила их — “за непослушание”: вывела их за лагерь, чтобы не были слышны крики, и хладнокровно била, пока те не умерли» [129, с. 239–241].

А всего за времена этого геноцида православного сербского народа со стороны вторгнувшихся в пределы его проживания иноверцев:

«...около 1 миллиона сербов зверски убито» [361, с. 274].

Но вот интересен итог этого кровавого противостояния. В результате казалось бы победы русских и сербов над немцами и союзными им хорватами:

«Главный форпост Православия на Юго-западе, Сербия, оказывается в руках хорватов, католиков — Иосиф Броз Тито хорват, и Хорватия становится наиболее развивающейся республикой. Православные области Югославии не просто в забвении, но Косово заселяется мусульманами так, как сейчас Россия и Москва» [115, с. 111].

И если кто-то считает, что от мусульман следует ждать все же меньшей агрессии, чем от протестантов Адольфа Гитлера и католиков, постоянно снаряжаемых в крестовый поход на тотальное истребление православных славян Ватиканом, то он при этом сильно заблуждается. О необходимости исключительно таковой же программы действий по отношению к гяурам, то есть людям им иноверным, ну ни капельки не стесняясь, говорит даже их священная книга — Коран:

«И сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается с вами... И убивайте их, где встретите... И сражайтесь с ними, пока не будет больше искушения, а вся религия будет принадлежать Аллаху» [Сура 2, аяты 186, 187, 189]. Пусть мусульманин прокомментирует эти слова. Спросите его: “Разве может Творец призывать к всеобщей междоусобице? Разве Ему угодно, чтобы верили в Него под дулом автомата?”» [131, с. 75].

Вот типичный ответ мусульманина христианке, замешкавшейся при вступлении в данное вероисповедническое сообщество:

«Становись мусульманкой, или мы навсегда расстанемся. А сейчас твоя жизнь ничего не значит, каждому мусульманину позволено убить тебя» [131, с. 36].

И **позволено убить**, повторимся, даже не в раннесредневековые мрачные времена завоеваний арабского халифата, но именно сегодня — в наши так называемые «цивилизованные» времена их вероисповедание просто **предписывает** нас убивать! И даже не у себя в Турции, но в Европе на территории христианской страны...

А вот что творилось и еще будет твориться на территории страны нашей. Вот какие листовки печатались мусульманами Азербайджана во время Карабахских беспорядков, когда русских военных Горбачев бросил в качестве живого щита для разграничения враждующих в ту пору сторон — армян и азербайджанцев:

«Мы, азербайджанцы, скоро будем на ваших русских рынках, вы будете нашими рабами и единственными покупателями... Мы посадим в вашем правительстве наших людей или купим ваших чиновников... Мы спровоцируем наше мнимое слабое финансовое положение, благодаря чему через предателей-министров вы нам дадите столько денег, сколько мы скажем... А после на эти деньги создадим у вас свои рынки, казино, публичные дома... Мы перепортим ваших женщин, пропишемся в ваших городах, сократим вашу рождаемость... Уничтожим русских... и шакалы поедят ваши трупы... Убивая русского, мы знаем — Аллах прощает нам грехи» [471, с. 214].

То есть убивать нас им просто предписано их религиозным законом. И за это преступление их божество грозитя не то чтобы не слишком жестоко их за пролитую кровь покарать, но, наоборот, сулит простить все иные прегрешения, введя убийство русского исповеднику ислама в его религиозную обязанность. И так у них по отношению к нам было всегда.

Так что история, если ее по каким-либо причинам не поняли и оставили в презрении, всегда повторяется! Это хорошо бы нам намотать все же на ус. Потому следует себе уяснить, что именно прикинувшийся безвинной овечкой братающийся сегодня с нами:

«Ватикан призывал католиков вступать добровольцами в корпус легионеров, благословляя убивать русских схизматиков на Восточном фронте III Рейха...

Но вот что удивительно: эти зверства, характеризующие геноцид целого народа, по мнению правительств победивших стран: СССР, Америки и Англии, не были холокостом — как “не было холокостом” и продолжавшееся уже четверть века уничтожение русского народа, оказавшегося между молотом и наковальней — между двумя Барбаросса — Гитлером и Сталиным, символизировавшими фашизм и коммунизм» [129, с. 241].

И какими зверствами сопровождался геноцид захвативших в России власть интернационалистов можно судить по страшной статистике десятками миллионов на протяжении десятилетий постоянно куда-то исчезающего русского населения России:

«Обратимся к безстрастным цифрам, к статистике. В 1923 году — всего за пять послереволюционных лет — в России исчезло 29,5 миллионов человек. Это означает, что жертвой “Великой Октябрьской Социалистической революции” стал каждый пятый из населявших нашу страну» [129, с. 93].

«Даже по официальной статистике, к концу 1922 года в стране было 7 миллионов (!) безпризорных — то есть лишившихся обоих родителей детей»⁶ [50, с. 64].

«Следующий период: с 1923-го по 1927 год — это уже не гражданская война, более-менее мирное время. За считанные годы страна потеряла 10,7 миллионов своих граждан. Пойдем далее: 1929–1933 гг. убыль населения — 18,4 миллионов. Наконец, пятилетие 1934–1938 гг. потери 9,6 миллионов.

Эти сведения содержатся в безпристрастных и абсолютно чуждых идеологии трудах ученых-демографов Института социально-экономических исследований Госкомстата России: Андреева, Дарского и Харьковской»⁷ [129, с. 93–94].

Так что:

«...с октября 1917 года вплоть до 22 июня 1941-го в истории России не было ни одного года без чудовищных людских потерь... Что это, если не война, цель которой — уничтожение России и ее народа?» [129, с. 94].

И эта война Запада против России и ее народа, знаменуемая лишь периодической заменой внутренней агрессии на агрессию внешнюю, ведется постоянно: на протяжении всей истории Православной Руси.

Потому о западном иноверческом обществе следует сказать так:

«...это общество не что иное, как организация для убийства...» [60, с. 231].

Но для чего эти вурдалаки так изощрены в палаческом искусстве? Почему они не могут просто убивать? Зачем им так всегда требовалось человека перед смертью помучить?

Чтобы сломать, растоптать, заставить предать свой народ и начать убивать себе подобных.

А для того чтобы к этому принудить, требуется богатый опыт.

Вот именно за ним Петр и устремился на Запад (в Чечню и в его времена было отправляться достаточно рискованно: могли ведь и отловить и на нем же самом свое умение и продемонстрировать).

Так чем же столь прославилось его царствование? В чем выражаются его «славные», мало того, — «великие» дела?

Давайте посмотрим с самого начала.

На Руси при оболганном историками «кровавом» тиране Иоанне Грозном:

«...смертной казнью карали за: убийство, изнасилование, содомию, похищение людей, поджог жилого дома с людьми, ограбление храма, государственную измену» [63, с. 207].

⁶ Малая советская энциклопедия. М., 1929, т.1, с.703.

⁷ Население Советского Союза. 1922–1991. М., 1993.

То есть всего за семь видов преступлений.

При самой малейшей попытке попугайничания у старушки Европы в данной области эта цифра резко возрастает:

«...во времена правления царя Алексея Михайловича смертной казнью карались уже 80 видов преступлений...» [209, с. 246].

Так что очень зря он поименован историками «Тишайшим». Ведь его дела, при которых введенное им европейское варварство — крепостное право — потребовавшее в десяток раз увеличить и причины умерщвления русских людей, не согласных с их закрепощением, слишком красноречиво указывают на не слишком-то кроткий характер этого человека.

Но «прогресс» в палаческом искусстве на месте не стоял. В современном Петру французском законодательстве было узаконено 115 проступков, достойных с точки зрения правосудия этой европейской страны смертной казни.

Потому-то и страны эти, по тем просто жутким временам, переизбытком населения вовсе и не страдали:

«...во Франции 15, в Германии — 20, в Испании — 10 млн. Население Англии и Швеции составляло тогда по 3 млн. человек, Голландии — 1,2 млн.» [190, с. 28].

И если компактным государствам Европы может быть и имело какой-то смысл воевать со своими согражданами за «место под солнцем», то России, простирающейся к тому времени уже до самого Тихого океана, где после всех перипетий смутных времен (а также первых странных Романовых [при Алексее Михайловиче, например, население России не возросло]) проживало лишь 15 млн. человек, подобные мероприятия являлись просто каким-то изощренным мазохистическим самоубийством.

Европа же, прогрессируя в необычайной любви к самоистреблению, по средствам всех вышеперечисленных методов, вот какие результаты по части борьбы с перенаселением имеет в том хваленном XVII веке — веке эпохи Возрождения:

«...население даже сократилось: в 1648 году оно оценивалось в 118 млн. человек, а в 1713-м — 102 млн.» [190, с. 71].

И ни о каких абортах в те времена еще и разговоров не было. Так куда же подевались вновь народившиеся за тот страшный век многие не только десятки, но и сотни миллионов «лишних ртов» европейцев Западной Европы?

То-то и оно! Вот в чем чувствуется уверенная поступь европейского «прогресса».

И вот, примерно, какими кошмарными методами «просвещенной» Европе удавалась эта свирепейшая борьба, позволившая сократить население Европы на 17 млн. человек:

«Прочтите у Жан-Клода, у Эли Бенуа, что делали во Франции “Драгуны” в 1685 году. Людей рвали щипцами, сажали на пики, поджаривали, обваривали, душили, вешали за нос. Это было в самой цивилизованной стране Европы, в пору *grand siècle* в царствование короля, который не считался жестоким человеком» [253, с. 62].

Но Петр в этом вопросе переплывает своего великого предшественника на русском троне не только по маниакальной влюбленности в заграницу, некоего такого — «Тишайшего», но и саму заграницу. Причем, уже в самом начале своих «славных дел». Его законы предусматривают не 80 видов провинностей, за которые следует убийство, как у «Тишайшего» и даже не 115, как у Западной Европы, но:

«...уже 200 таких артикулов» [121, с. 308].

Причем, если человек не подвергается смертной казни, то обязательно уродуется. Его бьют до полусмерти, а часто получается и до смерти, а затем вырывают ноздри и заковывают в кандалы.

А вот еще, например, вариант, когда человека в петровские времена, причем, еще лишь в начале его «славных дел», то есть еще во времена вьюношества, совершенно умышленно делали инвалидом. Вот что записывает в своем дневнике барон Мейерберг:

«31-го июля... я видел на площади человека держащего отсеченную у него по законному приговору руку. Человек сей находился в услужении... и не получая за то следующей платы, покусился украсть...» [332, с. 351].

Так что если сам булочник, у кого украли булку, встал бы на колени, чтобы воришку за его провинность помиловали, именно *закон* тех времен предписывал поступать так, как в это же время поступали за границей — в милых каменному сердцу Петра «просвещенных» странах Запада. Однако ж он, как только получает полную на то возможность, по части применения палаческой практики, за границу эту, столь им превозносимую, не только догоняет, но, вне всяких сомнений, и многократно перегоняет. То есть плюс к нами уже упомянутым издевательствам, с членовредительством, поставленным на государственный уровень, еще и 200 причин для преобразования этим «Преобразователем» живых людей в мертвых. Что ж, для начала этой карьеры, весьма удивительнейшим образом историями историков прославленной в веках, совсем неплохо⁸...

Шаромыжная шваль и чухонская шупера

Так какую же культуру к нам из-за «бугра» завез Петр? Чему, кроме палаческого искусства, он мог поучиться на совершенно по тем временам (да и по этим) диком Западе?

Вот как по временам «этим», в период Великой Отечественной войны, слишком разительно отличался наш русский окоп от окопа немецкого.

Свой разговор с уголовником в штрафбате записал в выпущенной им книге «Взять живым» наш фронтовой разведчик, Герой Советского Союза Владимир Карпов:

«—...Навоевались, устали фрицы, сидят, наверное, в блиндажах, вшей бьют.

— Они же культурный народ, — возразил Петр Иванович.

— Все до одного вшивые.

— Ты в газетах читал или сам видел?

— Даже вшей ихних кормил. Как поспишь в отнятом у фрицев блиндаже или в доме, где они стояли, обязательно этой дряни наловишься» [48, с. 280–281].

То есть немец, как выясняется, был просто поразительно вшив!

Ну, кто-то скажет, война ведь, а потому и вши.

Но вот что, например, сообщает о виде придворных кавалеров своего мужа маркграфиня Байретская:

«Мне говорили, что все они знатны и богаты, и полагала, что их вид будет соответствовать их положению. Но как я ошибалась!..

Их было всего около тридцати человек, пришедших приветствовать меня, и у всех были такие лица, что могли бы навести страх на малых детей, и чтобы еще более украсить свои физиономии, они подрезали волосы наподобие париков. В волосах с незапамятных времен водились вши, которые вели свою генеалогию с того же времени, с какого вели свой род и они сами. На этих людях были платья, которые также свидетельствовали о древности их рода и, несомненно, достались им от предков. Несомненно, они одели свои праздничные придворные костюмы, но выложенные на них галуны были до того черны и истерты, что едва-едва можно было догадаться, что они когда-то были позолочены. Но им, видно, казалось, что даже в этих ветхих рубищах они внушают не менее уважения, чем сам император, облаченный в мантию Карла Великого. Чтобы закончить список всех их прелестей, нужно не забыть сказать, что у большинства из них лица были покрыты коростой» [395, с. 195].

⁸ удивительным для нормального человека, а не всех остальных

Но не только придворная немецкая знать смердела коростой, вшами, немытостью своих волос и физиономий, а также нестиранностью своих одежд. Ведь в той же Франции, в наиболее модном у них месте, вшей, извечного спутника чумазости заграницы, всегда было в преизобилии. И даже лично у того, кто этой модной местностью управлял:

«Версальский двор купался, конечно, в роскоши, но еще больше он купался во вшах: на карточный стол короля ставилось блюдечко, на котором можно было давить вшей...» [126, с. 434].

Вот вам и горд Париж — центр мировой моды! Даже короли — и теот вшей отбивались, как могли.

Восток, кстати сказать, был в этом плане ничуть не чище. Вот что сообщает на эту тематику арабский писатель начала XIV в. Рашид-ад-Дин. Фрагмент маленькой любовной истории одного из восточных падишахов:

«...Бугра-хан опьянел и заснул. Увидев Кору-хана одиноким, жена Бугра-хана для того, чтобы ему понравиться, **решила избавить его от вшей на голове**» [442, с. 83].

То есть, просторечно выражаясь, «поискать», положив его голову на свои колени. От того и произошла рассказываемая Рашид-ад-Дином интрижка. И это во дворце падишаха — у лиц, облеченных в их государстве верховной властью. Но ничуть не лучше востока выглядел, что выясняется, в этом вопросе и версальский дворец.

Вот и еще любопытнейшая подробность об этом месте, откуда по всему свету некогда расплозились и по сию пору расплозятся самые последние моды. Историк Молчанов:

«...знаменитый Версальский дворец и не менее знаменитый дворец в Коломенском были построены практически в одно время. Но в Коломенском дворце для всех — и для бояр, и для челяди, были устроены “мыльни” — домашние бани и туалетные комнаты. В Версале туалета не было даже у короля, не говоря уже о том, что во дворце не было ни одной ванной комнаты» [43, с. 185].

«Пышно разодетые кавалеры и дамы отправляли свои естественные потребности в коридорах роскошного Версальского дворца. В палатах московских царей такого не водилось» [238, с. 68].

Вот по какой, самой тривиальной причине, **на карточный стол короля ставилось блюдечко, на котором можно было давить вшей.**

Однако ж здесь, после подетального уточнения средств гигиены монархов самого модного в Западной Европе двора, теряется даже смысл нашей излюбленной поговорки о том, **куда короли пешком ходят.** Становится непонятно: **под себя**, что ли?..

Ну, не совсем уж так-таки и под себя. Но не многим, как выясняется, и лучше.

«Вот выдержки из книги аббата Моро, бывшего директора обсерватории в Бурже “Кто мыль?”, с. 73: “...Генрих Третий (1574–1589) требовал ежедневной очистки лестниц в Лувре от нечистот...” Он говорил, что его соотечественники моются два раза в жизни: когда рождаются и когда умирают. В этом признавалась даже королева Изабелла Кастильская, правившая в Испании во второй половине XV века (правда, она мылась еще и перед свадьбой).

Русский историк описывает жителей европейского города XVIII века: “Моются редко. В сущности, и мыться негде. Общественных бань нет и в помине. Великолепным инкубатором для блох являются высокие прически дам и кавалеров. Мыла они не знали, вследствие этого были изобретены духи, чтобы забивать неприятные запахи от тела и одежды”. Дамы при дворе французского короля Людовика-Солнца (современника Петра Великого) непрерывно чесались изящными блохоловками и чесалками. В эдикте французского короля Людовика XIV говорилось, что при посещении двора следует не жалеть крепких духов, чтобы их аромат заглушал зловоние от тел и одежды.

Но запахок-то стоял и от другого.

Французский писатель Рожер Шовине отмечал в своей книге “Секреты Марии Стюарт”: “Мария Стюарт в Шотландии, как, впрочем, и короли Валуа во Франции, после непродолжительного пребывания во дворце, вынуждена была менять свою резиденцию по

причине невыносимого зловония...” Даже собор не был пощажён. Невозможно было всходить по ступеням по причине обилия г... Даже вне службы надо было держать двери собора закрытыми, без чего стены и скамьи были бы загажены мальчишками и другими неблагочестивыми людьми...

Заметим, что это относится к эпохе, когда у нас царствовал Алексей Михайлович! Тут есть о чем поразмыслить...» [238, с. 130–131].

Что же изменилось по прошествии нескольких веков?

Да в общем-то и ничего. Вот каковы впечатления от увиденных сыном Артамона Мотвеева, Андреем, французских городов, которые повстречались ему на пути в Париж в 1705 году. Проезжая Дуве, он пишет:

«...улицы в том и в других городах самые нечистые и вони наполненные» [330, с. 44].

Так что эта по тем временам самая модная местность, что выясняется, смердела. Причем так невыносимо, что даже сильно симпатизирующий Франции посол ну никак не смог не припомнить своего нелестного воспоминания о ее просто вопиющей нечистоте.

Потому даже Петр от путешествия в этот модный город остался не в слишком великом восторге, заявив:

«...Париж воняет» [166, с. 397]; [324, с. 34]; [364, с. 111, № 39].

При этом Нартов добавляет фразу, высказанную Петром уже при отъезде из этого центра европейской моды:

«...город сей рано или поздно... от смрада вымрет» [364, с. 121, № 126].

Но и век спустя описание санитарного состояния этого модного города оставляет также желать много лучшего. Об установке в многоэтажных домах каких-либо сантехнических сооружений, столь сегодня обязательных и всем привычных, в ту пору — вновь — не было еще и намека. Для самих же обитателей Парижа чистоплотность являлась делом слишком непривычным и излишне обременительным. А потому:

«Судебные архивы 40-х годов XIX века содержат немало дел о привлечении к ответственности домовладельцев и слуг за опорожнение ночных горшков из окон верхних этажей. В этом же десятилетии появились первые общественные уборные [а до этого их вообще не было! — А.М.], но мужчины и некоторые женщины продолжали мочиться, а то и испражняться у порогов домов, возле столбов, церквей, статуй и даже у витрин магазинов. Содержимое выгребных ям просачивалось в землю, заражая воду в колодцах, а воздух дымился от гнилых испарений (Veber Eugene. From Orbuero to Order // The New Republik. Washington. 1991. July 1)» [216].

Но привычки французов уже и в наши дни вполне подтверждают полное отсутствие у этой нации каких-либо малейших позывов к чистоте, им совершенно не свойственной еще и в самом своем зачатии:

«Ну почему утром все, вылезая из постелей, бредут с закрытыми глазами сначала сразу пить кофе с круассанами, а только потом начинают мыться, одеваться, краситься?» [19, с. 154].

Да что там о привычке куда-то «брести» — ведь именно у них принято, еще и до горшка не добравшись, требовать «кофе в постелю»!

Далее:

«Почему почти не имеют вешалок в прихожих, а шубы и пальто чаще всего заносят в хозяйскую спальню и бережно укладывают на широкий сексодром?!

И это, не говоря уже о пододеяльниках, которых просто нет...» [19, с. 154].

То есть мало того, что спят по-цыгански, но туда же еще и мокрые с улицы пальто и шубы своих гостей раскладывают. И уж тут неизвестно, чему более угрожает стать испачканным: постели о грязную мокрую верхнюю одежду или шубам о столь грязную «цыганскую» никогда не стираную постель?

Но и умывание — лишь после завтрака!

Таков и сегодня тот самый Запад, чьим модам Петр железом и кровью стремился заставить нас попугайничать. Но и Восток, откуда родом как сами цыгане, так и их привычки обихода, например, французская постель «по-цыгански», точно сегодня в таком же состоянии. Недавно одна вернувшаяся из Индии дама очень сокрушалась, что просто не смогла сделать ни одной фотографии: куда ни глянь — обязательно объектив прихватит с выпученными глазами сидящего на тропе индуса или индуску, справляющих малую или великую нужду. И как собаки все тамошние обитатели, причем, от мала до велика, делают это через каждые пять минут и практически где ни попадя!

Вот откуда Запад, считающий себя именно **индо-европейского** происхождения, судя по всему, и приволок на белый континент свою варварскую негритянскую культуру: гадить на каждом углу.

И эта просто шокирующая нечистоплотность столь обожествляемого им Запада более чем озадачила даже нашего «Преобразователя»:

«В Голландии Петра, по его признанию, поразила странная картина: целая семья зажиточного горожанина дружно мылась у одного единственного корыта. Русский царь никак не мог взять в толк, как может такое быть в стране, где так много воды, если в России даже в самых засушливых краях у всех есть бани» [43, с. 185].

Но и без этих признаний Петра всегда являлось общеизвестным, что:

«...Западная Европа и в самом деле не грешила регулярным мытьем лица и тела» [15, с. 28].

Вот как описывает офицер русской армии Ф.Н. Глинка оставленный французами бивак еще только в самом начале отступления французской армии из Москвы:

«В одном месте лежали груды тлеющих трупов французских, погребения не удостоенных, в другом — разбросанные церковные утвари, изломанные оклады с образов; далее скелеты издохших лошадей, которых мясо съедалось голодными завоевателями... Целые главы сахару, вина и прочие лакомства брошены были подле жареного конского мяса... одежды, зеркала, бронзы, обрызганные кровью, члены человеческие валялись вместе с членами убитых скотов» [22, с. 145].

Но это было только начало того грандиознейшего отступления. Чуть позже нравы французов все более и более указывали на их совершенно нечеловеческое происхождение:

«В каком печальном виде представлялись нам завоеватели России!.. На той дороге, по которой шли они так гордо в Москву и которую сами потом опустошили, они валялись в великом множестве мертвыми, умирающими или в беднейших рубищах, окровавленные и запачканные в саже и грязи, ползали, как ничтожные насекомые, по грудам конских и человеческих трупов. Голод, стужа и страх помрачили их рассудок и наложили немоту на уста: они ни на что не отвечают, смотрят мутными глазами на того, кто их спрашивает, и продолжают глотать конские кости» [22, с. 36–37].

«В самых диких лесах Америки, в области каннибалов, едва ли можно увидеть такие ужасы, какие ежедневно представляются здесь глазам нашим. До какой степени достигает остервенение человека! Нет! Голод, как бы он ни был велик, не может оправдать такого зверства. Один из наших проповедников недавно назвал французов **обезчеловечившимся** народом; нет ничего справедливее этого изречения. Положим, что голод принуждает их искать пищи в навозных кучах, есть кошек, собак и лошадей; но может ли он принудить пожирать подобных себе? Они нисколько не содрогаясь и с великим хладнокровием рассуждают о вкусе конского и человеческого мяса! Зато как они гибнут: **как мухи в самую позднюю осень!** У мертвых лица ужасно обезображены. Злость, отчаяние, бешенство и прочие дикие страсти глубоко запечатлелись на них. Видно, что сии люди погибли в минуты исступления, со скрежетом зубов и пеною на устах... вчерашняя ночь была для меня самая ужасная! Желая немного обсушиться, мы оправили кое-как одну избу, законопатили стены, пробитые ядрами, и истопили печь. Сотни стонящих привидений, как Шекспировы тени, бродили около нас. Но едва почуяли они теплый дух, как со страшным воплем и ревом присыпали к дверям. Один по одному втеснилось их

несколько десятков. Одни валялись под лавками и на полу, другие на верхних полатах, под печью... Перед светом страшный вой и стоны разбудили меня. Под нами и над нами множество голосов на всех почти европейских языках вопили, жаловались или изрыгали проклятия... Иной кричал: “Помогите! Помогите! Кровь льется из всех моих ран... У меня оторвали руку!” “Постойте! Удержитесь! Я еще не умер, а вы меня едите!” — кричал другой. В самом деле, они с голоду кусали друг друга. Третий дрожащим голосом жаловался, что он весь хладеет, мерзнет; что уже не чувствует ни рук, ни ног! И вдруг среди стоа, вздохов, визга и скрежета зубов раздавался ужасный хохот...

Когда рассвело, мы нашли несколько умерших над нами и под нами и решили лучше быть на стуже в шалаше... Кстати, не надобно ль в вашу губернию учителей? Намедни один француз, у которого на коленях лежало конское мясо, взламывая череп недавно убитого своего товарища, говорил мне: “Возьми меня: я могу быть полезен России — могу воспитывать детей!” Кто знает, может быть, эти **выморозки** поправятся, и наши расхватают их по рукам — в учителя, не дав им даже и **очеловечиться**...» [22, с. 41–42].

Совершенно аналогичным образом телевидение пытается в массовом порядке внедрить в наше сознание стряпню подобных же **выморозков** все с того же Запада. И учительствуют они теперь не только у наших детей, но и у взрослых. Эти, избежавшие лютой кончины недобитки, чудом унесшие свои ноги из-под Москвы в 1941-ом, теперь точно так же, как тот **вымороженный** французик, не просто **очухались** и только просятся, но совершенно настырно и безцеремонно **лезут** к нам в учителя.

Однако ж еще тогда, чудом выбравшийся живым из подмосковных лесов генерал Шааль, про то страшное лютое время, когда немцы полностью уподобились своим французским предшественникам, так описывает тот сброд, в который под Москвой превратилось его воинство:

«Дисциплина пошатнулась. Все чаще встречались солдаты, отступавшие пешком, без оружия, волоча за собой теленка на веревке или санки с картошкой... Психоз, почти паника охватила войско... солдаты отступали куда глаза глядят» [47, с. 177–178].

Так что несомненное сходство этих двух нашествий вроде бы двух разных европейских народов не оставляет никакого сомнения.

А вот еще о бегстве французов из сожженной ее жителями Москвы:

«Мы остановились в разоренном и еще дымящемся от пожара Борисове. Несчастные наполеонцы ползают по тлеющим развалинам и не чувствуют, что тело их горит! Те, которые поздоровее, втесняются в избы, живут под лавками, под печами и заползают в каминь. Они страшно воют, когда начинают их выгонять.

Недавно вошли мы в одну избу и просили старую хозяйку протопить печь. — Нельзя топить, — отвечала она, — там сидят французы. — Мы закричали им по-французски, чтобы они выходили скорее есть хлеба. Это подействовало. Тотчас трое, черные как арапы, выпрыгнули из печи и явились перед нами. Каждый предлагал свои услуги: один просился в повара, другой в лекари, третий в учителя!.. Мы дали им по куску хлеба, и они поползли под печь» [19, с. 117].

И эти маленькие фрагменты рассказов о том отступлении неприятеля оказались зафиксированы не только на бумаге под пером очевидцев тех событий, но даже в нашем родном наречии:

«Помнит русский язык французское нашествие. С тех пор в русском языке завелось слово *шаромыжник*, от французского *cher ami* — дорогой друг, так голодные французы, скитаясь по холодной России в 1812 году, просили чего поесть» [33, с. 13].

С тех самых пор:

«Обмороженные “шер ами” стали **шаромыжниками**, а изголодавшиеся “шевалье” — просто **швалью**. Замечателен русский язык!» [19, с. 117].

Такова наша привычка потчевания незваных пришельцев.

«Французский [язык] ответил на эти события по-своему. Обжегшись о сковородку на кухне, француз по сей день орет: “Березина!!!”...» [19, с. 117].

Очень впечатляющий ответ: **память свою тренируют**. А то ведь забудут, вновь полезут в нашу страну, тогда могут нарваться куда как на еще большую грубость.

К приведенному наблюдению за развитием их языка следует присовокупить и французское «бистро», появившееся после требования русских казаков, в составе армии-победительницы в те времена прочно обосновавшихся в парижских ресторациях, подавать на стол **быстро**.

Но это вполне понятно: ведь если мы оккупированную ими Москву просто-напросто спалили своими же руками, то они — под лавку, как тараканы, и в рот глядят верноподданнически, желая исполнить любую прихоть захвативших их в плен врагов.

Оттого кроме как **швалью** и **шаромыжниками** мы этих полуцыган, спящих без пододеяльников и не имеющих никакой нужды в умывании по утрам, никогда и не называли. Мы к грязи не привыкли. Потому и одарили этих незваных пришельцев столь нелестными для них эпитетами. Так что полную подложность используемых за границей в свою пользу неких изобретенных ею «фактов» нам теперь раскрывает сам наш язык: в нем заложено наше об этих грязнулях не подложное мнение, сфокусированное со всей непредвзятостью во всех многообразных формах нашего языка.

Но и используемые ими воспоминания о Березине и «быстро» тоже внушают надежду, что и у них о той прогулке по России сохранится какая-то память: лишний раз сунуться не захотят.

Вот что о европейской культуре сообщает Солоневич, оказавшийся в Германии в период Второй мировой войны:

«В Европе бань не было. И сейчас, больше двухсот лет после Петра, бань в Европе тоже нет. Города моются в ваннах — там, где ванны есть; деревня не моется совсем, не моется и сейчас.

В том же городке Темпельбурге, о котором я уже повествовал, на пять тысяч населения имеется одна ванна в гостинице. А когда мой сын однажды заказал ванну для нас обоих, он пришел раньше и вымылся, я пришел позже, и администрация гостиницы была искренне изумлена моим требованием налить в ванну чистой воды: истинно русская расточительность — не могут два человека вымыться в одной и той же воде!» [126, с. 434].

Следует добавить, что и до сих пор в Германии бытует традиция, по которой существует даже узаконенная очередность купания семьи в ванне, естественно, без какого-либо и намека на замену грязной воды.

Но и для умывания лица проточная вода Западом не используется традиционно. Вот как выглядела эта их варварская привычка еще во времена их проживания в наших теперь степях Причерноморья:

«Каждый день утром у них непременно приходит девушка с большою лоханью с водой, и ставит ее пред своим хозяином, который моет в ней лицо, руки и волосы, моет и чешет их гребнем в лохани, потом высморкается и плюет в нее, и не оставляет грязной вещи, которой не делает в этой воде. Когда он кончил все нужное ему, девушка несет лохань к тому, который сидит близ него и он делает подобно товарищу; она же не перестает переносить лохань от одного к другому, пока не обходит кругом всех, находящихся в доме, и каждый из них высморкается и плюет в нее, умывает в ней лицо и волосы» [241, с. 94–95].

И такой вопиющей нечистоплотности дивятся даже арабы, и сами-то излишней тягой к обливанию водой не грешащие. Ведь обычая мыться не только в бане, но и в реке, никогда не имели и они. Потому именно их свидетельство о просто вопиющей нечистоплотности будущих жителей европейского континента в нашу оценку этих грязнуль неких претензий на культуртрегерство вносит особый колорит.

Вот как Алексеем Толстым освещается этот европейский обычай в описании правил личной гигиены нанятым Петром за 3 тыс. ефимков австрийским фельдмаршалом Огильви:

«— Наши жалуются, что больно горд. К солдатам близко не подойдет — брезгует... Зашел к нему нынче утром — он моется в маленьком тазике, — в одной воде и руки вымыл и лицо и нахаркал туда же... А нами брезгует. А в бане с приезда из Вены не был.

— Не был, не был... — Шафиров весь трясся — смеялся, прикрывая рот кончиками пальцев. — В Германии, — он рассказывал, — когда господину нужно вымыться — приносят чан с водой, в коем он по надобности моет те или иные члены... А баня — обычай варваров...» [135, с. 582].

Вот что они про нас обычно сообщают. Француз де ла Невилль сетует на русских:

«Они очень грязны, хотя весьма часто моются в особых помещениях, обогреваемых печами так сильно, что никто в мире, кроме них, не мог бы выдержать этого жара» [465, с. 168].

Это как из анекдота про чукчу, женившегося на русской: «Какая у меня жена грязная — ну, каждый день моется!»

О том же и Солоневич:

«У нас есть бани, в Германии и в Европе их нет» [126, с. 230].

А нет вот по какой причине. Перенимаемый с просвещенного Востока обычай заводить бани в диких странах Запада всегда заканчивался одним: сооружения, предназначенные у нас для очистки тела, в этих дремучих краях всегда превращались в заведения, слишком сходные с публичными домами. В случае же полного отсечения возможности совмещенного купания разных полов — в притоны для лесбиянок и педерастов.

Вот что сообщается о банях Турции, например, П.А. Левашовым, долго находящемся в этой стране во времена Екатерины II.

Так как:

«...между турецкими красавицами находится много трибад, которые сами в других женщин до безумия влюбляются, то таковые за наибольшее увеселение почитают, чтоб с своими любовницами вместе париться и наслаждаться зрением их наготы: сей между турецких женщин противоестественной страсти причиною строгое и невольное их содержание: одним словом, бани для турецких женщин суть земной рай, и для того нигде не видно такого великолепного устройства оных, как в Турции» [462, письмо №2, с. 44].

А вот что творилось в те же примерно времена уже на севере отделенной от нас границей Европы:

«Петр Чемберлен, один из членов знаменитого поколения врачей Чемберленов, в 1649 году испрашивал у парламента привилегию на открытие бань во всей Англии и опубликовал об этом брошюру. План его, однако, не был приведен в исполнение, потому что ему отказано было в разрешении построить общественные бани из нравственных соображений» [11, с. 156].

И если в Турции процветало по большей части лесбиянство, то уже в Англии в куда как большем ходу был гомосексуализм. Потому-то и бани были там запрещены исключительно *из нравственных соображений*.

То есть для неандертальского склада ума человека, не испытывающего никакой тяги к чистоте и непонимающего для чего она вообще необходима, нужда в строительстве этих заведений по очистке тела отсутствовала. Что зафиксировано Солоневичем уже и в середине XX века:

«Немецкий мужик моется в лоханке, — кое-как для очистки не столько тела, сколько совести. Он не купается вовсе. Когда мы с сыном в 1932 году вздумали купаться в горной речке Чу за озером Иссык-Куль — окрестные киргизы съезжались табунами глазеть на сумасшедших русских, которые ни с того, ни с сего лезут в воду. Почти также глазели на нас немецкие мужики в Баварии, Мекленбурге, Померании и Нижней Саксонии: вот взрослые люди, а плещутся в воде, как дети» [126, с. 230].

Не знаком, что выясняет Солоневич, немец с чистотой. А потому вот что сообщает нам, сам не понимая, что признается в собственной просто пещерной чумазости (на Западе в

тот момент общепринятой), сообщает в своем дневнике от 29 ноября 1721 года придворный голштинского двора Фридрих-Вильгельм Берхгольц:

«Здесь почти при каждом доме есть баня, потому что большая часть русских прибегает к ней по крайней мере раз, если не два в неделю. Я хоть и в первый раз побывал в бане после трех или четырех лет... однако ж нашел, что она мне очень полезна...» [316, с. 264].

То есть данный придворный особь одного из западноевропейских дворов сам признается, что мылся последний раз несколько лет назад. Ну, как вам такое? Ведь и его никто при этом признании в вопиющей своей чумазости за язык-то особо — не тянул.

Но таким же грязнулей был и его хозяин — голштинский герцог:

«Герцог шлезвиг-гольштейн-гогторпский Карл-Фридрих, 1700–1739, отец императора Петра III. Он оставил любопытные, неизданные еще, мемуары, о которых сообщил бар. Корф в Сборнике, I, 197. Современник гр. Бассевич много говорит о нем в “Eclaircissements sur plusieurs faits relatifs au regne de Pierre le Grand, extraits des papiers du feu comte H. F. de Bassewitz”⁹» [359, с. 22].

Немало сообщает о нем, как о своем в иностранном государстве сюзерене, и Берхгольц. В дневнике от 19 мая 1725 г. он отмечает величайшее при его дворе событие, выдающееся за рамки обычного. Можно сказать, Берхгольц отмечает событие века (а как иначе, если разговор идет об отце будущего всероссийского императора?):

«Около вечера его королевское высочество в первый раз здесь, в России, побывал в... бане, устроенной при занимаемом им дворце...» [317, с. 288].

И не окажись данного банно-прачечного заведения в преподаренном ему от всех щедрот с барского императорского плеча дворце, вряд ли бы этот светоч западной цивилизации вообще когда-либо за свою чухонскую жизнь узнал о предназначении данного чисто русского покроя заведения. Но продолжал бы мыться, как и все его коронованные предки, в шаечке, плескаясь лишь по утрам в собственных соплях, слюнях, харкотине и остатках вчерашней пищи из тщательно выполосканного рта.

А ведь дневник Берхгольца, где он ведет рассказ о пребывании этого принца заморского в России, начинается еще с 1721 года. То есть голштинский наследник престола, Карл-Фридрих шлезвиг-гольштейн-гогторпский, в ожидании руки дочери Петра, Анны, не мылся, и это как минимум, целых четыре года. То есть женишок этот, что называется, был к тому времени покрыт коростой и смердел немытостью своего тела уже к тому времени презрительно (*смердел* — от слова смерд, то есть простолудин, которому, по этой нами принятой чухонской исторической версии, якобы мыться некогда). То есть смердел четырехгодичной коростой не кто-нибудь там еще, но один из наследных принцев того самого общества, с которого нам столь настоятельно сегодня советуется брать пример...

Таким образом, становится понятным — почему исключительно для народонаселения Западной Европы, именуемого нами не в столь далеком прошлом более чем изысканно — *шушерой чухонской*, обычно применима фраза: *замызганный*. Ведь это и означает — *уроботанный*. Так как:

«*Мыза* на местном языке означает поместье [или немца, или шведа, или русского — А.М.]...» [316, с. 192]).

Потому, следовательно, этот нами разбираемый по всем его косточкам принц крови, о вопиющей немытости тела которого без какой-либо задней мысли сообщает Берхгольц, и сам такого же плана культурности, был в тон же своим оставленным в Европе землякам. То есть *замызганным*, как *чухонец*. А ведь *замызганным* являлся у них, что выясняет лишь самая поверхностная расшифровка смысла используемых нами терминов, не только каждый дворянин, то есть владелец *мызы*, но даже сам король...

Но эти столь привычные нам термины, относящиеся вообще ко всем инородцам и иноверцам, произошли отнюдь не на голом месте. О том встречаем объяснение в

⁹ Busching. IX. 281; Русский Архив, 1865, 95.

«Путеводителе из Москвы в С.-Петербург и обратно», написанном еще в начале XIX века И. Дмитриевым:

«На 9/22-й версте Государевой Царско-Сельской вотчины деревня **Сусары**, или **Шушары**... В **Сусарах** обитают **чухонцы**, первоначальные жители прибрежных окрестностей новой столицы: в домашнем быту, в нравах, в одежде и даже в земледелии вы много найдете оригинальных отличий от характеристики русской, даже по порядку, т.е. **безпорядку**, расстановки домов, вы тотчас заметите и отличие чухонского от русского... здесь финская борона видится едва ли не в первый раз» [32, с. 598].

Однако же, и за век до Дмитриева это название уже бытовало. О чем сообщает нам Татищев:

«Карелия и великая часть Финландии и по сей день от россиян чухонскою землею... называются...» [133, гл. 17].

Вот как выглядело их жилище. Свидетельствует Ф.Х. Вебер, брауншвейг-люнебургский посол, прибывший в Петербург в 1714 г.:

«Вместо окна у них не что иное, как маленькое четырехугольное отверстие, снабженное маленькой дощечкой, которую на него надвигают и сдвигают. У тех, кто живет получше, есть маленькое оконце размером в две ладони из... с лоскутом бумаги или прокопченного холста» [281, с. 61].

То есть свет им, что и понятно на все 100% безграмотным, был вовсе ни к чему.

Вот что сообщает об их жилище Андрей Болотов (1754 г.):

«Сии реи составляют у тамошнего беднейшего и гнуснейшего в свете народа вкупе и избы их, и овины; они и живут в них, и сушат свой хлеб, и кормят свою скотину, а что того хуже, из тех же корыт, из которых сами едят... нет в них ни единого окошка, ни единого стола и ни единой лавки, но дневной свет принужден проходить сквозь нерастворяющуюся, а задвигающуюся широкую, но низкую дверь и освещать сию тюрьму, стоя во весь день настез; самая печка сделана у них не по-людски, но в одном против дверей угле в вырытой яме. Я ужаснулся, как увидел отведенную себе квартиру, и не понимал, как мне в такой тюрьме и пропасти жить и препровождать целую зиму» [411, письмо 30-е].

Да, жить в хлеву русский человек не приучен. Потому Болотов, которому на постой предлагали чухонское жилище, был просто в шоке от предстоящей ему жизни в этом коровнике.

Продолжает описание этой чухонской избы-реи Вебер:

«Постелей в деревнях не знают вовсе, жители укрываются тряпьем и одеждой, но обычно, предварительно очень тепло натопив комнату, укладываются... совершенно нагими на большой печи, похожей на хлебопекарную, или на других положенных под потолком или подвешенных досках и брусках. И нимало не смущаются тем, что муж и жена, работник и девка, дети, собаки, кошки, свиньи, куры и так далее лежат вповалку в одной комнате... Легко себе представить, какое отвращение и омерзение должен вызвать этот смрад у непривычного путешественника...

Их детские люльки тоже очень заняты... кладут ребенка в тряпье, перья или солому...

Двери в их домах тоже обычно настолько низкие, что входящему приходится сильно наклоняться, а когда открываешь дверь, то навстречу валит такой дым и чад, что немудрено тут же упасть в обморок... вообще повсюду отвратительно грязно» [281, с. 61–62].

Вот в каких свинюшниках, что свидетельствуют очевидцы быта чухонцев, сегодня гордо именующих себя прибалтами, жили сегодня превозносящие себя и свою культуру до небес эти дикие грязные народности, ставшие теперь богатыми лишь за счет произведенного им подарка при развале масонами совка.

Но это еще что. Вот, например, какие жилища бытовали у бурятов:

«Живут буряты в низеньких деревянных хижинах, покрытых дерном...» [339, с. 131–132].

То есть в такого типа помещениях, которые сегодня используют под овощехранилища. И вот как бурятов характеризуют даже немцы, и сами-то коростой покрытые презрительно. Голштинiec Избрант Идес:

«Лицом и телом они напоминают чертенят, так как никогда не моются с тех пор, как родились; они также не срезают ногтей на руках и на ногах» [339, с. 135].

А вот как выглядели их соседи с севера — самоеды. Павел Алеппский как-то был свидетелем принятия ими пищи. Когда принесли им рыбу:

«...они съели ее всю с костями, кишками и головой, ничего из нее не отбросив... Зловонный запах ее распространился по палате, и мы едва не лишились чувств от величайшего отвращения к ним и при виде того, как они обтирали руки о свои шубы» [385, гл. 7, с. 58].

Но степень загрязненности чистоты тела у диких народностей Сибири, бывало, доходила и вот до каких обычаев. У чукчей, например, о которых очень неспроста сложено столько анекдотов:

«Мужчины здесь умываются мочою жен своих, жены — мочою мужчин. Народ этот считают самым презренным...» [323, с. 38].

А вот в каком *презрении* была уже теперь нами разбираемая *чухонская шушера*, мало чем своею чистоплотностью отличающаяся от товарищей чукчей, во времена владычества в Прибалтике немцев. Адам Олеарий (XVII век) свидетельствует:

«И теперь еще в Леттии и Эстонии много потомков этих варваров, не имеющих ни городов, ни деревень, но являющихся рабами и крепостными на службе у помещного дворянства и у горожан в городах...»

У них... женщины носят узкие платья, вроде мешков... Одежды их из плохого грубого сукна и холста, который они ткут и изготавливают сами. Летом носят они обувь из лыка, зимою же из недубленых грубых бычачьих и коровьих шкур. Большинство из них — бедные люди, у которых нет ничего, кроме того, что на них надето и что они кладут себе в рот...

Как сказано, это народ, живущий в рабстве и в тяжелой работе. Поэтому у них не найти много больше того, что на них или при них... Им оставляют лишь столько земли для хлебопашества, чтобы они еле-еле могли пропитать себя и своих детей в течение года. В некоторых местах, где много лесу, они уходят в лесную глушь, тайком устраивают себе там пашни, сеют и собирают зерно и закапывают его в землю. Если начальство узнает об этом, то зерно у них отнимается, а крестьянина [поступившего так] наказывают и бьют шпицрутенами... и бьют так сильно, что кровь струится с тела» [254, с. 111–112, 115].

И все это на протяжении нескольких сотен лет!

Вот что сообщает о пригородах Риги, населенных чухонцами, то есть, по современному, — латышами, голландец Николас Витсен, спутник посла этой страны в Московию — Борееля:

«...мы нашли деревню, где стояли на земле только 3–4 дома или избушки, остальные дома — это землянки, а вокруг них деревянные частоколы, воткнутые в землю. Землянки покрыты навозом и глиной... Место для сна — это угол, куда все лезут на подостланное сено. Пол грязный и мокрый... Очаг в середине, дым выходит из единственного отверстия. На детях, хотя было уже очень холодно, ничего не было, кроме рубах, а у большинства женщин верхняя часть тела ничем не покрыта... Я видел новорожденного, он лежал совершенно голый, без всяких пеленок, в корыте... Они... держат свиней в своих ямах в одном помещении с собой. У детей и поросят одна судьба: постоянно копать в земле... короче, нищета такая, что невозможно описать, хуже, чем у рабов» [376, с. 23–24].

Однако ж в самом городе Риге, что выясняется со слов все того же Витсена, в ту пору никакой этой чухонской шушерой и близко не пахло. Но вот кто здесь в те времена проживал:

«Каждое утро здесь большой рынок с сотнями людей: поляки, русские горожане — не немецкие и курляндские крестьяне; продают там все. Местные крестьяне — очень бедные люди, они считают себя богатыми, если у них есть лошадь, топор, корова и лопата; они все крепостные, каждый находится под властью своего господина... язык их странный, и они не понимают горожан» [376, с. 31].

И все потому, что горожане — поляки и русские. И это в момент обладания этим городом шведами!

Вот еще признак богатости у чухонцев:

«Самым богатым считается крестьянин, у которого большее количество детей, если он может удержать их у себя, ибо господа имеют власть торговать ими и продавать их» [376, с. 35].

А вот еще до боли известные нам приметы своего обихода, встреченные Витсенем в чужих нам, что выясняется — лишь теперь, землях:

«Люди из простонародья открыто, без стыда, купаются, мужчины и женщины выбегают из бань на улицу в чем мать родила и кидаются в холодную воду или обливаются ею» [376, с. 31].

Причем, чувствуется даже и то, что у этих русских, как-то уж больно основательно здесь обжившихся, какие-то уж слишком античного покроя замашки. Что говорит лишь о том, что их здесь присутствие наблюдается с пор слишком незапамятных:

«У людей знатных отдельные бани в своих домах, где девушки моют купающихся мужчин и женщин» (там же).

То есть в обитателях той трех с половиной веков давности Риги чувствуется какой-то просто до боли нам теперь ставший понятным новорусский стиль.

Но и оконные проемы там тоже были наши:

«...окна такие, как у нас в стенах пивоваренной, с телегой и лошадью можно въехать прямо в дом» [376, с. 37].

Вот еще деталь, позволяющая заключить, что вовсе не каминами пользовались горожане, но исключительно изобретением все того же — русского гения — русскими печами:

«...сильно болела голова от слишком натопленных помещений, к чему мы не привыкли» [376, с. 32].

Да, лишь русская печь способна в холодные времена так сильно натопить помещение. Западного образца отопительный прибор, камин, этого сделать не в состоянии, о чем Витсен, не привыкший к теплу в помещении, и сообщает. Вот еще сообщение о наших печах. На этот раз у жителей самого северного нашего города — Колы. Жан Соваж:

«...печи большие и жаркие, и очень опрятные» [с. 226].

Так что, исходя из слишком сильного несоответствия нашей культуры прибалтийской, следует заключить, — во владении чухонцев город Рига, что выясняется, не был никогда. Ведь даже во времена немецких баронов, вышибающих из крестьян Латвии с помощью кровавых бань все вообще их руками производимое, так что они принуждены были жить под одним кровом со свиньями, а новорожденных детей в корытах содержать, город Рига был заселен людьми слишком явно отличающейся от них культуры.

Вот как, вероятно по привычке, вели себя они и впоследствии — уже во времена нашего их земель завоевания:

«Вместо зерна народ размалывает в муку (особого рода) болотные корни и из этой (муки) печет (себе) хлеб. Самый распространенный товар — люди, ибо от голода жители охотно продают и самих себя, и своих детей» [293, с. 169].

Но мы, кому от немцев эта шушера чухонская перепала в наследство, впоследствии, в XIX веке, и явно — на свою голову, даже обучившие туземное население Лифляндии искусству писать на их родном варварском наречии, от них сегодня в полном презрении. Странно как-то: видать бич надсмотрщика для них больше пришелся по душе, да и продажа своих детей в качестве скота, с которым они и спали вперемежку, для них дело

естественное. Ведь и по сие время немецкий язык там в уважении, а русский, на котором во времена шведского здесь владычества разговаривало население Риги, они просто ненавидят всеми фибрами своей чухонской природы.

Однако ж и в Литве средневековых времен все обстояло точно также. О том сообщает Яков Рейтенфельс (1670 г.):

«До сего времени значительная часть Литвы была подчинена русским, которым литовцы, вследствие известной своей бедности, платили дань вениками, т.е. пучками из распускающейся березы, употребляемых в банях, и которые заставляли литовцев, вместо лошадей или быков, таскать повозки или плуги» [378, гл. 9, с. 271].

То есть языческих обитателей местных дебрей к работе приучали. Так что и Литва, что выясняется, была населена все такой же шушерой, как и Латвия.

Но и Эстония от выше уже засветившихся своей ничтожностью лишь большевиками и превращенных в национальные страны впоследствии советских республик практически ничем не отличалась. Ведь мы, что выясняется теперь, прикрыли им куда как более серьезный пробел в культуре, чем уже перечисленным литовцам и латышам. Эстонцев мы обучили строительству нужников. Что случилось, опять же, не при каком-то там таком еще царе Горохе, но и вообще — уже на наших глазах:

«Как известно, до войны в СССР было много кампаний типа “Все на трактор”, “Все на автомобиль”, “Ворошиловский стрелок” и т.д. В Эстонии тракторов и самолетов не было, но кампания была. Кампания называлась “Каждому хутору отхожее место”. На хуторах жило 90% населения, из них половина была батраками. До конца 30-х годов в эстонских хуторах не знали, что такое сортир (даже не канализация) и просто ходили за угол или где попало... В результате было много заболеваний. Даже объявили конкурс с премией. Победителей конкурса ставили в пример, президент лично их поздравлял, и в результате количество хуторов с сортирами выросло с 5% до 35%» [247, с. 22].

Но и не только север Европы, так называемого белого континента, представлял собою грязную клоаку, где местные жители веками привыкали чуть ли ни спать в фекалиях. Вот как с наличием отхожих мест обстояло дело в столице османов Стамбуле, например, в петровские времена:

«Везде у них отходы по улицам и у мечетей: испразднивши, да умыв руки [и не только их — А.М.], да и пошел... где не поворотился — везде отходы... Да не осуди, пожалуй, и баба при мужиках так и прудит» [355, л. 52–53].

То есть как западные, так и восточные столицы иностранных государств отхожих мест не имели в наличии чуть ли ни до XX века включительно. Потому дерьмо на улицах — их визитная карточка. Та самая, о которой сегодня почему-то принято умалчивать. И именно они у нас, наконец, осознав свое просто вопиющее варварство в том числе и в данном вопросе, переняли эту столь удивительно упрятанную историями историков деталь их личной гигиены, а никак не мы у них. Что свидетельствуют вообще все — как мы, так и они же сами о себе.

Вот, например, что сообщает о разности наших нравов в данном вопросе голландец Витсен в своей дневниковой записи от 24 декабря 1665 г.:

«В комнатах обычно имеются окошки, через которые мы часто мочились; как-то через окно один из английского посольства справил свою нужду. Русские узнали об этом, а он сбежал; если бы его поймали, то зарубили бы. Это заставило нас остерегаться» [376, 66–67].

То есть для этой модной сегодня заграницы улицы изгаживать своими испражнениями — дело обычное. Причем, под собственными же окнами. А затем, что и понятно без комментариев, вдыхать запах собственных же и своих земляков испражнений. И все это вместо чистого свежего воздуха, для чего и предназначено у людей Русы, Русских людей — людей с большой буквы, лишь им одним и известное средство для проветривания жилого помещения — окно.

Так что в их укоренившихся привычках было гадить у себя под носом. О чем они сами нам столь премило и сообщают. У нас же за такое паскудство, что, опять же, сообщают нам все они же, — смертоубийство без суда и дознания! Причем, не разобравшись, могли ведь зарубить за такое и самого иностранного посла...

Так кто из нас имел цивилизованную страну? Неужели же эти прибывшие к нам из своей Чухонии папуасы, не знакомые даже с самым простым средством цивилизации белого, то есть исключительно Русского, человека — нужником?

А вот как жилось англичанам, землякам того англичанина, члена посольства, которого за справление нужды через окошко наши молодцы чуть не изрубили в куски, во времена пика их некоего культуртрегерского просветительства снимаемых ими с дерева (и премило сажаемых в клетку) народов мира:

«...с 1770 по 1830 “свободные земледельцы” лишились более чем 6 миллионов акров общинных пашен и выпасов. Об условиях жизни наемных сельскохозяйственных рабочих дает представление свидетельство современника: “Их жилища мало чем отличаются от свинарников, и питаются они, судя по их виду, не намного лучше, чем свиньи... За всю свою жизнь я нигде и никогда не видел столь тягостного человеческого существования, как это — даже среди свободных негров в Америке”»¹⁰ [15, с. 215].

Петр, однако же, именно их порядочки, а точнее беспорядки, столь продуманно и «мудро» решил насадить на русской почве:

«Петр — в числе прочих своих войн — объявил войну и русским баням. Они были обложены почти запретительным налогом... Ключевский пишет: “В среднем составе было много людей, которые не могли оплатить своих бань даже с правежа под батогами”. Даже с правежом и под батогами московская Русь защищала свое азиатское право на чистоплотность. На чистоплотность, вовсе не известную даже и сегодняшней Европе, не говоря уже о Европе петровских времен» [126, с. 435].

Вот и еще одно обстоятельство, по которому русский человек никогда не селился вдали от рек, стало теперь очевидно: мы без чистоты, которая без наличия большого количества воды немислима, жить не привыкли.

Кстати, и Лжедмитрий был заподозрен в том, что не является русским, как раз из-за своей просто вопиющей нечистоплотности. Народ возмущался его поведением в том числе и потому, что:

«...хотя с первого дня свадьбы до сегодняшнего дня каждое утро готовится баня, он со своей языческой царицей еще не мылся. Должно быть, он не москвит, et per consequens non verus Demetrius (А, следовательно, и не истинный Дмитрий)» [250, с. 119].

Так передает мнение москвичей насчет Лжедмитрия немец Конрад Буссов, очевидец событий тех дней, тем подтверждая, что настоящим белым человеком может считаться лишь русский человек. Чумахая же за граница, к которой принадлежал и сам автор цитируемого выше трактата о Московии времен Самозванца, и действительно бань по тем временам еще не знала.

Не знала она бань и почти столетием позже — во времена написания сочинения о путешествии в Московию Адама Олеария:

«...русские заметили, что Лжедмитрий не русский по рождению и не сын великого князя, так как он... не ходил, по русскому обычаю... в баню» [254] (с. 191–192).

Что продолжилось даже после его свадьбы. Ни он сам, ни его жена инородка, судя по всему, никаких позывов к чистоте вовсе не испытывали:

«За все время брака он ни разу не сходил в баню, хотя она и готовилась для него ежедневно» [254] (с. 214).

То есть зря, что выясняется, готовилась. Ведь за граница такого «варварского» обычая, как приведение тела в чистоту, не имела и в зачатии. Потому явная принадлежность

¹⁰ Уильям Коббетт. Сельские прогулки верхом.

Лжедмитрия к чумазой за границе являлась столь очевидной, что ни у кого больше не вызывала сомнение его более чем очевидная подложность в качестве Русского Царя.

Не появился обычай у заграницы смывать периодически с себя грязь и ко временам восшествия на царствование третьего по счету Самозванца. Потому Петр, объявивший баням войну, и не воспринимался окружающими как истинно русский человек. Но, напротив, всегда и всеми считался инородцем.

Если быть до конца последовательными, то и о наших нравах, как правило, диаметрально расхожих с правилами заграницы, было бы не лишне здесь также упомянуть.

В случае неудовлетворительной работы желудка мы стараемся, по возможности, скрыть от окружающих вдруг охвативший нас неожиданно недуг. У немцев же имеется очень простой для подобного рода проявлений внутреннего расстройства организма обычай. В случае выхода газов не от старого человека, которому у нас обычно такое, хоть и с достаточной натяжкой, но все же прощается, а от молодой здоровенной девицы, причем даже за столом, — у них лишь вырывается возглас восхищения: «Ja, ja — sehr gut!» И аплодисменты.

Нам странно: почему им, немцам, это не противно. Однако им не только не противно, но, напротив, они от этого получают еще и эротическое удовольствие:

«Этнические немцы, как оказалось, имеют особое пристрастие к вопросам, связанными с фекальными выделениями и анальностью (См.: Dundes 1984; см. также: Dundes 1983 /о всеобъемлющем значении фольклора для национальной идентичности/)» [107, с. 40].

То есть тут явно у кого-то из нас, что называется, головка перегрелась. Мы, со своей стороны, естественно, думаем, что у немцев. И при своем мнении останемся всегда. Понятно, что мы вытерпеть такое сможем. Но получать при этом еще и удовольствие?! А они, как нам ни покажется здесь странным, не то чтобы думают, но уверены, что головушка в данном вопросе перегрелась именно у нас.

Ведь что значит плесканье в шаечке? Это возможность погрузить свою часть тела, именуемую лицом, в собственные выделения (в сопли и грязь из полости рта)! Пускай пока еще и не анальные... но все-таки.

Что может собою означать плескание в ванной не в свеженалитой воде, но в воде грязной, после купания кого-нибудь из членов твоей семьи?

Предоставление уникальнейшей возможности «поиметь удовольствие» от сбора грязи, налипшей на невымытые тела твоих ближайших родственников! Это все равно, что на тело собирать пыльцу запретного зелья, бегая мокрым и голым по плантации конопли. И уж в очередности такого семейного мытья никакого не остается сомненья: мужчина, как глава этого копрофильского семейства, будет принимать ванну самым последним. Это чтоб вся грязь досталась ему одному, как командующему сбором этого почему-то у нас не пользующегося популярностью «наркотика».

По той же причине некоторые «гурманы» ванну иногда устанавливают даже на кухне. В этом случае при каждом приеме пищи у них перед глазами будет стоять вместительная шаечка, наводя на приятные размышления о грязи. Не исключая, между прочим, и анальные нечистоты родственников, в которых совсем недавно довелось наслаждаться, словно свинье в грязной луже. Это все равно, что наркоману, выстроив себе фазенду с видом на поля конопли или мака, наслаждаться при каждой впрыскиваемой шприцем дозе вспоминая о своем личном участии в сборе этого зелья, строго-настрого запрещенного в местах, чуждых этому наркоманскому миру.

Такова основа удовольствия, получаемого немцем и от услышанного им громкого анального «выхлопа». И морщиться, думается, немец просто не подумает, но с удовольствием будет вдыхать, усиленно втягивая ноздрями, этот самый «аромат», не донесенный до туалета, наслаждаясь лишь от одной мысли о природе его происхождения. И если эту «гульку», словно из гаубицы броневой снарядом, выпустила весьма

фривольная дама из общества, то удовольствие будет повышенным и наводящим на приятные размышления о возможности продлить это общение, начатое столь пикантно, в более интимной обстановке.

Для немца — это секс прямо за столом!

И такое заболевание головного мозга имеет даже свое научное обозначение:

«Копролагния — вид полового извращения, при котором удовлетворение достигается при вдыхании запаха или рассматривании экскремента партнера» [11, с. 265].

Именно по этой причине немец даже унитаз при случае стремится установить на кухне: странно, но факт.

А удивительным это является лишь для нас, не посвященных в существо их образа мировосприятия. На самом деле установка унитаза прямо на кухне дает просто универсальный шанс: кроме процесса поедания, поиметь одновременно и удовольствие от вывода из организма готовой, то есть прекрасно переработанной продукции. Это как раз и входит в их столь обожаемое застольное наслаждение, свойственное в нашей среде лишь людям больным.

Потому русскому человеку, с их точки зрения — просто пещерному — такого понять не дано. Он ущербен и по природе своей ущербности ничего не сможет определить во всех тонкостях этикета заграницы. И это не она, заграница, спятила, а он, ничего не понимающий во всех тонкостях преимуществ анально-орального секса вкупе с работой всех столь обожаемых ими систем, выделяющих фекалии. Ведь для закордона даже соплю свою заглотать, тягучую и зеленую, — безспорно, сплошное и безоговорочное наслаждение. Ежеутренне им следует выбирать — что производить в шаечке сначала: чистку зубов, а затем обливание своего лица этой в пасте и гниющих остатках пищи жижей, или, наоборот, сначала высморкаться, а затем этой водой с соплями полоскать рот от зубной пасты.

Ну а как, ежели, не то чтобы свою соплю заглотать, но позариться еще и на чужую?!

Для того, отправляясь в служебную командировку в Россию, англичанин кладет в карман свою заветную резиновую затычку. И теперь будет иметь прекраснейшую возможность вставлять ее в раковину, куда не просто сморкаются великолепными зелеными соплями и харкают желто-коричневыми осклизлыми тромбами из вечно прокуренных и простуженных в командировках глоток все кому ни попадя, но даже и периодически блюют.

В России, в гостиницах, принято напиваться до поросычьего визга, а потом блевать. Вот и спешит он вычислить такую счастливую раковинку, вставить поскорей туда свою заветную карманную затычку и наслаждаться от полоскания в этой радующей натуре иноземца самой что ни есть натуральной грязи, вывернутой наружу из чьего-то чрезмерно переполненного яствами желудка.

Так ведь от более чем близкого общения с его содержимым они получают еще и эротическое удовольствие:

«Процесс пищеварения для них — это процесс расчленения и уничтожения еще недавно живых растений и плоти трупов животных. Отсюда — результаты пищеварения для них есть верх совершенства, а отверстия, это совершенство выделяющее — нечто сакральное. Некрофилы бывают разных типов... он/она будут возбуждаться от одного вида испражнений или от облизывания... всех отверстий выделения» [70, с. 57–58].

Вот в чем кроется причина нашего полного непонимания их секса! Нам не хватает сдвига фазы своих мозговых извилин в сторону столь патологического заболевания заграницы — некрофилии.

Так какова же основа всех подобного рода отклонений?

«...именно перверсия и перверситеты (отклонения от принятых в обществе сексуальных норм) являются наилучшим и универсальным показателем наиболее высоких степеней одержимости человека, когда он становится практически марионеткой в руках падших ангелов» [179, с. 53].

То есть бесов. Вот, между прочим, по какой причине чукчи, общепризнанные в те времена колдуны, омывались мочой своего полового партнера! А ведь о них тем же автором (Корнилий де Бруин) сказано:

«...они поклоняются дьяволу» [323, 38].

И все это связано, опять же, с какой-то повышенной сексуальной активностью:

«Но что наиболее необыкновенно у этого народа, это то, что они немедленно предлагают путешествуя и чужим своих жен и дочерей...» (там же).

Но нездоровое возбуждение охватывает людей Запада не только от нечистот. У них всегда существовал и иной вид сексуальных удовольствий, поставленный чуть ли ни на промышленную основу:

«Эдвард Фукс, немецкий исследователь, сообщает в своей “Истории нравов”: “Во всех культурных европейских странах публичные казни относились к числу народных праздников”. Возьмем, к примеру, книгу “Wanderungen durch London” (“Прогулки по Лондону”), вышедшую в 1852 году... В ней мы читаем: “Вы хотите знать, как совершаются наши народные торжества? — Они празднуются, сударь, в день казни... Толкотня и давка от зари и до того момента, когда палач совершит свой ужасный долг. Окна окрестных домов сдаются за большие деньги, издалека люди прибегают, приезжают в колясках или верхом, чтобы насладиться зрелищем, а в первых рядах стоят женщины — и вовсе не только из низших классов...”

...Известный криминалист XIX века Франц фон Гольцендорф в капитальном исследовании о смертной казни в европейских странах излагает свои наблюдения: “Во время казни среди собравшегося населения царил настоящий карнавал разврата...” Богатые люди платили баснословные цены за окна, выходящие на место казни. У этих окон в продолжение целых часов и возлежали знатнейшие дамы. “Подобное зрелище служило также изощренным возбуждающим средством, — пишет Фукс, — в таких случаях чернь иногда насиловала сотни женщин или врывается в дома терпимости и там устраивала ужасающие оргии; знатные же дамы, смотревшие на казнь с высоких балконов, праздновали у окон вакханалии с шампанским и вели себя самым безстыдным образом”. Французский хронист пишет об этом: “Никогда наши дамы не бывают уступчивее; вид страданий колесованной жертвы возбуждает их так, что они хотят тут же на месте вкушать наслаждение”» [130, с. 209–210].

Как классифицировать теперь еще и эту их массовую сексуальную патологическую восприимчивость к виду страдания других? Ведь от подобного зрелища наши люди, кроме отвращения, доводящего желудок до выворачивания «наизнанку», ничего иного получить не смогут. Так что наш менталитет отличается от западного чем-то очень существенным. Ведь с какой стороны ни подойди, русская и европейская культуры практически ни в чем не имеют точки соприкосновения, занимая диаметрально противоположные позиции по самым главным показателям, отличающим человека даже не просто от животного (животные таких безобразий не творят), но от какого-то по-особому сумасшедшего животного. И сравнить это их совершенно нечеловеческое сообщество можно лишь с inferнальным сборищем Вия из повести Н.В. Гоголя. Ведь составляющие его объекты больше напоминают упырей и вурдалаков, чем обычно ставящихся нам в пример западных высокообразованных господ.

И чтобы подытожить полноту этого отличия, стоит лишь припомнить главный атрибут культуры нашей — **летний умывальныйник**.

Кто отважится после утренней процедуры личной гигиены зачерпнуть воды из стоящей под ним посуды и облить содержащейся в ней смесью нечистот свое лицо??

Но ведь даже купаться в ванной, имеющейся в номере гостиницы, даже и в свеженалитой воде, вряд ли кто из нашего покроя людей отважится, принимая в этом случае лишь душ. Что говорить об общественной раковине и затычке?

Но что мы будем кому-то навязывать свои традиции? У каждой нации они свои. Свои они и в Западной Европе...

Однако ж вскрываемая нами болезнь за границы основывается не только на грязи телесной. Ведь жители некогда уничтоженных городов древнего Ханаана, Содомы и Гоморры, имели полный набор нами перечисленных «качеств». А история, как известно, повторяется. Вот что о половой ориентации содомитов сообщает апостол Павел:

«...предал их Бог постыдным страстям: женщины их заменили естественное употребление противоестественным; подобно и мужчины, оставив естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга, мужчины на мужчинах делая срам...» [Рим 1, 26–27].

И это именно у них (в Голландии, например) подобного типа «браки» теперь даже узаконены.

Но нам слишком хорошо известны слова Писания, сообщающие о мерах воздаяния за подобное:

«...делающие такие дела достойны смерти...» [Рим 1, 32].

И этот приговор за границе вынесен не нами, но Священным Писанием.

А вообще:

«С точки зрения православной антропологии, Запад уже полностью заселен нелюдями, забесовленной биомассой. Вести переговоры с этой злой и коварной стороной (неслучайно она борется за действительно отсутствующие у нее “права человека”), как будто ты имеешь дело с людьми, по меньшей мере, неразумно. Вступая в контакт с Западом, надо помнить: перед тобой носители лжи и смерти, существа уже нечеловеческие» [18, с. 28].

И вот полное подтверждение давно вышедшей за рамки излечимости болезни Запада:

«В 1977 году американский журнал “Parents” (“Родители”) провел опрос 7700 родителей из США и Канады, чтобы узнать о жизненных ценностях американской семьи, чему бы они хотели научить своего ребенка. Любопытно, Читатель, а как бы ответили Вы, если дело касается Вашего сына или дочери?

...Не беремся предсказать наверняка, но, скорее всего, в число приоритетных попадут честность, порядочность, верность в дружбе, умение любить и честно трудиться...

А теперь посмотрим, что ответили американцы. На четвертом(!) месте по важности, после понимания во всем своей пользы (№1), осознания важности учебы для будущей карьеры (№2) и полового воспитания (№3) находится терпимое отношение к сексуальным меньшинствам. То есть снисходительное отношение к содомитам...» [168, с. 111—112].

Так что о просто подавляющем большинстве американцев сказано:

«...делающие такие дела достойны смерти...» [Рим 1, 32].

Такова вся серьезность разницы в менталитете русском, который застал Петр при узурпации им государственной власти в стране, и менталитете за границы. Того, который у него самого, весьма странным образом, был буквально в крови, и который он со столь присущей ему бешеной энергией насильственными методами пытался привить русским.

И хоть нас сломать ему все-таки и не удалось, но набранную им самим по злочным местам братию, образовавшую некую прослойку общества, он переделал в иноземцев достаточно быстро и достаточно успешно.

Вот теперь и разберем вопрос о созданном Петром некоем таком творении, которое и помогло ему наворотить столь множество дел, весьма странным образом историками поименованных делами славными.

Самозванцы

«Петр I открыл двери инородчине и беспощадно ломал наши древние учреждения...» [69, с. 331].

Но он, что теперь выясняется, вовсе не являлся в этом вопросе первооткрывателем. Ведь еще Лжедмитрий I учредил ту самую форму управления, которая приписывается пресловутому «гению Петра»:

«Дмитрий преобразовал боярскую Думу и назвал ее **сенатом**» [51, с. 308].

Это подтверждается наличием:

«...в архивах коллегии Иностранных дел росписи Московским сенаторам, писанной польски в июне 1605 года рукою расстригина секретаря, Яна Бучинского...» [208, с. 152].

Но это модное в то время слово не просто появилось и тут же затерялось, но было используемо повсеместно, предвзято используя его последующее использование Петром:

«...Бер называет сенаторами самозванцевых думных советников...» (там же).

Так что Петр моду на иноземный порядок управления в нашей стране лишь повторил. Но это и понятно: моды никогда обычно и не являются плодом чьего-либо изобретения, но лишь повторением чего-то уже бывшего, пусть старого и хорошо забытого.

А вот что еще роднит Петра с самозванцем, словно детей одной матери:

«Он отменил многие нескладные московитские обычаи и церемонии за столом, также и то, что царь безпрестанно должен был осенять себя крестом и его должны были опрыскивать святой водой и т. д.» [250] (с. 111).

Сразу следует предположить, что данная фраза относится к Петру I. Но, что выясняется, нет. Это сообщает Конрад Буссов — современник Самозванца. И добавляет к тому:

«...это сразу же поразило верных своим обычаям московитов и послужило причиной больших подозрений и сомнений относительно их нового царя» (там же).

Вот еще не встречаемые ранее среди Русских Царей обычаи, которые нарушили самозванцы, столь своими привычками копирующие друг друга:

«...иноземцев он жалует больше, чем своих русских, пренебрегает их богами, даже оскверняет их церкви, позволяет нечистым полякам входить в них со своими собаками...» [250, с. 117].

Это о Лжедмитрии. Но собак, следуя шутовскому балагану изобретенного им «всешутейшего синода», вполне мог по церквям таскать и Петр. Далее:

«Он возмущал москвичей и тем, что не почевал после обеда, как требовал обычай. Часы отдыха, которыми так дорожили все его подданные, он употреблял на посещение мастерских, где беседовал с рабочими, собственноручно брался за их работу» [170] (с. 205).

Сразу и не поймешь — о ком это. Но так сформулировал историк Валишевский странные привычки наследника Самозванца — Петра.

А вот что о его предшественнике по самозванству сообщает Буссов:

«Он не отдыхал после обеда, как это делали прежние цари и как это вообще принято у русских, а отправлялся гулять...» [250] (с. 111).

«Царь, забывая свой сан, работал вместе с другими...» [51, с. 309].

Тут даже и не определишь, о ком эти строки написаны. Многие решат, что о Петре. Однако Костомаров имел в виду не Петра, а его на посту самозванства предшественника. То есть и шутовство с «надутым бревнышком» Ленина, и молот в руках Петра роднят этих антихристов с самым еще первым из самозванцев — Лжедмитрием.

«Когда он отправлялся на богомолье, он обычно никогда не ехал в карете, а скакал верхом. Он приказывал привести ему не самого смиренного, а самого резвого коня и не допускал, чтобы, как это было принято при других царях, двое бояр подставляли ему скамью, когда он на него садился, а сам брал лошадь под уздцы, и стоило ему коснуться рукою седла, как он вмиг уже сидел в нем» [250] (с. 112).

Вновь требуется расшифровка — к кому из самозванцев относится выше цитируемая фраза.

А вот еще параллель:

«Явившись по одному случаю в (собор), к царю, я сделал наблюдение, что, прикладываясь к образам святых и Апостолов...» [293, с. 194],

царь и его придворные,

«...целуют их прямо в губы...» (там же).

Вновь, что и понятно, мы тут же решим, что данная фраза относится к высказыванию очевидца того момента из событий русской истории, когда в Москве поляки, прибывшие со свитой Лжедмитрия, целовали наши иконы в уста.

Но вновь ошибаемся. Ведь здесь о своем наблюдении странного обычая вовсе не Лжедмитрия, но Петра, сообщает в своем дневнике от 24 июля 1910 г. датский посол в России Юст Юль.

Так что очень не зря нами вскрывается самозванство Петра. Ведь он уже имел на Российском троне свой прототип.

Но и «открыл двери инородчине» впервые вовсе не Петр, а все тот же его по самозванству предшественник:

«Он постоянно приглашал к себе иноземцев и составил около себя стражу из французов и немцев... Дмитрий резко говорил о превосходстве западных европейцев перед русскими, надсмехался над русскими предрассудками, наряжался в иноземное платье, даже умышленно старался показывать, что презирает русские обычаи» [51, с. 311].

«Как и Петр Великий, он любил женить своих ближних и непременно присутствовал на свадьбах. Подобно ему, только в меньшей степени, он дерзко презирал все предрассудки и некоторые обычаи. В знак неуважения к ним он ел телятину...» [170] (с. 205).

«Объявлена была война старой житейской обрядности. Царь собственным примером открыл эту борьбу, как поступил впоследствии и Петр Великий, но названный Димитрий поступал без того принуждения, с которым соединялись преобразовательные стремления последнего. Царь Димитрий одевался в иноземное платье, царь танцевал, тогда как всякий знатный родовитый человек Московской Руси почел бы для себя такое развлечение крайним унижением... Царь Димитрий безпрестанно порицал русское невежество, выхвалял перед русскими превосходство иноземного образования» [51, с. 336].

Петр, как видим, его во всем вышеперечисленном лишь копировал.

Но копировал прилежно. А потому правящий слой при нем и отошел от отеческих патриархальных устоев. И как он мог не отойти? Ведь реформы Петра на месте не стояли. И тот, кто осмелился бы им оказать хоть самое минимальное сопротивление, очень сильно рисковал своим здоровьем. Потому о таковых мы не слишком наслышаны — ведь любое противодействие заканчивалось всегда одинаково: смертью. А реформы были предприняты Петром очень кардинальные, и у создаваемой им прослойки общества не было ни малейшего шанса оставаться русской. Для умерщвления веры он придумал ерничество над Православием — «всешутейший собор»; для искоренения остатков целомудрия — ассамблеи; для воспитания себе подобных монстров — обязательное участие своих «птенцов» в пытках и казнях всех нежелающих подчиниться его железному диктату. Была придумана и стратегия для умерщвления каких-либо зачатков совестливости — полная безконтрольность в финансовых операциях, что привело к воровству в небывалых до той поры размерах и масштабах.

Друзья, товарищи и сыны

«...в то время началось неправое правление от судей, и мздоимство великое, и кража государственная, которое доныне продолжается с умножением, и вывести его язву трудно» [335, с. 248].

Имеется в виду 1727 год.

А разворовывать было что:

«По описанию венецианца Иосафато Барбаро, зимою привозят в Москву такое множество быков, свиней и других животных, совсем уже ободранных и замороженных, что за один раз можно купить до двухсот штук... Изобилие в хлебе и мясе так здесь велико, что говядину продают не на вес, а по глазомеру» [92, с. 458–459],

«...причем не менее четырех фунтов за один маркет» [269, с. 159].

Павел Алеппский дополняет вышеприведенный рассказ:

«Капуста в этой стране прекрасная... Мы покупали сани со ста кочанами за пять, шесть копеек, не дороже» [383, гл. 9, с. 185].

Марко Фоскарино:

«...столы их везде заставлены почти теми кушаньями, которых могут пожелать люди, даже весьма преданные роскоши; притом все съестное можно получить за недорогую цену» [271, с. 35].

Бальтазар Койэтт:

«Поэтому здесь можно прожить очень дешево, так как жизненные припасы можно получить за немного денег» [415, с. 314].

Вот еще сведения иностранцев о сказочно богатой допетровской Московии:

«Русские продают огромное количество коровьего и свиного мяса... Сотню кур отдают за дукат; за эту же цену сорок уток...

Ежедневно на льду реки (Москвы) находится громадное количество зерна, говядины, свинины, дров, сена и всяких других необходимых товаров. В течение всей зимы эти товары не иссякают»¹¹ ...

«...я купил в дороге при моем отъезде ягненка такого большого, как баран у нас во Франции, за 10 деннингов»¹² ...

«Конопля и лен в большом количестве, вследствие чего полотно в России очень дешево»¹³ ...

«В Москве такое изобилие всех вещей, необходимых для жизни, удобства и роскоши, да еще покупаемых по сходной цене, что ей нечего завидовать никакой стране в мире, хотя бы и с лучшим климатом, с плодороднейшими пашнями, обильными земными недрами»¹⁴ ...» [64, с. 74–77].

Австриец Себастьян Главинич (1661 г.):

«...денег в Московию постоянный ввоз, а вывоз небольшой и редкий: всеми жизненными потребностями она богата и не нуждается ни в чем иноземном...» [470, с. 10–11].

То есть, что красть было. И крали:

«Меншиков и другие “птенцы гнезда Петрова” путем грабежа и воровства народных денег наживали колоссальные состояния, переводя, как например Меншиков, Куракин и комиссар князь Львов, деньги в чужестранные банки» [182, 112].

Алексашка Меншиков, например, перевел только в одни английские банки около пяти миллионов рублей, что в среднем составляло бюджет всей Российской империи!

Вот как его характеризует в своем дневнике датский посол Юст Юль:

«...во (всем, что относится) до почестей и до наживы, (является) ненасытнейшим из существ, когда-либо рожденных женщиною» [293, с. 258].

«За Меншиковым следовали и другие. Но не только “птенцы”, а и всякие более меньшие птенчики. “Финансовое доверие” было организовано так прочно, что в начале Северной войны понадобился указ, запрещающий деньги “в землю хоронить” — не всем же был доступен английский банк, хоронили и в землю. У каких-то Шустовых на Оке нашли по доносу 700 000 рублей золота и серебра. Сколько было таких Меншиковых, которые сплавляли за границу сворованные деньги, и таких Шустовых, которые прятали

¹¹ А. Канторини. Рассказ о путешествии в Москву. XV в.

¹² Ж. Маржерет. Состояние Российской империи и Великого княжества Московии. К. XVI – н. XVII вв.

¹³ А. Олеарий. Описание путешествия в Московию.

¹⁴ А. фон Мейерберг. Путешествие в Московию... XVII в.

свои деньги от меншиковского воровства, а воровство развилось совершенно небывалое! М. Алданов в своих романах “Заговор” и “Чертов мост” рисует как нечто само собою разумеющееся переправку чиновных капиталов в амстердамские банки. Речь идет о конце екатерининской эпохи. Надо полагать, что эта традиция далеко пережила и Екатерину» [126, с. 457].

Давайте-ка теперь и обсудим, что же это такое в нашей процветающей великой православной стране вдруг произошло, что какой-то безродный проходимец умудряется единолично украсть годовой ее бюджет?!

И он, к тому же, как выясняется, вовсе не одинок: у каких-то Шустовых, в истории вообще никакого следа не оставивших, находят сумму денег, эквивалентную полумиллионному стаду коров! А сколько таких Шустовых по стране?..

Однако ж австриец Оттон Плейер, свидетель тех событий, сообщает, что весь тех времен безпредел являлся вовсе не спонтанным, но запланированным. И пусть эти черви являлись совершенно ненасытны по части разграбления страны, но все же было кому и у них изымать финансовые ресурсы:

«Впрочем, князь Меншиков у этих людей умеет выжимать деньги и класть себе в карман. Это его лучшие дойные коровы» [290, с. 401–402].

Потому и бюджет страны оказался все-таки в его, а не Шустовых кармане.

И все эти Чичиковы с Коробочками, да Плюшкины с Собакевичами аж до гоголевских романов в удивительнейшей своей с петровских времен неизменности дожили отнюдь не случайно!

Так что же это за племя такое незнакомое? Почему простому русскому постсоветскому человеку столь удивительны их повадки?

Говорят, что эти люди государство Российское строили.

Это кто же строил-то, позвольте? Это Плюшкин, что ли, страну нам создал, заменив экономику экономией, с успехом повыковыряв все до единой козявки из рюмки с коньяком? Или, может, нам ее Чичиков из-под Коробочки со двора чужого увел, словно конокрад лошадь?

Ну, уж нет. Такие люди строить не умеют.

Зато они распрекрасно умеют воровать и комбинировать.

«“За Петром могли пойти только нерусские оппортунисты, безпринципные карьеристы, гонящиеся за наживой... <То, что у> Петра не нашлось достойных преемников, было вовсе не случайно: действительно — достойные русские люди и не могли примкнуть к Петру”»¹⁵ [46, с. 155–156].

П.Н. Милюков признает, что попытка европеизации России была достигнута:

«...“ценой разорения страны”¹⁶... По утверждению Милюкова, тяготы русского крестьянина в это время возросли в три раза» [43, с. 13].

Страна умирала в устроенном «Преобразователем» концлагере, странным образом получившем в наше время эдакое бодренькое наименование — «Россия молодая»:

«Никогда народ не был подавлен такой неслыханной тиранией, как при Петре. До какой степени тяжело приходилось населению, показывают не только опасные бунты, но и общий результат Петрова царствования. Население при нем не возросло, но значительно сократилось...» [69, с. 154].

Но зло всегда порождает имеющийся в природе механизм самоуничтожения всего этого наносного. И практически все «птенцы гнезда Петрова» кончили плохо:

«Любопытно отметить однообразие развития всех этих блестящих карьер: все они неизбежно ведут к падению, в котором над мелкой злобностью и личными счетами как будто утверждается закон какого-то высшего исторического возмездия. Похожие друг на друга, не имеющие ничего заветного и никаких руководящих принципов, кроме

¹⁵ Трубецкой Н., 1920-е.

¹⁶ Струмилин С.Г. Петровская эпоха и экономика России. М., 1959. С. 68.

честолюбия и своей собственной выгоды, откуда бы они ни явились и по какому бы пути ни пошли, эти люди приходят к одной и той же пропасти» [16, с. 230].

Все это государство, возводимое на костях Московской Руси, и именуемое теперь так называемой «Россией молодой», было основано на ворах. И когда Петр однажды высказал в Сенате свое заветное желание когда-нибудь переловить и физически уничтожить всех расхитителей государственного имущества, то генерал-прокурор Ягужинский, «око государево», ответил фразой, ставшей теперь знаменитой:

«Всемиловитейший государь! Разве вы хотите остаться императором без подданных? Мы все воруем, только с тем различием, что один более другого» [305, № 47].

«Трагическая судьба всякой революции — в том числе и петровской — заключается в том, что она всегда строится на отбросах... около Петра подбиралась совершеннейшая сволочь, и никакой другой подбор был невозможен вовсе... Петр шарахался от всякого порядочного в России, и все порядочное в России шарахалось от него»¹⁷» [46, с. 142].

По Сеньке и шапка.

Но не только сам «Преобразователь» имел эту поразительно трезвенную мысль — преобразовать как-нибудь единоразово всех своих подданных-воров в покойничков:

«Назначенный... инспектором (фактическим руководителем) Ратуши видный сподвижник Петра I А.А. Курбатов со всей решительностью взялся за разоблачение казнокрадов... Характерно, что масштабы выявленных хищений впечатлили даже многоопытного Алексея Курбатова...

«...езде кража», — горестно резюмировал инспектор в отчетных посланиях Петру I в октябре-ноябре 1705 г.¹⁸ В целях борьбы с этим А.А. Курбатов предложил даже — в письме царю от 21 октября 1705 г. — ввести для казнокрадов-бурмистров смертную казнь¹⁹» [201, с. 100].

А вот как умудрялись «птенчики» воровать даже во время ведения ими военных действий. Вот что сообщает, например, Иоаким Гельмис, свидетель осады Риги петровскими «птенчиками». Находясь среди осажденных, вот какую авантюру ему довелось лицезреть. 16 ноября 1709 г.:

«...в половине 9-го неприятель потребовал через барабанщика 20 000 рейхсталеров контрибуции: если наши дадут деньги, то неприятель не будет больше удручать город огненными бомбами, но будет их пускать пустыми» [326, с. 416].

Ну что на эдакий вот фортель со стороны «птенчиков» отпущенный скажешь?

Сдавали всем и вся, лишь бы деньги платили. Здесь становится ясным, почему эта бездарная эпопея с войной, когда против Швеции воевала целая коалиция европейских государств, тянулась так непростительно и несоразмерно силам сторон долго — целых два десятка лет.

«...мог овладеть шведской Померанией. Прусский двор, вовсе не желавший иметь такого неудобного соседа, обратился к Меншикову и подкупил его за 20 000 дукатов. Первый сановник императора... представил какие-то, вероятно мнимые, мотивы, по которым император отказался овладеть Померанией. Если бы Петр узнал настоящий ход дела, любимец его едва ли отделался бы обычным наказанием» [328, с. 22].

То есть установить русские знамена в Западной Европе России не позволило лишь удивительнейшее воровство «птенчиков», способных самую выдающуюся викторию превратить в самое безнадежнейшее поражение, выкрад победу буквально из рук даже у такого любителя приляпывания на свою грудь блямб, как сам великий в данном вопросе Петр.

Но Ягужинский был прав — воровали в ту пору все. Однако ж, что прекрасно и понимал «преобразователь», в случае безжалостного уничтожения своего окружения,

¹⁷ Солоневич, 1940-е.

¹⁸ РГАДА, ф. 9, отд. 2, кн. 4, л. 176 об., 177 об. ...наиболее значительные преступления деяния должностных лиц городского самоуправления были вскрыты в ту пору в Пскове и Ярославле.

¹⁹ РГАДА, ф. 9, отд. 2, кн. 4, л. 176 об.,

представляющего собою «совершеннейшую сволочь», Петру Русской государственности в ту пору было просто не изломать. Потому он и попускал этой сволочи оставаться в живых. Причем, даже при самых откровенных с ее стороны предательствах.

Однако ж и после своей смерти оставленная Петром его армия воров все также продолжала свое излюбленное занятие. В депеше правительству, отправленной в мае 1738 г., французский дипломат Шетарди сообщает:

«...смею сказать — нет ни одного присутственного места в Петербурге, которое бы устояло против самого скромного подкупа (qu'il n'est pas un bureau dans Petersbourg a l'ereuve d'une bien modique somme)» [410, с. 20].

Вот что следует сказать о так называемых «птенчиках» и их помощничках в расхищении имущества страны иностранцах, завезенных Петром, времен бироновщины. Ведь не только свои доморощенные отбросы коллекционировал Петр, набирая наиболее подлых из них в свои управленческие структуры. И не только пришлый из-за границы инородный нам элемент удобно устраивался в кабинетах его и наследующих ему правительств.

К нему на службу с большим удовольствием шли и те иностранцы, которые благодаря неразумным распоряжениям предыдущих царствований в большом количестве оказались у него под рукой — в Кукуевой слободе. Вот как их дружную помощь Петру объясняет корреспондент «Нового времени» М.О. Меншиков в начале XX в.:

«...Немецкая колония, сложившаяся в Москве еще до Петра, сообразила тогда, что нет нужды завоевывать весь народ — достаточно покорить себе нравственно одного властителя, и вся земля будет лежать у их ног. Замысел почти удавшийся... Может быть, все ужасное, что мы переживали за эти двести лет и переживаем сейчас, могло бы быть объяснено этой старой немецкой интригой» [69, с. 529].

Так как же очутилось это враждебное нам скопище инородцев в самом сердце Святой Руси?

«Что славянам не достает твердости характера, то есть ясно выраженного стиля души, об этом чуть ни в один голос твердят все европейские наблюдатели... многие говорят о славянском добродушии, о славянской мягкости, простоте, безыскусности, возможности без особых церемоний сойтись с человеком и сдружиться с ним. Сдружившись же с русским человеком, очень нетрудно и поэксплуатировать его, приспособить к тому, чтобы он обслуживал вас без большой, а иногда и без всякой требовательности относительно вознаграждения. Это дорогое и прямо-таки золотое свойство русского сердца из европейцев прежде всего открыли немцы и... начали использовать этот источник дохода» [69, с. 531].

А потому:

«...Петр, под внушением немецкой колонии, взял да и срыл родную государственность» [69, с. 528].

То есть упростил немцам задачу, приспособив законы своей страны под их аппетиты! Ведь даже «друзья, товарищи и сыны», если они не являлись инородцами, не пользовались такими абсолютными правами, какие при Петре получили представители Запада, имеющие менталитет упырей. И этот факт зафиксирован совершенно четко. Костомаров:

«Петр Великий... установил иностранцам, служащим в русском войске, **производить двойное жалованье против природных русских**» [51, с. 822].

И все же, зададимся вопросом — почему Петр позволял столь удивляюще неисчислимой армии воров безнаказанно разорять свое же собственное государство?

А все дело в том, что среди самых здесь отъявленных воров самым главным из них являлся даже не Алексашка Меншиков, но он сам — Петр!

Датский посол Юст Юль в своем дневнике от 27 марта 1711 г., раскрывая суть этого Меншиковского воровства, обвиняет во главе этого практически узаконенного аж на государственном уровне всеобщего взяточничества не кого-нибудь, но самого Петра:

«Очень может быть, что доходами с этих заводов [Олонецких — А.М.], равно как и с имущества, отнятого князем Меншиковым у многих других лиц, пользуется сам царь. (Вообще) он только прикидывается сторонником законности, и когда совершается (какая-нибудь) несправедливость, князь должен (только) отвлекать на себя ненависть пострадавших. Ибо если бы князь (Меншиков действительно) обладал всем, что в России считается его собственностью, то доходы его достигали бы нескольких миллионов (рублей)» [293, с. 257].

Однако ж, в чем просто уверен несколько лет пробывший в России и пропьянствовавший все это время с Петром датский посланник Юль, все эти отданные Меншикову доходы сродни привилегиям, розданным Петром его генералам и адмиралам. Ведь если необходимо выполнить вредящее благосостоянию России решение, то Петр тут же находит для своих темных делишек очередного козла отпущения. И заявляет: что не является командующим флотом, но лишь шкипером на отдельно взятом судне; не является командующим своих армий, но лишь бомбардиром одного из отдельно взятых орудий; не является владельцем достояния страны, но всеми ее финансами якобы управляют какие-то Меншиковы. Потому и грабит разграбляющих страну грабителей вовсе не он, но Меншиковы. Тогда как он сам, на потребу пропаганды, якобы заштопывает себе по неимению средств извечно драные носки. И якобы во всем здесь творящемся, аки агнец, безвиновен. А Юль продолжает:

«...все совершается здесь вне закона и (без) суда. Если на какое-либо должностное лицо, уже успевшее нажиться, донесут его враги или попрекнут его во хмелю несправедливостью либо воровством по должности, то все (имущество) его конфискуется без суда, и он еще счастлив, если избежал суда и ссылки в Сибирь. Когда такому (лицу) удастся отвлечь постигшую его опалу, (сделав подарок) князю (Меншикову) в (размере) 10, 20, 30 тысяч или более рублей, смотря по состоянию, то оно (спасено), ибо тогда уже (дело) не дойдет до разбирательства и суда. В таких случаях (обыкновенно) говорят: “князь взял взятку”, — что (в сущности) действительно нередко бывает, но (из таких взяток) царь без сомнения (тоже) получает свою долю, (только) по своей природе действует скрытно, (стараясь) направить (общую) ненависть на князя» [293, с. 259].

Так что на самом деле разграбляли нашу страну во времена петровского лихолетья вовсе не Шустовы и даже не Меншиковы, а командовали ей вовсе не генерал-адмиралы Апраксины и князь-папы Ромодановские. Дикое разграбление и с тем уничтожение ресурсов страны, в том числе и людских, осуществлял сам Петр. Шустовское это государство царя ёрника Петрушки убивало по несколько сот тысяч людей в год. И не просто людей, но тех из русских людей, которые переименованию их в немцы царю антихристу так и не поддались.

Потому Петром была предпринята попытка подорвать такого человека изнутри — подменить его церковные устои и превратить его в безродную дворнягу.

И вот какими методами выполнялась эта попытка.

Церковь Петра

Свт. Афанасий (Сахаров) такими словами характеризует итоги антицерковной политики:

«К великому прискорбию, с печальных времен петровского обмирщения Святой Руси, одурманенные чадом, проникшим с Запада сквозь прорубленное Петром окно, русские

люди стали больше глядеть на землю, чем на небо, стали все дальше и дальше уходить от церковного уклада жизни, все больше и больше забывать церковный устав» [21, с. 201].

Исследователь масонства русский белоэмигрант В.Ф. Иванов, писавший в 30-х годах XX в., приравнивает «реформатора» уже к нынешним могильщикам его Отечества — ленинским большевикам:

«Церковная политика Петра носила революционный, разрушительный характер» [182, с. 111].

Публицист «Нового времени» О.М. Меньшиков:

«Петр Великий и Екатерина II приобщили Россию к неохристианской культуре. Последняя основана на эпохе Возрождения... вследствие этого снова Русская Земля... омрачилась отсталостью и смутами, до сих пор не перестающими терзать Россию» [69, с. 363–364].

И даже «красный Наполеон», Тухачевский, сбежавший из германского плена, нарушив офицерскую клятву чести, считал церковь Петра отнюдь не христианской:

«Вы не понимаете Петра! Это был гигантский грандиозный варвар... он сохранил культ наших старых богов» [28, с. 42].

Тех самых богов, в причастности к которым пришедшей в 1917-м году в России власти пробалтывается данной фразой этот «красный Бонапарт».

А вот и еще мнение о вероисповедании Петра. На этот раз историка:

«...“бог его — вовсе не христианский Бог, а древний языческий... Если был когда-нибудь человек, менее похожий на христианина, то это Петр...” (Мережковский, 1904)» [46, с. 193].

«Сам факт принятия царем Петром титула императора означал принятие языческого догмата о святости государственной власти.

Это языческое обожествление особы императора имело, по существу, антицерковный характер. Из охранителя чистоты и неизблемости православной веры Петр превращался в некое олицетворение самого государства. Вся последующая атрибутика его власти была заимствована из императорского языческого Рима, и печальная судьба этого государства осталась непонятой Петром I и европейскими цивилизаторами. Все, что обнаружило в свое время полную нежизнеспособность в античном мире, теперь реанимировалось и призывалось на бой с Христианской Церковью» [161, 77].

И именно поэтому вся его деятельность была направлена против существовавших в народе обычаев, помогающих русскому человеку оставаться верным своим традициям. Вот один из них:

«...ежели кто не бывает во всю Светлую седмицу Пасхи у утрени, того обливают водою и в реках и прудах купают» [98] (с. 17).

Всю эту неделю, как известно, русский человек не работал. Однако ж не работал именно потому, чтобы в это время имелась возможность ежедневного посещения церковных служб. Однако ж некоторые этот праздник отмечали несколько специфически, уходя в недельный запой. И таких граждан имелся обычай купать в студеной апрельской/майской водице, дабы отрезвление быстрее пришло.

А потому Петр решил такое «безобразие» запретить:

«И хотя себе простой народ делает все будто на забаву праздничную, однако от той суетной забавы делается не токмо здоровью, но и животу человеческому тщета, ибо оным от невежд купанием в глубинах иногда людей потопляют или разбивают, а сонных и хмельных внезапным обливанием иногда ума лишают» [98, с. 17].

Хорошо лишать ума того, у кого он имеется.

И каков же результат этой его затеи?

Русские люди вовсе позабыли о Светлой седмице и узнают о ней сейчас с большим для себя удивлением.

А когда Петр сбежал из-под Нарвы, бросив там все свои пушки, и ему вновь захотелось их из чего-нибудь отлить, то им был в 1701 г. издан указ, которым повелевалось, как

свидетельствует С. Григоров, «четвертую часть колоколов со всего государства, с знатных городов, от церквей и монастырей отбирать и отправлять в Москву на пушечный двор, на литье пушек и мортир». И вот какая история произошла в ту пору с колоколами Троице-Сергиевой Лавры:

«Я и сестра моя Ирина, — пишет Гаврило Тверитинин, — в 1701 году были у Троице-Сергиева монастыря, тогда от великаго государя царя Петра Алексеевича был указ везде в городских монастырях и в Москве и у всех приходских церквей брать колокола и от всего звону четвертую долю меди веса на пушечный двор на литье пушек и в том Сергиеве монастыре также; а в монастыре колоколов 26 было. Архимандрит и братия его великаго государя указу противится не смели и колокола с колокольной сымать повелели. Вечером некоторые указали снять один старинный колокол; весу, что в нем того не знали, а гласом был глух и не ярок; но за поздностью онаго не сняли. Монастырь ночью кругом запирался и всегда также и тою ночью был заперт. На утро же архимандриту звонарь донес, что того колокола на колокольной нет, и братия не ведала, как и где он делся. Архимандрит же, услышав об этом, повелел везде искать по келиям у братии и в погребках, и когда нигде не могли обрести (занеже ему чудотворцу отдать сего не изволися), тогда архимандрит Ларион повелел другой снять, также весу в нем не ведая и тот снять повелел и разбить и медь свезти в Москву. Когда колокол сняли, человек, чтобы разбить оный, ударил по колоколу молотом; но колокол от того удара не разшибся, но начал глас от него трои сутки день и ночь непрестанно».

Вследствие этого «архимандрит и того колокола не велел вести к Москве, а повелел сымать два другие колокола нынешняго мастерства, но сих колоколов не могли снять никоими делами». В то время, когда «архимандрит и братия, боясь указа государева, с ужасом смотрели на сии колокола; колокола же сии два братьеника вдруг сами собой с колокольной соскочили, пали и стены обломили». Безвестный колокол в это время также отыскался за монастырем в пруде. «Во время тое на монастырь в погреб лед возили и уши от того колокола видели, а потом его от воды того пруда взяли». Обо всем этом донесли Петру, который, по уверению Гаврилы Тверитинина, хотя «в монастырь приходил, плакал и прощения просил у чудотворца Сергия о своем соизволении; однако колокола два братьеника повелел вести в Москву, где оне в литье пушечнаго дела не пошли и не испорчены, потому что медь была жестка, в дело негожа и донныне те колокола стоят на пушечном дворе целы, как и были»» [358, с. 796–797].

Так что не дались в ту пору антихристу на поругание наши Троице-Сергиевские святыни, в очередной раз лишь подтвердив происходящими в момент попытки их изъятия для уничтожения чудесами, что правит в стране не законный царь, но сам антихрист.

Но и 20 лет спустя Петр, в отношении русских святынь, оставался на прежней же позиции. 23 февраля 1722 г., когда про трое суток кряду гудящий колокол многие уже стали забывать, вновь царем антихристом было продолжено гонение на колокола:

«В всех всероссийского государства монастырях колоколов не делать из казны монастырской, а ежели есть разбитыя, то и тех без повелительного указа из Св. Синода не переделывать и в строение тех колоколов через собирателей — прошаков денег и прочего не собирать, и нигде не просить» [98, с. 18]; [403, с. 103].

Вот такими средствами Петр боролся против атрибута нашей национальной культуры — *колокольного звона*. И сослаться на нехватку пушек здесь уже нельзя: ко времени издания этого указа война со Швецией была давно закончена!

Однако же русские люди на этот указ ответили жертвою денег на церковь несколько иным способом. На что вновь получили реляцию, ущемляющую Русскую Церковь в правах:

«В Чудовом монастыре продается приходящим людям некакий мед, собственный его чудотворцев называемый; а в церкви Василия Блаженнаго употребляется в продажу некакое масло, и в почтении содержится. И в других монастырях и церквях подобныя той продажи бывают. Такие продажи, яко подозрительныя, весьма пресечь» [98, с. 18].

Вот еще запрещающий Русскую Веру указ:

«Также смотреть, чтоб с образами по Москве, по городам и уездам, для собирания на церковь или на церковное строение, отнюдь не ходили» [403, с. 103].

То есть крестные ходы с иконами ставились под запрет. Но что это нам напоминает?

«Особо понятно, почему Петр запретил крестные ходы, когда того же самого потребовали сатанисты в России после февральско-мартовского переворота 1917 года» [450, с. 572–573].

Мало того, Петр отнял у церкви уже казалось бы совершенно невозможное — предание земле упокоившихся, устроив свой царский бизнес на *любви* русского человека к *отеческим гробам*.

«...из указа о гробах от 15 января 1705 г.: велено было отобрать дубовые гробы по указанной цене, под страхом наказания не приславшим; собранные продавать по цене вчетверо; если принесут покойника в дубовом гробе без указанного ярлыка, допрашивать» [98, с. 7].

«С протестами не считались. Мероприятия проводились круто и без колебаний. Всякая оппозиция была задавлена. Большинство духовных и монашествующих лиц находилось в унижительном и безправном положении, и их при первой попытке заявить свой голос ждала беспощадная расправа» [182, с. 113].

Однако ж не только сам Петр, но и практически каждый проходимец имел возможность взять у царя на откуп любую сферу доходной деятельности, отобранную им у законных этой статьи дохода владельцев — клира православных церквей:

«...в 1721 г. церкви была предоставлена исключительная монополия изготовления церковных свечей и торговли ими... однако торговля ими, доставлявшая большую прибыль, продолжалась частными лицами...» [95, с. 556].

Иными словами, эта самая «исключительная монополия», как теперь выясняется, была инспирирована Петром для отъема у Русской Церкви и этой, чуть ли ни последней статьи ее дохода. Ведь продажа свечей в русских храмах это не бизнес, но сбор за работу певчим, служителям, сторожам и т.д. Но это было еще только «славных дел» начало. Для подрыва нормальной работы православных приходов при масонском правительстве Александра I издается вот какого рода издевательское постановление:

«По указу 1708 г. церквам даровано исключительное право на розничную продажу церковных свечей и *запрещена продажа их во всех остальных лавках и ярмарках*» [95, с. 556].

Иными словами, Русская Церковь теперь лишалась еще и права продажи свечей за пределами своих стен, где теперь, после объявления такой «милости» от царя-масона, полностью и безраздельно хозяйничали барышники, закупившие патент на их изготовление и продажу.

Но здесь не слишком следует удивляться. Ведь и этот император своим вероисповеданием был подстать Петру. Этот:

«Православный император лишь в 1812 году впервые раскрыл Евангелие» [273, с. 57].

То есть этот историками поименованный «Благословенным» монарх Православной России лишь на 36-м году жизни впервые лишь взглянул на основной предмет вероисповедания народа, которым он все это время управлял! Интересно, сколько бы не то что десятилетий, но дней сумел бы оставаться у руля Османской империи какой-нибудь из ее султанов, уличенных в неверии в бога мусульман?

В той странной же Петром устроенной на масонский экуменический лад России такое было вполне нормальным явлением:

«...император по своим убеждениям и вере не был православным в полном смысле этого слова: пережив увлечение религиями Востока, он навсегда сохранил, например, веру в переселение душ и многократность жизней человека на земле...» [210, с. 225].

Что-то похожее представляло собою и вероисповедание его предшественника:

«Странна была церковная политика Петра. С одной стороны, он требовал распространения просвещения, с другой, отнял у духовенства всякую возможность материальную к распространению его» [98, с. 38].

Потому как вовсе не Православие он требовал считать этим самым «просвещением». Потому и политика его церковная, на первый взгляд выглядящая столь странно и непоследовательно, на самом деле представляет собой вполне законченное учение. Только вовсе не то, которое нам принято тыкать в нос.

Тому подтверждением практически все им произведенные нападки на исконную веру русского человека.

«Поборы с монастырей объяснялись государственной необходимостью. Этому наивному объяснению продолжают верить, хотя факты красноречиво говорят и доказывают, что все поборы с монастырей имели главную, исключительную цель убить самостоятельность церкви и обители» [182, с. 112].

«Петр ликвидировал самостоятельность церкви, учредив Святейший Синод и превратив его в один из государственных департаментов, урезав доходы монастырей» [157, с. 7].

Однако ж законы, относительно этого духовного института Православия, были Петром разработаны такие, что через несколько десятков лет после их внедрения в России не должно было остаться вообще ни одного монастыря. Вот что сообщает об этом Фоккеродт. Так как:

«...никому не дозволяется идти в монастырь, кроме тех вдовых священников, которые, по уставу греческой Церкви, не могут больше продолжать свою должность, монастыри же, в которых нет по крайней мере 30 монахов, должны быть закрыты, то в случае точного соблюдения такого постановления число монастырей в России в продолжении 30 лет естественно уменьшилось бы до того, что во всей этой стране не осталось бы более 10...» [301, с. 23].

И понятно дело, что после ограбления монастырей, а затем и запрещения пополнения их монахами:

«...количество духовных центров сократилось» [157, с. 7].

«Как известно, Петр недолго любил монастырей... Новодевичий он превратил, одно время, в дом для “засорных младенцев”, т.е. подкидышей. Позднее Преобразователь приказал давать в монастыре приют заслуженным воинам...» [160, 371].

То есть своим «птенчикам» — палачам корсарам, уволенным на покой. И это, чувствуется, для того, чтобы лишить какого бы то ни было покоя обитательниц, между прочим, *женского монастыря...*

И сила этого кощунственного приказа, судя по сохранившимся документальным свидетельствам, прекрасно сохранила себя и в правления наследующим его делам блудным девкам на русском троне:

«... и еще в 1763 году, в силу этого распоряжения, в монастыре проживало 3 майора, 2 капитана, 4 поручика, как это видно из современной записи» [160, 371].

Так что здесь вполне документально зафиксированы прекрасно проживающими в женском монастыре целых 4 поручика, каждый из которых своим нором мог вполне собою олицетворять небезызвестного *поручика Ржевского*.

Таково вероисповедание было и у наследующих петровские кощунства правительниц.

Но все вышеизложенные мероприятия, направленные против русской культуры, Петру казались все еще недостаточными и не столь значительными для полного уничтожения столь ненавистной ему веры — Веры русских. Ему хотелось предварить большевиков в деле не просто разорения, но уже и физического уничтожения Русского вероисповедания. А потому 28 марта 1722 года им был отдан указ об «упразднении» часовен. Однако же при Петре, даже под страхом смерти, ни у кого не поднялась рука на уничтожение русских святынь.

Зато ровно через двести лет она очень даже поднимется у последователей его «славных дел» — большевиков-ленинцев (Троцких-Ярославских /Бронштейнов-Губельманов/). И теперь становится более понятно, почему революционные вожди с такой пещерной ненавистью накинулись на ворота русских крепостей, вроде бы даже и вовсе не принадлежащих к культовым сооружениям.

Оказывается, над каждым воротами висела икона, у которой и проходили уличные крестные ходы. Потому большевики довершили то, чего за двести лет до них не удалось привести в исполнение Петру. А потому и города наши выглядят сейчас столь куцыми и как две капельки воды похожими друг на друга: русскую культуру убивали целенаправленно, чтобы изгладить из памяти все только лишь ей присущие черты.

Но начали это истребление даже не они, а масонское воинство французов, пришедшее к нам все под тем же красным флагом. Именно оно продолжило эти самые «петровские преобразования» взрыванием наших въездных ворот, где столь любимые и почитаемые народом иконы стали предметом святотатства, совершаемого революционным воинством Наполеона.

А вот с чего началось формирование петровских полицейских полков, называемых им армией. В своих войсках, уже изначально бутафорских, Петр запретил пост. То есть армия его от турецкой отличалась теперь одним лишь своим названием, так как вся сила духа русского воина была сведена на нет. Вместо защитников Отечества эти войска, разодетые Петром в иноземные мундиры, представляли собой теперь обыкновенные жандармские части, способные «воевать» лишь на внутреннем фронте.

А на этом фронте антихристианская деятельность велась полным ходом. 30 января 1724 г.:

«...был издан регламент, в котором изложены были правила относительно религиозного воспитания народа... Руководствуясь этим регламентом, Синод издал постановления против обрядности, крестных ходов, хождения с образами, дорогих окладов на иконах... число монахов при Петре было очень ограничено... а самые монастыри были по преимуществу обращены в богадельни» [92, с. 784].

Подобное же отношение к Православию прослеживается и в ленинскую революцию:

«“Красная революция” начала XX века размещала в монастырях сумасшедшие дома... (То же повелевал сделать и столь чтимый ныне Петр I)» [19, с. 361].

«Главное зло, и притом для всей России, заключалось здесь в том, что Петр отобрал у монастырей и вообще у Русской Церкви ее имущество... Ясно, что отобрание церковного имущества... является тягчайшим грехом нарушения Божественной заповеди и св. канонов, низводит страшные проклятия и в сей и в будущий век...

...православная вера разрушалась не только реформами Петра, но и личным его поведением. Мы имеем в виду учреждение им так называемого “Всешутейшего и всепьянейшего синода”, в котором он кощунственно и открыто перед русскими людьми высмеивал иерархические степени до патриарха включительно и в котором сам участвовал, принявши на себя должность протодиакона...» [92, с. 784].

Вот лишь одна маленькая деталь из атрибутики применяемых им предметов якобы церковного обихода. Страленберг:

«...бутылки изображали вид кадилниц, вино же и водка — воду вовлеченную...» [306, с. 116].

То есть ничем эти святотатства не отличались от подобного же рода издевательств, творимых над Русским вероисповеданием большевиками в лице Демьяна Бедного и возглавляемого им советского общества воинствующих безбожников.

«За первое десятилетие, — говорит Л.А. Тихомиров, — после учреждения Синода большая часть русских епископов побывала в тюрьмах, были расстригаемы, биты кнутом... В истории Константинопольской Церкви после турецкого завоевания мы не находим ни одного периода такого разгрома епископов и такой безцеремонности в отношении церковного имущества» [92, с. 785].

Выходит, что даже басурмане, открытые враги Православия, в завоеванной ими стране не позволили себе по отношению к чуждому им Богу того, что позволил себе царь Петр к Богу «своему» в кровно и наследственно (по официальной версии) принадлежащей ему державе! Подобного не помнят и столетия татаро-монгольского пленения, когда Святая Русь находилась поистине на волосок от полной и окончательной своей гибели.

Причем, эта его тяга к кощунству вовсе не являлась лишь рядовым эпизодом грешной и мутной его молодости:

«...глумления над обрядами Православной Церкви, доходившие до открытого кощунства, Петр сохранил до самой смерти» [182, с. 103].

«Но и этим не исчерпывалось зло, которое причинил Петр России, — продолжает свое повествование архиепископ Серафим (Соболев). — Петр отнял у церкви имущество. В силу этого, просвещение русского народа не было в ведении церкви, распространялось не на исконных исторических началах нашей православной веры, но с XIX столетия даже внедряло отрицательное отношение к вере и потому в себе носило гибель России.

Церковные иерархи также были полностью заменены западными, которые и помогали коверкать устои русской православной государственности столь удивительнейше дружно» [92].

«Среди малороссийских иерархов было много людей покладистых и готовых услужить. Петр и воспользовался ими. С этого времени все руководящие места в церковной иерархии занимали только малороссы — вплоть до второй половины царствования Екатерины II.

Начался погром Русской Церкви» [161, с. 181].

Но и как он мог не произойти? Ведь все эти по несколько раз перекрещенцы, из Православия в униатство, а затем обратно, если и не все тайные агенты Запада, то с такими перекошенными католическою «ученостью» мозгами, что ничего иного от них ждать, после поставления на высшие в России церковные посты, и не следовало.

А никто и не ждал. Петр, тщательно выверив их явное чуждебесие, взял всех их под свое крылышко. Ведь враг у него, как и у них, был один — Русское Православие.

Потому они, что и понятно:

«...заводили порядки в школах по образцу иезуитских училищ и в преподавание богословия внесли католическую схоластику; в самое богословское учение внесены были понятия, чуждые православной церкви» [403, с. 35].

Таковы были петровские прорабы по перековеркиванию Русской Церкви. Разберем характеристики на самых значительных из них.

Вот кем был, например, Феофан Прокопович — главный таран в руках Петра по отношению к устоям Православия.

А «девичье» имя у него было — Елезар:

«У м. Евгения находим известие, что Элеазар, по выходе из Киева, вступил в братство Битевского базилианского монастыря, сделался униатом и пострижен в монашество с именем Елисея» [403, с. 2].

То есть имя его истинное, что выясняется, достаточно не маленькое Елезар-Елисей-Феофан.

А вот что сообщает о нем Маркелл Родышевский:

«...от униатов пострижен в рясофор монахом и начал быть гонитель на благочестивую нашу православную восточную церковь. И за сию его ревность, униатский епископ, прозванием Зеленский²⁰, в тамошних училищах учинил его префектом и диаконом поставил» [403, с. 4].

То есть Православию Феофан Прокопович был слишком явным врагом, чтобы этого можно было как-нибудь попытаться не заметить.

Причем, уже отсюда, как наиболее способный враг:

²⁰ Лев Зеленский... епископ Владимирский... в 1693 г. получил от Яна Казимира грамоту на администрацию митрополии киевской.

«он послан был провинциалом базилианского ордена в римскую академию...» (там же).

Что это за базилианский орден?

Так ведь все то же: орден Василия Великого, к которому принадлежал как Константин Острожский, принявший к себе в гости еще первого Лжедмитрия (см.: [352]), так и Симеон Полоцкий, что будет еще разобрано ниже.

И вот чем отмечено это учение Прокоповича в Риме:

«Молодые люди, по окончании курса наук, посылаемы были в разные страны... чтобы заботиться, по мере сил, о соединении греческой церкви с латинскою, к чему обязывались клятвою» (там же).

Темна его дальнейшая биография. Однако ж ясно одно, что имя он сам себе придумал:

«...в 1705 г. он... переименовал себя, назвавшись, в честь покойного дяди, Феофаном» [403, с. 8].

Так что Феофан (Елезар-Елисей) Прокопович, что видно за версту, — «казачок» засланный. Причем, учитывая его явную склонность не к католичеству, а все же к протестантизму, не только трижды перекрещенец, но и клятвоступник.

Но и вторым обласканным сверх всякой меры священником у Петра был такой же иноверец перекрещенец. В ответе на его «Камень Веры»:

«Молоток на Камень Веры» [403, с. 386]

вскрываются многие нюансы его темной биографии:

«...что Стефан Яворский есть иезуит и иезуитский посланник, что он родился от униатов, учился у иезуитов и пострижен в монашество иезуитами, — что все его намерения, действия и распоряжения клонились к подчинению русской церкви папе, или, по крайней мере, к распространению и упрочению в ней католичества...» [403, с. 404–405].

А ведь именно он был поставлен Петром во главу Русского Православия. Или, точнее, для наиболее необратимого попрания его основ. И действительно, его вмешательство в дела совершенно чуждой ему религии:

«...было почти сплошь пересадкою католического богословия на русскую почву...» [403, с. 406].

Так что и этот агент Запада работал на своих ставленников слишком явно и слишком топорно, чтобы этого можно было как-нибудь попытаться не заметить.

Вот что говорится о третьем Петром обласканном священнике:

«Феодосий Яновский родом был из малороссийской шляхты. Что-то темное тяготееет под первыми годами его монашества. Он оклеветал перед патриархом Симоновского архимандрита, его постригшего... Феодосий назначен был “администратором дел духовных” — то было временное управление церковное, в ожидании Синода...»

...Царевич Алексей Петрович выражался: “Разве-де за то его батюшка любит, что он вносит в народ лютеранские обычаи и *разрешает на вся*”» [98, с. 61, 62].

То есть, на исповеди отпускает практически любые грехи. А еще:

«он икон не почитает» [199, с. 248].

Вот по какой причине:

«Царевич Алексей и его приближение считали Феодосия лютеранином и лютеранским апостолом в России» [403, с. 78].

А жилось здесь ему достаточно не туго:

«...будучи в Москве, оставя церковные службы и монашеское преданное правило, уставил у себя самлеи (ассамблеи) с музыкою, и тешился в карты, шахматы, и в том ненасытно забавлялся, якобы вместо всенощного пения себе вменял, и других к тому понуждал²¹» [403, с. 706].

Что вовсе не повредило взлету его практически вертикальной карьеры:

²¹ См.: Архив св. Синода, 1731 г. № 292, л. 86.

«Между тем, Феодосий вошел в такой фавор, что значение его стало выше всех архиереев. При таких обстоятельствах он не забыл нисколько себя и умел выпрашивать материальные блага не только себе, но и своим родным...

...кляузник, заносчивый, неуживчивый, он путался в чужие дела...

Но Петр приказал поставить его архиепископом Новгородским, а когда основан был Св. Синод, сделал его первым его вице-президентом» [98, с. 62–63].

Однако же верхушка петровского духовенства и после смерти самого монарха кусала и жалила другу дружку не менее ожесточенно, нежели скорпионы в банке. И конфликт с Феофаном Прокоповичем для Феодосия закончился весьма плачевно:

«...Феофан явился к императрице, сделал донос на Феодосия.

Минута для Феофана была критическая. Феодосий, ненавидевший его, подкапывался под него. По его наущению, на Феофана было донесено, что им спорот был жемчуг с облачений псковской кафедры, который Феофан присвоил себе. Дело принимало плохой для Феофана оборот. Лучшим средством спасения он выбрал гибель своего главного врага, Феодосия» [98, с. 66].

И хоть выдвинутые обвинения больше относились к личности самого покойного императора, но Феодосий Яновский в созданном Петром безбожном государстве был первым духовным лицом, а потому и нес всю меру ответственности за духовное падение нравов вместе с почившим антихристианским царем, который умер, по словам Прокоповича:

«...от безмерного женонеистовства и от Божия отмщения за его посяжку на духовный и монашеский чин, который хотел истребить. Излишняя его охота к следованию тайных дел показывает мучительное его сердце, жаждущее крови человеческой»²²» [98, с. 66]; [403, с. 162].

Дмитрий Ростовский почил еще задолго до смерти Петра, а потому в своих высказываниях много сдержаннее своего коллеги. И это не удивительно. Если при наследнике введенной Петром красной диктатуры, Иосифе Виссарионовиче, любое опрометчиво сказанное слово могло стоить жизни, то чем это могло грозить незадачливому болтуну во времена царствования самого зачинателя этих самых «дел»?

«Как отмечают исследователи, Д[митрий] Р[остовский] осторожно намекает на деятельность Петра I, подвергая критике “сущих на владательствах”, которые “вельми согрешают... и безгрешных осужают вместо грешных”, в то время как царю должны быть присущи “милость, кротость и незлобие”» [120, с. 40].

И не случайно Петр доверил столь важную кафедру, Ростовскую, именно Дмитрию. Русское училище для детей духовенства он переделывает в школу, которая:

«...была общеобразовательной, а не специальной», она “являлась своеобразным связующим между древнерусскими училищами и народными школами XVIII в.” (В.В. Калугин)» [120, с. 40].

То есть бациллу безбожного обучения в древнерусскую школу внес именно он лично. И вот какими науками, помимо обучения иностранным наречиям, он развлекал детей русских священников в стенах своего сконструированного на западный образец обмирщенного детища:

«...стихосложение, риторика» [120, с. 40].

Петр пробовал заставить читать модные в те времена за границей книги и газеты. Однако эта программа по внедрению вирусов западамании потерпела полное поражение: русский человек упрямо не желал читать печатаемую им продукцию.

О газетах:

«...газеты не имели большого распространения и действия, хотя царь и завел для этого по образцу иностранному австерии, т.е. ресторации, куда заманивал читать дармовым угощением» [173, с. 291].

²² Донесение Синод. членов, в Русск. арх. 1864 г. Показание тверского архиепископа Феофилакта. С. 135

О книгах:

«Со смертью Петра ослабело типографское дело, а с ним рост книжного дела. Многие петровские издания были уничтожены за неимением покупателей...» [96, с. 1387].

И вот по какой удивительной причине. По приказу Петра:

«...было переведено с иностранных языков около 1 000 книг» [238, с. 111].

То есть не желал русский человек марать своих рук и забивать голову закордонными модными в ту пору при дворе книженциями. Но и сам стиль тогдашнего наречия, изобретенного Петром, мало кому был понятен не только в ту далекую пору, но уже и теперь. Вот маленький пример стилистики сочинений тех лет:

«Наталия Кириллована была править некапабель. Лев Нарышкин делал все без резона, по бизарии своего гумора. Бояре остались без повоира и в консылы были только спекуляторами» [238, с. 112].

Потому все расходы Петра в данной области принесли лишь умопомрачительнейшие убытки.

«Тысячи переведенных с иностранных языков книг, переведенных варварским, малопонятным слогом, продолжали лежать на складах. Их никто не хотел покупать, как никто не хочет сейчас покупать сочинений Ленина...» (там же).

И лишь много позже усилиями масонов, а в особенности эдакого «светоча» тех лет, Николая Новикова, все же удалось приступить к продолжению перекройки мозгов верхних слоев общества под среднеевропейский стандарт.

Дмитрий же Ростовский стоял у истоков данных «просветительских» реформ, в самом их еще зачатии. Он же начал вводить в обиход и всякие «пиески».

Но вот как относилась Русская Церковь к этой языческой традиции. Архимандрит Рафаил (Карелин):

«...по правилам древней Церкви, к крещению не допускались изготовители идолов, блудницы и *артисты*, занимающиеся этими “ремеслами” после крещения отлучались от причастия и молитвенного общения. Есть и еще правило: будущий священник не должен брать в жены *артистку*...» [18, с. 268].

Св. праведный Иоанн Кронштадтский:

«...Театр и церковь противоположности. То — храм мира, а это — храм Божий; то — капище дьявола, а это — храм Господа». [18, с. 269].

«Нет, недаром Ленин говорил, что место религии заступит театр» [18, с. 269].

«В обращении к политбюро ЦК РКП(б) в начале 1922 года председатель ВЦИК М.И. Калинин писал: “Как-то в частной беседе на мой вопрос, чем можно заменить религию, Владимир Ильич ответил, что эта задача целиком лежит на театре, что театр должен отлучить от обрядовых сборищ крестьянские массы”. Именно так считал вождь — задача целиком и полностью на театре вслед за предварительной карательной работой чекистов» [58, с. 161].

И примером для подражания для него стал зачинатель «славных дел», который именно этими средствами пытался выбить из русского человека все русское:

«...надобно было вывести русского человека из его национального... Средствами для этого Петр почитал *газету* и *театр*» [49, с. 452].

Вот по какой причине Даниил Саввич Туптало, возведенный Петром в чин митрополита, и оказался на одной из важнейших по тем временам кафедр: Ростовской.

И подобные нововведения Дмитрий Ростовский деятельно внедрял в обиход даже в таких местах, где и сейчас это будет выглядеть не просто удивляющим, по отношению к занимаемой им должности, но и кощунственным. Как же это выглядело тогда?!

Его так называемая «Успенская драма» была написана:

«...на Украине в конце XVII в. для исполнения монахами и писцами в монастыре... прививая вкус и интерес к спектаклям, митрополит осуществлял нравственно-воспитательную программу» [120, с. 40].

И если пьески в им организованной школе еще можно как-то хотя бы и попытаться чем объяснить, то подобные мероприятия в монастыре — это уж явно чересчур.

Потому-то его патрон Петр именно ему, а не кому-нибудь другому доверил столь важную в государстве кафедру: замена Церкви театром, судя по всему, и лежала в основе этой самой пресловутой «нравственно-воспитательной программы». Но как все это было воспринято в те времена, можно лишь догадываться, так как даже сами названия его пьесок и сейчас-то выглядят достаточно шокирующе:

«...*Комедия* на Рождество Христово... *Комедия* на Успение Богородицы...» [120, с. 41].

Здесь хотелось бы напомнить достаточно не комедийные ситуации обеих вышеназванных сюжетов.

На похоронах Богородицы, например, некий воин попытался кощунственно опрокинуть гроб с Ее телом, за что невидимый небесный Ангел отсек ему руки, которые упали на землю. Воин, обливаясь потоками крови, бился в судорогах от нестерпимой боли, что повергло в ужас и всех окружающих.

Ну что, хороша комедия?

Да, потом он был помилован: руки, принародно же и в назидание окружающим, чудесным образом обратно приросли к телу. Однако этот страшный урок, показавший многотысячной толпе силу Божьего воздаяния, был дан не для глумливого над ним похихикивания, но чтоб страх отступничества от единственно правильного пути сохранился в веках.

Но если в первом случае ситуация все же закончилась достаточно позитивно, то с Рождеством Христовым эти похихотушки выглядят куда как более кощунственно: на фоне тысяч малолетних и грудных детей, убитых по приказу царя Ирода в Вифлееме. И уж отнюдь не в чьем-то видимом воображении, но слишком по-настоящему, чтоб над этим можно было как-то и пробовать потешаться.

Потому приходится лишь удивляться: как ему в голову не взбренило присовокупить сюда же и еще одну очередную «комедию» на тему, скажем, «усекновения главы Иоанна Предтечи»?!

Так что одни лишь его этих «комедий» названия не просто удивляют, а валят с ног! Ведь такое явное кощунство не смогло бы пройти даже в наш безбожный век. А как все это должно было выглядеть тогда?

Однако ж одних этих комедий нашим этим «просветителям» было все ж маловато. Вот и еще один вид театрального действия ими был в ту пору прекрасно освоено — мистерия:

«Мистерии были в большом ходу у католиков в средние века. У нас мистерии, или свящ. драмы писали: Симеон Полоцкий и св. Димитрий Ростовский» [36] (с. 307).

И при всем при этом:

«**Мистерии** = священнодействия языческой религии...» (там же).

И вот чья личность, явившая свой некий патронаж над почившим проповедником-пиетистом, Дмитрием Ростовским, вызывает удивление в особенности:

«Первое издание “Келейного летописца” осуществил в 1784 г. Н.И. Новиков» [120, с. 40].

То есть наряду с алхимическими трактатами, масону Новикову, впоследствии даже Екатериной II, самой либеральной государыней того времени, за подрывную деятельность посаженному в Шлиссельбургскую крепость, среди самых первых своих изданий захотелось выпустить труды казалась бы не имеющего к розенкрейцерам никакого отношения — православного митрополита Дмитрия Ростовского.

Странно все это как-то. Но такая связь может показаться вполне логичной лишь в одном единственном случае: если оба они работали на одну и ту же организацию.

Организация же, на которую работал Новиков, выпуская алхимические труды в своей тайной типографии, представляла собой масонский орден мартинистов — самых лютых врагов Русского Православия.

Но и Дмитрий Ростовский и сам напрямую засветился в связях все с той же секретной организацией — не напрасно Николай Новиков считал его своим.

«...из переписки Дмитрия Ростовского (1651–1709) со своим поставщиком книг купцом Исааком Вандербургом (Isaacio Vanderburg), который ввозил свой товар через Архангельск, известно, что для составления “Келейного летописца” среди прочих книг, Дмитрий Ростовский заказывал книги Фрэнсиса Бэкона (Franc. Baconis de Verulamio)²³» [236, с. 5–14].

Связь с масонством четко прослеживается и со стороны иного забравшегося ко двору русских царей проповедника Запада — Симеона Полоцкого. Вот что сообщается о них обоих:

«“Иеромонах Симеон Полоцкий и иеромонах же Дмитрий (впоследствии св. ростовский митрополит) занимались при дворе Алексея Михайловича астрологическими наблюдениями и предсказаниями” (Пушкин А.С. Полн. Собр. соч. Т. 10)» [55, с. 147].

Вот зачем Дмитрию Ростовскому потребовалось штудировать алхимические труды упомянутого И.Ф. Шляпкиным масона чернокнижника.

Теперь смотрим, чем считалось данное занятие на Святой Руси:

«Церковь всегда считала ворожбу, волхование, как непосредственное общение с демонами, одним из самых тяжких грехов» [55, с. 220].

Смотрим, кем же является коллега Дмитрия Ростовского по пиитомании, постановке мистерий и принадлежности к приверженцам древней гадательной науки чернокнижия:

«Симеон Полоцкий (1629–1680), белорус по национальности, сыграл большую роль в истории русской литературы и просвещения. Он считается основателем русского силлабического стихосложения и одним из зачинателей русской драматургии» [102, с. 364].

И вот чем в особенности отличалась его драматургия. Симеон Полоцкий:

«...в своих сочинениях разводил и рекомендовал такую похотливую любовь, о которой стыдно не только говорить, но лишь упоминать в приличной среде» [67, с. 220].

Вот какого вероисповедания был этот пионер российского сексуального романа:

«...он как недавний униат и тем более как монах униатского Ордена легко мог быть обвинен в религиозном инакомыслии, подвергнут наказанию. Самое удивительное, что Полоцкий, живя в центре Православия и сам выступая защитником официальной церкви, не отрекся от своих униатских убеждений. Не заявляя о них вслух, что было бы равносильно самозакланию, он в тишине своей кельи подписывает некоторые книги личной библиотеки, правда, на латинском языке, так: “Эта книга есть надежное вместилище знаний Симеона Петровского-Ситниановича, полоцкого иеромонаха Ордена святого Василия Великого”. Дата — август 1670 года...» [132, с. 101].

Сильвестр Медведев вот как его именует в своем письме от 26 августа 1672 г.:

«“В бозе пречестному отцу господину Симеону Петровскому Ситняновичу...”²⁴» [285, с. 283].

Однако ж и здесь полностью его настоящее имя не упомянуто. Уточним еще раз имя нами разбираемой личности:

«...по последним данным — Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович...» [55, с. 135].

Но и его организация, если приглядеться как следует, также теперь не оставит никакого сомнения в том, что является масонской:

«...тайный униат, скрывавший свою принадлежность к Базилианскому ордену» [274, с. 15].

А вообще во многих исследованиях:

«...высказывают предположение о тамплиерах как преемниках Василидианского учения...» [274, с. 86].

²³ Шляпкин И.Ф. Святой Дмитрий Ростовский и его время. СПб., 1891/

²⁴ Рукописный отдел БАН, шифр 16.14.24, лл. 733–734.

Это по имени основателя данной ереси — Василида. Потому, чтобы упрятать свою тайну от посторонних, Василида именуют Василием. Иными словами, Симеон Полоцкий являлся самым настоящим масоном! О чем и пробалтывается в своем секретном отчете, только лишь по чистой случайности после его смерти попавшем в чужие руки. Однако ж лица, вступившие в обладание его отчетом о подрывной деятельности, так и не поняли, что держат в руках! Потому для них и непонятно: каким же это образом тайный униат и вольнодумец оказался в палатах русского царя. Ответ на это их недоумение предельно прост: масонская секта, столетиями подкапывающаяся под подножие Престола Господня, ограничений в использовании финансовых средств практически не имеет.

Однако ж масонство, при этом, просто так денег не выдает, требуя отчетности о проделанной работе. Вот именно эта отчетность, попавшая не по назначению, достаточно ясно теперь и вскрывает деятельность агента иностранных спецслужб, являющегося масоном из ордена «Василия (Василида) Великого», тайного униата по вероисповеданию, а по национальности — Самуила — Петровского-Ситниановича, вошедшего в высшие эшелоны власти при дворе Алексея Михайловича под монашеским именем Симеона Полоцкого.

То есть отчетность растраты казенных денег лишь одна теперь и доводит до нашего сведения настоящее имя в те годы резидента масонства в Москве.

А ведь воспитателем молодого царя Федора Алексеевича, как указывает Б.П. Кутузов, является:

«...Симеон Полоцкий (Петровский-Ситнианович)...» [55, с. 59].

Вообще-то засланный к нам Западом «казачок» мог бы оправдательных писем в свою тайную организацию и не отсылать — проделанная им работа видна и невооруженным глазом:

«Царь Федор, брат его Иоанн и сестра София — все учились у С. Полоцкого и “получали от него польско-литовское образование, сделавшееся тогда модным во всем высшем русском обществе”» [183, с. 298].

Мало того:

«Воспитанник Симеона Полоцкого царь Федор в 1680 г. женится на польке Агате Грушецкой, что еще более усиливает польское влияние и дает повод некоторым говорить, что “царь скоро введет ляцкую веру и будет вести себя, как Дмитрий Самозванец”²⁵...

Именно в период царствования Федора, ученика Полоцкого, “начали в Москве волосы стричь, бороды брить, сабли и кунтуши польские носить, школы польские и латинские закладывать”²⁶» [55, с. 138].

Так что многие нововведения Петра особыми нововведениями и не являлись, но лишь копировали действия, предпринятые Лжедмитрием для устранения Православия на Руси. Но чтобы доказать принадлежность Симеона Полоцкого не к ордену иезуитов, как ошибочно посчитали писавшие о нем историки, следует упомянуть и о его слишком явной в том числе и антикатолической деятельности:

«...ко всему прочему он был еще и оккультист-астролог» [55, с. 146].

То есть чернокнижник, принадлежащий к высшей степени масонства, ко всему прочему занимающейся еще и алхимией.

Но каким образом этому адепту тайной секты удалось втереться в доверие нашей правящей династии?

«...царь Алексей Михайлович посетил Полоцк, и молодой учитель “имел радость” поднести царю свое сочинение “Метры на пришествие великого государя” и тем обратить на себя его внимание. В 1664 году, после того, как Полоцк снова перешел под власть Польши, Симеон Ситнианович переселился в Москву» [55, с. 135].

То есть исключительно благодаря лести этот агент тайной секты и пробирается в царский дворец.

²⁵ Соловьев С.М. История России. Т. XIII. М., 1960.

²⁶ Там же.

«Пройдут годы, и европейские политики будут давать такие же лестные характеристики молодому царю Петру — за поношение традиций русского народа. Как тут не вспомнить народную мудрость: если тебя хвалит враг, задумайся, зачем он это делает» [274, с. 20].

Но западнически настроенным Романовым по причине недалекости своих мозгов русской мудрости была не осилить. Потому втершийся в доверие Алексея Михайловича враг столь долго и уверенно гнул свою линию при русском дворе.

Этого «астролога и тайного базилианца»:

«После смерти патриарх Иоаким характеризовал его, как человека “мудрствоваше латинская нововы мышления” и под страхом смерти запретил читать его сочинения» [274, с. 107].

И ряд отравлений, в те годы парализовавших жизнь царской семьи, исходил именно из его окружения. А его окружением было окружение самого потерпевшего — Романова Алексея Михайловича:

«К кругу латинников принадлежали достаточно влиятельные при дворе люди: начальник Посольского приказа Афанасий Ордин-Нащокин, окольный Федор Ртищев, свояк царя Борис Морозов, боярин Артамон Матвеев...» [132, с. 102].

Причем, последний из поименованных латинников, ко всему прочему, являлся в глазах народа еще и чернокнижником, приворотным зельем склонившим царя жениться на своей воспитаннице. В канун выбора невесты появляются подметные письма:

«В письмах выводилось подозрение на Матвеева в колдовстве и употреблении каких-то кореньев для приворота царя к дочери его приятеля.

Началось строгое следствие...» [184, с. 4].

Однако ж гореть заживо на костре, что по тем временам на Руси полагалось колдунам, придворному вельможе не слишком-то и хотелось. Потому он все отрицал.

Но как веревочка не вейся, а все равно когда-нибудь да тайное на поверхность всплывет:

«При царе Федоре Алексеевиче произошло падение Артамона Матвеева, причиною которого послужило занятие его “чернокнижием”, как тогда называли масонство» [182, с. 99].

Лекарь Давид Берлов сообщал, что видел сам:

«“...как Матвеев с доктором и переводчиком греком Спафарий, запершись, читали черную книгу; Спафарий учил по этой книге Матвеева и сына его Андрея”²⁷» [171, с. 337].

Между тем:

«...Спафарий имел связь с Лейбницем, пристально интересовавшимся Россией, находился с ним в деятельной переписке и выполнял его поручения» [55, с. 179].

А сам этот Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646—1716), что прекрасно известно, был масоном и алхимиком. И совсем не рядовым. Вот какую значимость ему придает Герье:

«Он был для Германии тем, чем Бэкон был для Англии, Декарт для Франции» [391, с. III].

Так что становится понятна и окраска всей этой компании, нами вытряхнутой на свет Божий из полумрака.

Потому выглядит вполне естественным стремление масона Новикова выгородить в своих книгах и Матвеева, сосланного в 1676 г. в Пустозерск за колдовство:

«Известный “просветитель” Н.И. Новиков пламенно защищает своего собрата в сочинении “История о невинном заточении ближнего боярина А.С. Матвеева” (М., 1785 г.)» [55, с. 367].

Заметим — *собрата*. То есть такого же, как и сам он, масона.

В основе этого заточения лежит рассказ карла Захарки.

²⁷ Там же.

Однажды:

«...он заснул за печью в палате, в которой Матвеев с доктором Стефаном читали черную книгу; во время этого чтения пришло к ним множество злых духов и объявили, что есть у них в избе третий человек; Матвеев вскочил и, найдя за печью, сорвал с него шубу, поднял, топтал и выкинул из палаты замертво» [182, с. 99].

Но Захарка остался жив, а потому свидетельствовал. Занятие чернокнижием матвеевского кружка было подтверждено и доктором Берловым. Потому Матвеев, доктор Стефан, грек Спафари и сын Матвеева Андрей оказались уличены в занятии черной магией, за что были подвергнуты наказанию, причитающемуся в те времена за связь со злыми духами.

Однако ж масонами по тем временам были перенасыщены практически все в те времена враждебные друг другу коалиции.

Возглавлявший партию латинников Василий Васильевич Голицын, первый министр и канцлер царевны Софьи, являлся все таким же, как и все вышеперечисленные, масоном алхимиком.

Автор «Полного описания России» Шлейссингер Г.А. вот как его характеризует:

«Наиболее знатным канцлером является господин фон Голицын, князь. Это очень образованный господин, великолепно держится и является большим другом иностранцев» [292, с. 121]

А вот что сообщает об этой главной его приверженности, необыкновенной любви к загранице, Ключевский:

«Голицын был горячий поклонник Запада, для которого он отрешился от многих заветных преданий русской старины... Дом Голицына был местом встречи для... иностранцев, попадавших в Москву, и в гостеприимстве к ним хозяин шел дальше других московских любителей иноземного, принимал даже иезуитов...» [181, с. 289].

Но, судя по всему, — *не только иезуитов*. Например:

«Спафария был частым гостем у князя Голицына и пользовался его покровительством» [182, с. 99].

Причем, и попадает-то Спафарий в Россию (его настоящее им Николай Милеску), быв выгнан из Молдавии и искалечен за предательство (ему урезали нос). В Москве же он:

«...нашел себе покровителя в лице кн. В.В. Голицына и при его посредстве получил место переводчика греческого языка при Посольском приказе» [466, прим. 6 к с. 414].

Вот один масон чернокнижник засвечивается в качестве его приятеля. А вот и другой:

«Голицын был покровителем швейцарца Лефорта, который после падения Голицына сделался самым приближенным человеком Петра и его другом» [182, с. 99].

То есть покровительствовал Голицын даже такому чернокнижнику, который умудрился сбить в масонство самого Российского самодержца. Мог ли при этом он и сам не иметь какого-либо отношения к масонству?

Уж вряд ли. Больше походит на то, что именно он являлся в центре масонской паутины, опутавшей тот наследующий Алексею Михайловичу двор.

Вот что показали раскопки подвалов дворца В.В. Голицына, снесенного большевиками в 1933 г. Один из обнаруженных подземных ходов:

«...вел в большую сводчатую палату, где отыскалось много тиглей трехгранной формы и осколки какой-то стеклянной посуды. Археологи считали, что здесь была лаборатория для занятия черной и белой магией. Существование такой лаборатории в подземельях дворца Голицына вполне допустимо... Тигли же трехгранной формы, найденные в подземелье, использовались в России для плавки золота и серебра. Не пытался ли В.В. Голицын в своей тайной лаборатории создать “философский камень, или магистерум”, способный облагораживать металлы, то есть превращать их в золото и серебро?» [159, с. 183].

Так что алхимическая лаборатория сама свидетельствует о вероисповедании ее хозяина. Но и время сооружения этого подземелья указывает на принадлежность к

алхимии не потомков и не предшественников первого министра при дворе Софьи, но на него самого:

«Клейма на кирпичах “П”, “Н”, “Д” свидетельствуют о постройке подземелья в 1680-е годы» (там же).

К масонским орденам относит владельца подземелий и их внутренне устройство:

«По словам археолога, потолок хода представлял собой свод “готической” формы. Подземные помещения и ходы с “готическими” сводами И.Я. Стеллецкий встречал раньше только в Лубнах и в Чернобыле. В первом случае они были устроены монахами-бернардинцами, во втором — братьями доминиканского ордена. Кто же построил подземный ход с подобным сводом в Москве?» [159, с. 184].

Однако ж имеется упоминание о наличии у Голицына и «отреченных книг». А.Н. Пыпин, например, отмечает, что:

«...в его библиотеке был Бэкон Веруламский» [373, с. 177].

Так что масонство Голицына, вкупе с найденными в его подземельях алхимическими тиглями, теперь уже сомнения не вызывает никакого.

Но и в колдовстве этот алхимик был уличен:

«...мнимые волхвы Василий Иконник и Дмитрий Силин сделали важные показания: оба они свидетельствовали, что князь нередко прибегал к чародейству и волшебству...» [195, с. 90]

Вот кто предводительствовал тогда так называемыми западниками: маг и чернокнижник, имеющий секретное подземелье с оборудованной алхимической лабораторией. Причем, так же как и многие царедворцы, уличенный в чернокнижии.

Совершенно подстать ему же являлся и иной обнаруженный нами адепт масонского ордена — Петровский-Ситнианович:

«...Полоцкий создал своеобразную энциклопедию, в которой перемежены изложения церковных легенд, анекдоты... Смелым начинанием Полоцкого был стихотворный перевод Псалтыри» [132, с. 106].

Но при Алексее Михайловиче этот новодел еще не прошел:

«...попытка вложить в рифмы нерушимо хранившиеся тексты казалась дерзостью, вызвала недовольство и сопротивление» (там же).

И сама эта поэтическая акция представляла собой:

«...явное небрежение к старинной традиции...» (там же).

«...патриарх Иоаким говорил про него... что “Венец веры” Полоцкий сплел “от вымышлений Скотовых, Ансельмовых и тем подобных еретических блядословий”» [160, с. 198].

А еще:

«...называл его орудием иезуитов.

Но Полоцкий был не доступен для патриаршей власти, потому что находил себе сильную поддержку при дворе²⁸» [182, с. 94].

А получаемые с Запада финансовые средства, несмотря на нелюбовь к нему со стороны высшего церковного сановника, все ж позволили этому тайному униату и масону воспользоваться типографией склоненного на свою сторону воспитанника — будущего царя Федора:

«Избегая контактов с противоборствующим ему Иоакимом, Полоцкий на своих изданиях самовольно ставил пометку, что книга печатается с благословения патриарха» [132, с. 107].

Но и подобные увертки не слишком помогли этому агенту тайной секты, спрятавшемуся под рясой православного священника. Впоследствии его еретические книги были запрещены не только к печатанию, но даже и к прочтению.

²⁸ Граф М.В.Толстой, почетный член Киевской духовной академии. Рассказы из истории Русской Церкви. Кн. 5

Следующим священником из плеяды того духовенства, слишком откровенно отдающего гнилостными бактериями Запада, является Георгий Дашков, чье, по словам Петра, особое «радетельное происхождение» поставлено ему в заслугу. Но в особенности он обязан своему взлету по служебной лестнице удачным усмирением стрелецкого бунта, вспыхнувшего в Астрахани.

«Петр не забыл услуги Дашкова и, 21-го августа, писал к Апраксину: “когда ваша милость в Петербург поедешь, то изволь взять с собою старца Дашкова, который был в Астрахани”.

По приказу государя он определен келарем в Троицкий монастырь²⁹» [403, с. 185].

Этот «победоносный» Георгий, со дня поворота церковной политики монарха в еретическое русло, в очередной раз затуманивший мозги протестантской пропагандой стрельцам, оказавшись по милости монарха еще только келарем Троицкого монастыря, уже:

«...завел свой стол. Прислуги у него было лично для него 20 человек. Вкладов, которые приносили в монастырь усердствующие золотом и серебром, Дашков в казенный приказ не отдавал, а покупал на эти деньги экипажи, сбури, лошадей. Он был великий охотник до конской части, строил конюшенные дворы, держал до 150 конюхов. Нужных ему людей он дарил деньгами и лошадьми. Снабжал всем возможным своих многочисленных родственников...

Его поездки... совершались с баснословною роскошью... он ехал громадным поездом в 200 лошадей...» [98, с. 69].

В награду за столь неприкрытое алчное мздоимство он был постоянно повышаем в должностях:

«в 1721 г. Дашков посвящен в епископа Ростовского... в 1725 г. по смерти Петра по именному указу Екатерины определен в Синод “третьим архиереем” к Феофану Прокоповичу и Феофилакту Лопатинскому» [403, с. 186].

А вот теперь рассмотрим во всех подробностях «житие» Феофана Прокоповича, столь удачно «утопившего» своего соперника — Феодосия Яновского, так удивительно долго державшегося «на плаву» — во главе учрежденного Петром св. Синода:

«Религию свою он в молодости переменял дважды. Молодым человеком он перешел из Православия в католичество и уехал в Рим, где жил и учился при папском дворе... Через восемь лет он вернулся... опять перешел в Православие и стал монахом» [146, с. 55].

Но каким же образом этот подготовленный папой агент умудрился угодить на вершину создаваемой Петром лжеправославной церкви?

Оказывается, все было подготовлено для его внедрения в высшие эшелоны петровской церковной власти в тот самый момент, когда Петр, после уже казавшейся совершенно бесконечной серии поражений, вдруг, совершенно неожиданно, одерживает викторию. Пусть и при достаточно странных обстоятельствах, о чем еще будет сказано несколько позднее, но все-таки одерживает. И пребывает в тот момент на вершине эйфории от случившегося уж не в меру «славного» его воинского предприятия. Вот тут-то некоей нам пока неведомой организацией и устраивается возможность произнести речь какому-то неизвестному монаху не где-нибудь, но в самом центре устроенного по этому поводу торжества:

«...Феофан Прокопович в соборе, в присутствии Петра произнес проповедь, в которой прославил подвиг русской армии и ее вождя. В своей проповеди он страстно, с глубоким пониманием восхвалял петровские реформы, и, естественно, Петр был восхищен таким проповедником. Он взял его с собой в Петербург и вознес на высокие церковные степени» [146, с. 55].

²⁹ Голиков. Деяния П. В., т. III, с. 144.

«В декабре того же года, в церкви киевобратского училищного монастыря, он сказал похвальное слово князю Меншикову, и просил его покровительства для академии. Этим положение его было упрочено» [403, с. 15].

Так что очень не зря обучали его в Риме иезуиты искусству промывания мозгов. Ведь втереться в доверие к Петру и его ближайшему окружению являлось делом не простым. Но ему удалось. Потому Петр ставит его одним из руководителей выстраиваемой им церкви.

Кстати, и его враг, Феодосий Яновский, практически все таким же образом взлетел во главу церкви, конструируемой Петром:

«В проезде государя через Новгород, Феодосий сумел обратить на себя внимание Петра и это произвело в его судьбе роковой переворот» [403, с. 74].

Так что и ему униатская подготовка по части словоплетства преизрядно помогла при его таком же как и у его недруга вертикальном взлете.

Вот еще фрагмент использования Петром таланта Феофана Прокоповича, этого виртуоза славословия:

«В 1711 году, во время турецкого похода, государь вспомнил о Прокоповиче и приказал ему быть к себе в лагере. Феофан явился и, следуя за государем, 27 июня, в воспоминание полтавской победы, говорил проповедь в Яссах — столице только что принявшего русское подданство молдавского княжества³⁰» [202, с. 16].

Вот за какие способности Феофан Прокопович обязан столь необычайному практически вертикальному взлету своей карьеры — за умение петь Петру слащавые дифирамбы. Так что очень не зря он этому искусству столь прилежно обучался в западных иезуитских учебных учреждениях. Мало того, лесть его распространялась практически на все деяния Петра, расхваливая даже то, что похвале ну ни по каким меркам не подлежит:

«Его призванием была подмога Петру в деле преобразования... Нужно ли государю оправдать перед народом и перед светом свой поступок с царевичем, отрешенным от престола, он поручает Феофану написать *правду воли монаршей*. — Нужно ли оправдать отмену Патриаршества и учреждение, вместо него, коллегиального синодального правления, и он поручает Феофану написать это оправдание с изъяснением его законности из канонических правил и древних церковных примеров... Ни одной стороны его реформы, ни одного события из его царствования он не оставил без того, чтобы не изъяснить с церковной кафедры их пользы и значения... Феофан применялся к произволу монарха... жертвуя истиною царегугодливости» [202, с. 119].

«Феофан Прокопович один из немногих крупных деятелей Русской Православной Церкви, поддержавших начатые Петром I преобразования» [217, с. 24].

Иными словами:

«Человека, сочувствующего всем безусловно его реформам, всегда готового слепо действовать в его видах и ставившего угождение ему выше угождения Христу, Петр нашел в Феофане» [98, с. 47].

«...он писал стихи, в которых прославлял деяния Петра, произносил блестящие проповеди, в которых восхвалял петровские нововведения, объяснял их пользу...» [146, с. 56].

«Петр, с первой встречи с Феофаном, с первой его проповеди... угадал, чем он может быть для него... как проповедник. И ни одно из событий петровского царствования... ни одна из важных реформ его правления, не прошли без того, чтобы Феофан не отозвался на них словом с церковной кафедры...»

Можно сказать, что Феофан стоял во главе проповеднической школы петровского времени» [403, с. 605].

Иными словами, этот странный «чернец», столь услужливый и необходимый узурпатору, является полной копией своего предшественника при царе Федоре —

³⁰ Голиков, Деяния П.В. Т. IV, с. 222. Походный журнал 1711 г. СПб. 1854 года, с. 107–108.

Петровского-Ситниановича: оба они лестью проложили себе путь в царские палаты, оба же засветились к принадлежности некоему базилианскому ордену.

Феофан Прокопович:

«...был захвачен течением, развитию которого способствовал сам Петр и которое проникло уже к подножиям алтарей. Священника с подобной нравственной физиономией Россия еще не видела; он представлял собой, тогда еще не известный, теперь почти исчезнувший тип западного прелата.

Умный, пронырливый, властолюбивый... Он ел мясо круглый год, но кроме того в его доме употреблялось 1 500 лососей, 21 000 сигов, 11 пудов икры, 11 бочек спиртных напитков и т.д.» [16, с. 471].

Это пока о его необычайной прожорливости. Но не в ней одной заключалась его вредоносность:

«Он жил широко и также широко благотворительствовал. В 1721 году устроил в одном из своих петербургских домов лучшую в то время школу. О том, как надо вести преподавание в этом заведении, он составил наставление, под которым свободно мог бы подписаться *любой иезуит, и пригласил учителей-лютеран*» [16, с. 471–472].

«Биограф Феофана (у Шерера) говорит, что Феофан не только позволял, но сам завел в школе сценические представления³¹» [403, с. 632].

Вот таким «благотворительством» и ознаменованы «славные» дела этого пожирателя сигов: устроенная одним из руководителей Православия при Петре школа оказалась полулатинской, полууниатской, полупроуланской. Мало того, подражая в этом деле Дмитрию Ростовскому, он завел в ней театр.

«Умный, хитрый и настойчивый человек с гибкой совестью, а вернее, без всякой совести, не брезговавший никакими средствами и ни перед чем не останавливающийся, весельчак и пьяница, Прокопович был свой человек среди преобразователей. Это не был служитель алтаря, это был политик, проводник воззрений Петра, апологет его распоряжений...

Воспитанный на масонской и протестантской литературе, знакомый с Бэконом, Декартом и протестантским богословом Буддеем, Прокопович в жизнь проводил идеи рационализма и протестантскую вольность, разрушая Богом установленные истины. В своем богословии Прокопович постоянно ссылается на авторитетных протестантов: Квинштедта, Пфейфера, Гергарда, а со знаменитым Буддеем Феофан состоял в переписке. Он защищал и одобрял все распоряжения власти и вел пропаганду словом и делом новых идей, которые противоречили православному сознанию...

Прокопович становится правой рукой Петра в делах церковных. Прокопович — это «министр исповеданий» российского государства. Ему поручается составление регламента для новой коллегии, Духовной, предназначенной похоронить патриаршество» [182, с. 117].

А в итоге об этом могильщике нашего святоотеческого церковного наследия можно сказать следующее:

«...он служил тараном, которым Петр совершенно разрушил старую московскую церковь» [16, с. 472].

Одним из нововведений был следующий закон, принятый петровской верхушкой духовенства:

«...“налог на мертвых” уничтожается: Регламент назвал так вымогаемые воздаяния за молитвы по усопшим, которые по обычаю должны были читаться в продолжение сорока дней. Издержки по содержанию церкви должны покрываться исключительно налогом на прихожан» [16, с. 481].

Но вот что советует уже теперь настоящий священник Русской Православной Церкви протоиерей Андрей Устюжанин:

³¹ Comedias sive ludos scenicos aliasque honestas recreationes non tantum indulisit, sed praecepit.

«Очень хорошо, чтоб верующие люди читали по усопшему псалтирь в течение всех сорока дней» [140, с. 64].

И это столь необходимо потому, что:

«...душа-то в сорокадневный период проходит мытарства, ей нужна сугубая помощь — молитвенная, чтение Псалтири, приношения в храм Божий, поминовения на проскомидии...» [140, с. 66].

«...в сороковой день изрекается определение Божие о душе, решающее участь ее до Страшного Суда. Потому-то и советуется служить и заказывать о скончавшихся “сорокоусты”. Польза, важность и сила этого поминовения засвидетельствована многими примерами не только в житиях святых, но и в устных и письменных сообщениях от начала христианства и до настоящего времени» [86, с. 169].

Так что закон этот основан исключительно на желании Петра как можно большее количество душ русских людей от райских кущ переориентировать в свои владения. В те самые, откуда он и послал свой пламенный привет, показавшись своей личиной из клубов дыма от американских небоскребов.

Попытка отделения Церкви от государства в петровских нововведениях прослеживается явственно и вполне очевидно. Но это именно та самая идея, которую уже полностью воплотит его дел наследник — Ленин.

И вот как «славно» завершается итог многолетней работы Прокоповичей-Дашковых по разваливанию Русской Православной Церкви:

«Недовольство, на этот раз всеобщее, не останавливает однако реформатора. 25 января 1721 года был опубликован Регламент, а 11 февраля — открыта Духовная Коллегия, названная впоследствии Священным Синодом... Патриарх уничтожен» [16, с. 481].

Кстати, это устроенное Петром устранение патриаршества на Руси было подготовлено еще «Тишайшим». Вот какие разъяснения о главенстве царства над патриаршеством свидетельствуют об этом в документах той поры. А они сообщают, что:

«“царь своею властью подобен Богу” и что он на земле “наместник Божий есть” (Гиббенет Н.А. Т. 2. С. 672; Ligarides. P. 320). “Якоже Бог есть на земли повсеместенне, то на земли суть по Бозе тии, иже держащий царской власти в делах государственных”... “Патриарху же быти послушливи царю, яко же поставленному на высочайшем достоинстве и отмстителю Божию”» [261, с. 224].

«Это было новое и совершенно неожиданное утверждение господства царя и государства над Церковью, основанного на принципе божественного права государя (Гиббенет Н.А. Т. 2. С. 672, 675, 671; Ligarides. P. 321, 324, 319 [Ответы 2 и 5])» [261, с. 225].

Так что предшественники Петра подготовили ему прекрасную почву для самовольного устранения института патриархии вообще. Чем он и воспользовался в полной мере.

Когда же его особо допекали с требованиями вернуть отнятое, то он, ничтоже сумняшеся, предлагал считать патриархом самого себя:

«Во время присутствия монаршьего в Синоде... было ему... предложено о патриархе; вдруг пришел он в гнев и, ударив себя в грудь, сказал: “Вот вам патриарх”. После сего уже никогда не слышно было, чтоб кто упомянул о патриархе...» [305, № 86].

И взамен исконному клиру, своими традициями уходящему вглубь веков — в еще довладимирскую Русь, во главе Русской Церкви петровской реформацией было учреждено:

«Постоянное собрание, в котором простые священники заседают рядом с епископами...» [16, с. 481].

«Петр насильно разорвал тесный и неразрывный контакт церкви и государства и поставил церковь в зависимое положение от государства.

“Этому, — пишет историк церкви Доброклонский, — научили Петра протестанты; так, говорят, в Голландии Вильгельм Оранский советовал ему самому сделаться «главою религии», чтобы быть полным господином в своем государстве”³²» [182, с. 120].

И таким образом:

«Сбылось предреченное св. Афанасием Великим: одним из признаков приближения антихриста станет переход церковного управления в светские руки» [19, с. 43].

То есть, вместо некогда обретенной после падения Константинополя духовной власти русского патриаршества в единственном в мире Православном Царстве, мы получили самый настоящий западного образца униато-католико-протестантского толка балаган, своей структурой полностью схожий с подобными же «народоправческими» балаганами. И как их ни называй: сенатами, советами, думами или синодами — вся их «народоправческая» деятельность легко управляема стоящими за их спинами финансовыми магнатами, у которых бог один — золотой телец. А кукловоды лишь дергают за ниточки.

Наше же государство, Святая Русь, с самого дня своего возникновения была не от мира сего. Она была изначально — от Бога. А потому ее вероисповедание всегда столь серьезно и отличалась от иных «церквей». И весь иноверный инородный нам мир всегда вел с нами свои войны с одной только целью: низвести веру русского человека до состояния своей собственной.

Священный Синод Петра как раз и предназначался играть роль той самой антиправославной организации, которая должна была привести к полному уничтожению нашего древнего вероисповедания в традиционно упрямой России, все никак не желающей впитывать в себя антихристианские идеи.

А война против Русской Церкви продолжалась:

«Указ 28 марта объявляет войну часовням...

Указ этот возбудил в Москве сильное волнение во всех слоях православного общества, он поразил и взволновал каждого русского человека...» [182, с. 118–119].

Вот что гласит этот указ:

«...также и часовен отныне в показанных местах не строить, и построенные деревянные разобрать, а каменные употребить на иные potrzeby...”³³. В Москве этот указ произвел сильное волнение. Берхгольц пишет, что он (указ) очень удивил и поразил...³⁴» [202, с. 104].

А потому снести часовни Петру в ту пору так и не удалось — народ не дал.

Однако ж предать их, пусть на время, мерзости запустения ему не смог воспрепятствовать никто. А потому, после святотатственного закрытия часовен царем-антихристом, они были отданы им басурманам на осквернение:

«Многие закрытые православные часовни и даже церкви были отданы татарам и армянам под торговые помещения» [262, с. 437].

Так поступил этот апокалипсический зверь с русскими храмами — отдал их на опоганивание инородчине.

А ворота с иконами, которые даже Наполеон, заложивший под них пороховые заряды, так в итоге и не уничтожил, все еще продолжали заставлять даже безбожников, пришедших к власти в октябре 1917 г., испытывать к себе уважение. Имеются свидетельства, что и к 1920-му году еще не успело у революционеров поыветриться к ним почтение. Арестованный большевиками князь С.Е. Трубецкой так был проводим своими конвоирами через главные ворота Кремля:

«Когда проходили через ворота, по старой московской традиции, почти все мы сняли шапки. Я заметил, что большая часть нашей стражи тоже их сняла. С.П. Мельгунов, как принципиальный атеист, с интеллигентской цельностью и прямолинейностью, не снял

³² А. Доброклонский. Руководство по истории Русской Православной Церкви. Вып. IV. С. 188–189.

³³ Дела архива св. Синода, 1722, № 133.

³⁴ Берхгольц, Дневник, ч. II, с. 192.

шапки, и один из конвоиров ему заметил: “Спасские ворота — шапку снимите!” Мельгунов запротестовал, и стража, разумеется, не настаивала на этом чуть ли не “контрреволюционном” требовании» [137, с. 278–279].

А вот когда революционеры Ленина довершили «славные дела» революционеров Петра по уничтожению московских часовен, когда не только икон над воротами, но и многих самих этих ворот уже не досчитались, когда вслед за зверским истреблением сотен тысяч русских людей священнического и монашеского звания и преданием мерзости запустения десятков тысяч православных храмов Православие в России считалось ими уже полностью уничтоженным, совершенно удивительнейшим образом и лишь по воле Божьей оно вдруг в самые тяжелые дни Великой Отечественной войны в нашей стране — *восторжествовало!*

И помогло этому поистине чуду воплотиться возвращенное нашим священством (а уж никак не коммунистическим кровавым режимом, как некоторые и по сию пору считают) ровно после двух веков отсутствия (чуть ли ни день в день!) Патриаршество на Земле Русской.

Но вот какова была основа петровского нововведения в Русской Церкви:

«Постановление, требующее, чтобы священники доносили об открытых им на исповеди государственных преступлениях, которое Екатерина II впоследствии скрывала от Вольтера, было составлено Петром, так же, как и постановление о карательных мерах против ослушников...» [16, с. 168–169].

«Петр I даже тайну и неприкосновенность исповеди не пощадил и нарушил, обратив и ее в орудие сыска» [145, с. 99].

Вот какова была механика исполнения пунктов им запущенной машины:

«По требованию синодского Регламента, священник, выпытавший у кающегося его грехи, за которые он должен быть арестован, и сам должен с ним ехать “неотложно и неотвратительно” в указанные в высочайшем указе “места” — “Тайную Канцелярию” (тогдашнюю Чрезвычайку) или “Преображенский Приказ” (Петровское Гэпэу)» [67, с. 93].

«Причем тем священнослужителям, кто не будет исполнять данный указ, как “государственных вредов прикрывателям”, угрожало лишением сана, имущества и даже жизни» [260, с. 41].

Так что даже связанное с чисто моральными ценностями учреждение Петром превращалось в карательный орган.

Были и иные кощунства над русским вероисповеданием:

«В церквях, обыкновенно посещаемых царем, были поставлены кружки для сбора штрафов, которые царь налагал на болтающих, спящих и, вообще, лиц, неприлично ведущих себя во время церковной службы.

В Александро-Невской лавре сохранился железный ошейник, употреблявшийся... для наказания рецидивистов: они должны были слушать обедню привязанные за этот ошейник к колонне храма»³⁵ [16, с. 169].

Но и про такое нам слышать теперь уже не впервой. Именно его наследники довершили начатое Петром превращение русских храмов в тюремные застенки.

«Петру не нравилось, что в России много церквей, особенно их изобилием славилась Москва; и он приказал... все лишние церкви упразднить» [51, с. 739].

Так что к Православию вероисповедание Петра, как нами разобрано теперь достаточно подробно, уж точно не могло иметь никакого отношения.

Но каковым же было истинное его вероисповедание?

«...его слова и поступки заставляли заподозрить в нем склонность к протестантизму. Он окружил себя кальвинистами и лютеранами... и внимательно слушал их проповеди» [16, с. 168–169].

³⁵ Шерер, т. III, с. 238.

Вот что о его выходящей за все рамки приличия любви к лютеранам сообщает Адам Брандт:

«Нынешний царь, Петр Алексеич, лютеранам подарил камню на новую церковь, позволил соорудить и колокольню» [453, с. 70].

А ведь не секрет, что именно протестантизм является самым надежным внешним прикрытием масонства, так как на такой сорт религии легче всего сослаться поклонникам культа Бафомета. Вот как это на словах выглядело в рассказах о внешней обрядности масонов послепетровского образца — времен подчинения русского масонства Фридриху Вильгельму II:

«Членам кружка рисовалось счастливое братство независимых дворян... верующих в Бога, но не связанных выполнением церковных обрядов» [40, с. 21].

То есть обрядов Русской Православной Церкви: ведь у них свои обряды. Зачем же мешать их отправлению? Потому выпущенное Петром:

«Постановление 1706 года разрешало всем протестантам свободное исповедание их религии» [16, с. 169].

Однако ж это вовсе не значит, что Петр хоть чем-то был при этом против католицизма. Вот, например, как описывает это его стремление французский писатель и современник Петра, а также очевидец пребывания его в Париже, Сен-Симон:

«Сей монарх... понимал, насколько необходимо родниться посредством браков с наиболее могущественными государями Европы. Поэтому ему стало необходимо католичество... он полагал не особо трудным свой план введения его у себя...» [312, с. 532].

Так что упразднение института Патриаршества произведено Петром вовсе неспроста. Но в надежде заменить его какой-нибудь новой унией с Римским папой.

Вот очередные свидетельства о религиозной ориентации Петра, который еще с 1706 года своим постановлением объявил протестантам полную свободу вероисповедания. Ведь он, законодательно делая поблажку последователям Лютера, что выясняется, никогда не терял надежды объявить главенствующей религий России католицизм:

«...Тейнер опубликовал ряд документов, свидетельствующих о надеждах, которые царь подавал, и до и после этого постановления, в Риме относительно возможности соединения двух церквей; и иногда монарху приходило в голову собирать вокруг себя даже иезуитов» [16, с. 169].

И уход в ересь католицизма вовсе не являлся неисполненным проектом, зародившемся лишь в мозгу «реформатора». Ведь не только протестантам, но и последователям религии Рима здесь была дана в ту смутную эпоху полностью зеленая улица:

«Только Петр I дал кат[оличество] полную свободу в вере, и право строить храмы — и начинается распространение кат[оличество]...» [96, с. 1232].

Вот что на эту тему в одном из своих писем сообщает Лейбниц:

«Он старается даже о соединении греческой и римской церквей, и князю Куракину, которого очень хорошо приняли в Риме и которого я жду всякий день на возвратном пути, было поручено об этом хлопотать» [390, с. 62].

Но, при всем при этом, собак все же пока в храм не водят, а потому его иноверие менее заметно. Все же остальное производится куда как в более значительных масштабах, чем при Лжедмитрии.

И здесь он явно переигрывает своего менее удачливого предшественника. Однако ж Лжедмитрий не знал даже самых элементарных вещей относительно вероисповедания русского человека, за которого себя выдавал. С момента своей свадьбы и до самого своего безславного конца:

«...он ни разу не сходил в баню, хотя она и готовилась для него ежедневно. Немытый ходил он в церковь, сопровождаемый многими собаками, чем осквернял их святыню» [254] (с. 214).

Будучи вероятно и сам грязным как собака, он никакой разницы между ними и людьми просто не понимал. Однако ж не знал и самого элементарного, указывая что он и действительно инородец: если в церковь забегает собака, то храм Божий после этого требуется заново освящать!

Но в вопросах веры он не то чтобы слишком далеко перешагнул отводимую для православного человека черту, но уже просто внаглую не стесняясь показывал свое католичество:

«Первый самозванец, приверженец папы, построил домовую церковь по кат[олическому] образцу и начал др. нововведения, чем навел нелюбовь народа и был убит» [96, с. 1232].

Петр это понимал. Полностью заменить католичеством наше Православие в ту пору было еще слишком опасно. А потому он отворил двери не только католицизму и лютеранству, но практически любым религиозным поветриям, где-либо возникавшим и кем-либо усвоенным. Ведь главное не форма, но конечная цель — уничтожение истинной веры в истинно Божьем народе. Потому, наряду с католиками и протестантами, он не прочь был сопутствовать развитию учения и монофизитов. По просьбе Израиля Ория и вардапета Миноса нашим неким таким в устах историков «ревнителем Православия» Петром:

«...была определена церковь для армян на посольском дворе, в которой, во время службы, бывал и государь³⁶» [186, с. LXXVII].

То есть и к армянской церкви он обнаруживает свою более чем явную благосклонность.

«На словах он показывал себя ревнителем Православия, но преспокойно принимал в Англии причастие по англиканскому образцу, а в Германии перед памятником Лютеру произнес хвалебную речь в честь “сего великого пастыря”» [15, с. 410].

«Известно, что Петр живо интересовался устройством религиозной жизни в протестантских государствах, во время своих путешествий по Европе он посещал их соборы и встречался как с пасторами, так и с раввинами². Он был бы не против вообще ликвидировать Православие, как ему неоднократно советовали пасторы и раввины. Однако Петр, выслушивая эти советы, только улыбался. Вы не знаете, что вы говорите, отвечал он. Пойти на такую меру он не мог, боялся. После смерти патриарха прошло 20 лет, а он все думал, на что решиться. И именно те из бояр, кто так активно нападал на Никона, посоветовали ему не назначать больше патриарха. Среди русского духовенства у Петра I не было сторонников в проведении церковной реформы по протестантским образцам, и он обращается за помощью к духовенству малороссийскому, получившему образование в Киево-Могилянской академии, где богословие было построено по католическому образцу, преимущественно иезуитскому» [161, с. 52—53].

Вот с этих самых пор и обнаруживается слишком явственный крен в ту же сторону и всего петровского окружения:

«Начиная с Петра правительственный аппарат, по существу, исповедует деизм и пантеизм, то есть безбожие, неверие в личного Бога, и поклоняется Верховному Существо и Великому Мастеру» [161, 76].

Все это творилось совершенно в открытую. А потому появилось достаточно устойчивое мнение, что:

«Петр и его приближенные — оборотни...» [15, с. 410].

Так оно, судя по всему вышеизложенному, и было на самом деле. А потому нет в том ничего необычного, что русские люди уже тогда:

«“почувствовали дух петровских нововведений, определив его как дух *антихристов*”³⁷» [15, с. 410].

³⁶ Дело Московского архива министерства иностранных дел 3 мая 1719 года.

³⁷ Богословский М.М., Петр I. Материалы для биографии. Т. 2, с. 161, 323, 367. Л. 1940.

² Протоиерей Лев Лебедев. Москва патриаршая. М.: Вече, 1995.

Но и Лжедмитрий в этом вопросе со своим последователем шел нога в ногу:

«...предоставляя католикам свободу совести в своем государстве, Димитрий равным образом предоставлял ее протестантам всех толков» [51, с. 309].

Но Петр, за что следует отдать ему должное, все же в этой области «обштопал» своего предшественника по самозванству. Потому и магометанство запустил в Россию абсолютно так же преднамеренно, как и католичество с лютеранством:

«Первым переводом К[орана] на русский яз. является “Алкоран о Магомете, или закон турецкий”, книга, представляющая перевод К[орана], сделанный по приказанию Петра В[еликого] Постниковым в 1716 году» [96, с. 1468].

Но здесь не следует думать, что и иные вероучения, ранее не пускаемые к нам и на порог, Петр чем-либо обошел в своем безмерном почитании:

«Царь хотел ознакомить русских с другими вероисповеданиями и иными верами и приказал в начале 1723 года перевести лютеранский и кальвинистский катехизисы на русский язык» [51, с. 739].

Мало того. Именно на этих «дел» эпоху приходится таинственная деятельность каббалиста, масона и чернокнижника:

«...Якова Брюса (сподвижника Петра I), который, как известно, был выдающимся астрологом» [144, с. 47].

Симоновский архимандрит Петр Смилянич, родом серб, приводит слова полковника Пантелеймона Божича:

«Мы думали, что в Москве лучше нашего благочестие, а вместо того худшее иконоборство, чем у лютеран и кальвинов, начинается какая-то новая ересь. Человек, у которого отведена мне квартира, какой-то лекарь... на Церковь Православную страшный хулитель, иконы святые и священнический чин сильно уничижает; всякий вечер приходят к нему русские молодые люди, сказываются учениками немецкой школы, которых он поучает своей ереси, про священнический чин, про исповедь и причастие так ругательно говорит, что и сказать невозможно. Я не смог снести ругательства вере Христианской и чуть в беду не попал, вчера вечером чуть саблию всех не перерубил, вынул саблю и всех еретиков выгнал из хором; а нынче поутру пришел он ко мне с женою, упал в ноги и просил прощенья: “Пожалуй, не гневайся на нас, ныне у нас на Москве... вольно всякому — кто какую веру себе изберет, такую и верует...”» [124, с. 540].

Вот такого толка в те времена ходило в модных салонах вероисповедание, за которое православный человек, углядев в его проявлениях хулу своим святыням, мог (а точнее обязан был) адепта подобной ереси саблей в капусту искрошить.

А наши московские святыни, столетиями собираемые со всего света ценою невероятнейших финансовых затрат и физических усилий, напряжением всей нации, во времена царствования Петра были предоставляемы на рассмотрение иноверцам в качестве редкостных музейных экспонатов. Причем, их можно было басурманам не только осматривать, но и брать в свои еретические руки. Чему сильно удивляется и сам тискавший их в своих руках иностранец и иноверец Берхгольц:

«Все названные сокровища трех церквей [Кремлевских соборов — А.М.] и патриаршего дома, до которых прежде не допускали ни одного иноверца и никому из светских не позволяли дотрагиваться и которые даже само духовенство осмеливалось брать не иначе как обернув руки шелковою материею, мы, как сказано выше, не только рассматривали сколько угодно, но и брали в руки» [316, с. 369].

И понятно дело, что такое кощунственное разрешение могло поступить лишь от самого Петра. О том же сообщает и Перри:

«До сих пор никакому человеку, не принявшему Русскую Веру, не дозволялось входить в их церкви; в тех же редких случаях, когда это было допускаемо, на это смотрели, как на великую милость, и после этого церковь очищалась святою водою и курением фимиама [как если бы в церковь забежала собака — А.М.]; иностранцев также не положено было хоронить на их кладбище [как и вообще самоубийц — А.М.]; но так как теперешний царь

сам, вместе с некоторыми из своих господ, часто ходит в иностранные церкви... то с этих пор иностранцам открыт свободный доступ в Русские церкви» [329, 151].

То есть в его времена в наших храмах, что выясняется, стояла мерзость запустения.

И вот кто являлся в те времена раскольниками. Вот что пишет Феофан Прокопович в:

«...*Рассуждении о поливательном крещении* (СПб. 1724 г.), в котором защищает, против раскольников, силу поливательного крещения...» [403, с. 131].

То есть раскольниками в те времена именовались те русские люди, которые отказались принять новый, что выясняется, чисто католический способ крещения своих детей. Но, в период, когда их церкви оказались подвергнуты мерзости запустения, совершали этот обряд в открытых водоемах, как делалось это в старину.

А вот по какой причине Петр столь был озабочен уничтожением русских часовен:

«...понеже часовни всегда правильным церквам препятием бывают, ибо некоторые невежды и суеверцы не так имеют прилежание к церквам, как к часовням, а раскольникам и противному их мнению не малый способ есть, ибо они, по своему невежственному упрямству и умовредной прелести отчуждающееся св. церковей, могут приходить в те часовни, аки в некоторые свои мольбища и отправляемую там по своему суемнению мольбу почитать за правильную церковную службу...» [403, с. 104].

То есть подвергшиеся в ту пору мерзости запустения свои храмы русские люди перестают посещать, а для отправления церковных служб начинают пользоваться часовнями, открытыми для всех. Вот почему именно их и стал царь-антихрист раздавать под лавки армянам и татарам.

И вот находим у Перри ярко выраженные признаки, по которым это запустение наступило:

«Самые сильные и жаркие распри между ними, когда зайдет речь о каком вероисповедном разногласии, заключаются в том, как складывать пальцы для совершения крестного знамения. **Недавно Патриарх установил закон, по которому миряне должны креститься только двумя перстами**, но, несмотря на это, между ними существует упорная **секта, которая совершает крестное знамение тремя перстами**. В числе поборников этой секты был некто Яков Нурсов, который произвел последнее возмущение в Астрахани...» [329, с. 150–151].

То есть Астраханский бунт, о чем свидетельствует не какой там нибудь безграмотный башмачник или булочник, но разработчик проектов и строитель кораблей, каналов и шлюзов — капитан Перри, посланный к Петру самим королем Англии, произошел чисто по религиозным мотивам. А самой причиной бунта, что выясняется, является замена нашего исконного Крестного Знамения на так называемое «старообрядческое».

Но ведь и предыдущий бунт, когда стрельцы убивали Нарышкиных, захвативших в тот момент в стране власть и выдвинувших на царство безграмотного на редкость тупого мальчика Петра, был таким же — чисто религиозного характера. Стрельцы, со слов Желябужского, требовали, чтобы:

«...на Москве б выбрали на Московское царство его, князь Ивана; и патриарха и властей поставить, кого изберут народом, которые бы старые книги любили» [325, с. 266].

И эти страстные любители старых книг, которые исключительно из-за них даже бунт на Москве подняли, что выясняется, крестились троеперстно.

Причем, побывавший в России уже ближе к концу царствования Петра брауншвейгский посол Вебер подтверждает нам, что и действительно во времена этого царствования здесь у нас господствовала какая-то ересь. Вот что он вынес из своего пребывания в набожной Москве. Причем, конкретно в главных соборах и монастырях Кремля, где господствовала, что и естественно, богослужение, введенное Петром и его предшественниками:

«Русские безпрестанно прибегают к крестному знаменю, которое совершают они **сложив два (sic) перста** и прикладывая их сперва на голову, потом на грудь, на правое и

на левое плечо, и на всех улицах, где только завидят они церковь или крест, их всегда встречаешь в таком благоговейном положении» [401, аб. 309, с. 1371].

Но процитированные выше авторы не являются единственными своего рода публицистами каких-то странностей, встречающихся лишь у одних у них. Об этом также свидетельствуют: австрийский барон Августин Майерберг (1661 г.), поляк Яков Рейтенфельс (1670 г.), голландец Ян Стрюйс (1676 г.), немецкий барон Мейерберг (1683 г.), шведский путешественник, ученый и лингвист Юхан Габриэль Спарвенфельд (1684 г.), немец Шлейссингер (1682–1685 гг.), датский посол Юст Юль (1709 г.), англичанин Джон Перри (1698–1712 гг.), шведский священник Генрих Седеберг (1709–1718), посол Брауншвейга Фридрих Вебер (1714–1720 гг.), голштинiec Фридрих-Вильгельм Берхгольц (1722–1729)³⁸.

Конечно же, совершенно естественно было бы услышать на эту тему возражения. А как же относиться к тем свидетельствам современников Петра I, которые опровергают выдвинутую версию ряда перечисленных авторов на счет бытовавшего в момент царствования Петра I признанного официальным Крестного Знамени?

А таковых в мемуарной литературе, что выясняется, нет вообще. Многие, что и понятно, о том и не заикаются, но лишь потому как считают не существенным, многие молчат, возможно, из-за того, что им посоветовали на эту тему не особенно-то и распространяться. Специально, перевернув все с ног на голову, об этом не заявляет вообще ни один иностранец. А ведь перелопачено автором на эту тему (смотрите оглавление) достаточно не мало. Но, увы, рассказов об официально признанном при Петре троеперстном Крестном Знамени нет вообще ни у кого. А есть лишь вот какого плана высказывания. Седеберг (1709–1718):

«Несмотря на то еще крестятся тремя перстами, хотя не открыто» [310, с. 16].

То есть бояться, потому как за такое в то время головы рубили. Шлейссингер, например, вот как описывает смерть от руки палача тогдашних времен «раскольника»:

«...при моем пребывании в Москве не проходило ни единого утра, чтобы кого-то не казнили на Лобном месте. Так, я видел среди прочих одного старичка, который положил на плаху свою седую голову столь охотно, будто иначе и быть не может...» [292, с. 118].

Ему, что и понятно, предложили отречься от своих убеждений. Но он сообщил, что ему легче расстаться с жизнью, чем последовать заблуждению, которое на тот момент приняла высшая церковная иерархия. И вот каким Крестным Знаменем он освятил себя перед самой своей смертью:

«После этого он захотел во имя Святой Троицы в последний раз **перекреститься тремя пальцами и даже успел несколько раз это проделать**, так и сложив за это свою голову» [292, с. 119].

То есть стойких в своих убеждениях русских людей в те времена казнили за Русскую Веру. Многие же, что и понятно, продолжали креститься как делали это их пращурь лишь дома при закрытых дверях, как сообщает Седеберг, — *не открыто*.

А когда Петр, явившись из-за границы, не довольствуясь уже внедренными нововведениями, начал еще и бороды резать, лишая русского человека образа и подобия Божия, стало понятным, что на троне подножия Престола Господня воцарился антихрист. Ведь по тем временам, когда русские люди, единственные избежавшие перерождения на строительстве Вавилонского капища, еще помнили свое родство с Адамом, сотворенным по образу и подобию Божию:

«В России бороду образом Божиим почитали, и за грех считали ее брить...» [374, с. 17].

Потому, когда это очередное кощунство воцарившимся во имя свое супостатом стало узаконено, ясно стало для всех:

«Пришла кончина света и антихрист настал...» [46, с. 191].

³⁸ Высказывания на эту тему всех перечисленных иностранцев см.: «Патриарх Тушинского вора» [352], часть II, гл. «А был ли мальчик?»

И вот что с уже означенным пытался силою поменять своими указами взобравшийся на Царский трон антихрист. Вот как расписывает «деяния» Петра в данном вопросе протестант Вебер:

«...он имеет обширные богословские познания (о Боге и существе Его), и потому конечно преобразует и улучшит многие недостатки и шарлатанство, которых не чужда Греческая вера; так, он уже и теперь многое отменил в ней, и между прочим, в обряде крещения повелел, чтобы вступающего в Русскую веру не окунали более в действительности троекратно в воде [но, по-католически, лишь опрыскивали — А.М.]. Относительно строгости постов он также ввел порядочные изменения, в особенности в войсках... он приказывает священникам и вообще духовенству, чтобы они, по примеру других христианских народов, читали бы в Русских церквях и проповеди, чего до сих пор в России не слыхивали: ибо все богослужение там ограничивалось только чтением и пением псалмов и обеднею [то есть церковной службою вместо протестантской болтовни — А.М.]. А как и то и другое совершается там на древнеславянском языке, то из всей службы мало понимают как те, которые читают и вообще совершают служение, так и те, которые оное слушают. Имея это в виду, царь повелел перевести на обыкновенный русский язык Библию, которая также употребляется там на Славянском языке, и потому очень непонятна, и этот новый перевод напечатать в новой типографии и издать в свет» [402, с. 1696–1697].

Что исполняют лишь столетие спустя библейские масонские общества, все экземпляры книг которых спалит даже царь масон Александр I, за что и поплатится своей жизнью.

Потому очень не зря господствовало в ту пору такое вот мнение:

«...ныне царствует антихрист по все России **и вера вся антихристова**» [404, с. 90].

«...пришел он в мир с помянутого 196 года [1686 год — год победы Петра над Софьей — А.М.], и ныне в мире есть, а познали-де его приход в мир по перемене веры и книг» [404, с. 94].

Подытожим же главные отличия от Православия того вида ереси, которую железом и кровью пытался ввести Петр. Это двуперстие и бритые образ и подобия Божьего — бороды, обливанческое крещение и замена языка Бога, предназначенного человеку для молитвы, старославянского, нынешней тарабарской мовой, сформированной в язык лишь столетие спустя «петровских преобразований» — Пушкиным.

А потому русский человек тех времен, изрядно шарахаясь от всех этих басурманских нововведений, ясно ощутил тогда, что антихрист настал:

«...в 1700 году книгописец Григорий Талицкий... утверждал, что пришли последние времена, и в своих “тетрадах”, распространявшихся в народе, объяснял, что народился антихрист в лице Петра» [373, с. 194].

Но и двадцатилетие спустя, когда Петр учредил св. Синод, отношение к его деятельности ничуть не изменилось:

«...все доказательства антихристова пришествия обращаются около уничтожения патриаршества: “И той лжехристос нача превозноситься паче всех глаголемых богов, сиречь помазанников, и нача величаться и славиться пред всеми, гоня и муча православных христиан... распространяя свою новую жидовскую веру и церковь во всей России... в 1721 г. приял на себя титул патриаршескую, именовая Отец Отечества... и глава церкви российский, и бысть самовластен, не имея никого в равенстве себе, восхитив на себя не точию царскую власть, но и святительскую и Божию, бысть... глава надо всеми, противник Христов, антихрист... и устави Сенат и Синод, и сам бысть над ними главою и судьей главнейшим: и тако нача той глаголемый бог паче меры возвышаться. Той же лжехристос сие соделал от гордости живущего в нем духа... И тако той лжехристос, восхитив на себя царскую и святительскую власть, и вступи на высочайшую степень патриаршескую, яко свидетельствует изданная о нем книга “Регламент

Духовный”, лист 3, в 9 пунктах: како и для чего уничтожи патриаршество, дабы ему единому властвовать...³⁹» [403, прим. 1 к с. 59].

«И какой Петр царь... От такого царя нужно отступить, не надо его ни слушать, *ни платить ему податей*» [46, с. 191].

Все правильно: во времена голода в Поволжье и на Украине, который искусственно устроили продолжатели дел Петра, самыми первыми от истощения умирали именно те, кто сдал весь свой хлеб без утайки. То есть исполнил пожелание властей насчет взимания непомерных податей в полном их объеме.

Во времена же Петра народ большевицкой пропагандой одурманен еще не был. Потому люди последнее с себя все-таки не спешили отдавать. Весьма вероятно, что лишь эта осторожность и позволила тогда русскому народу не подвергнуться полному вымиранию от антихристианской политики супостата, пришедшего к власти в нашей стране.

А вот что можно сказать об одной из первых его затей, которой он не бросал в продолжение всей своей жизни:

«Это был “Сумасброднейший, всепьянейший всешутейший Собор”» [14, с. 73].

И самое здесь удивительное, что этот его антихристов орган был учрежден уже тогда, когда за «великий ум» избранный в цари мальчик еще не знал основных правил арифметики — умножения и деления! И этот с ног сшибающий одним лишь своим наименованием институт властных структур был учрежден:

«...задолго до того, как Нарышкины пришли к власти. Даже в наши просвещенные, невероятно прогрессивные времена не одна бровь поднимется, если мальчик лет 14–15 захочет собрать компанию под таким названием» [14, с. 73].

Почему же Петру это *позволили* еще тогда? Причем, в тот период, когда подобное действие было еще не возможным из-за слишком явно враждующих правительственных группировок, одна из которых просто обязана была искать компромат на свою соперницу?

Ответ единственен: обе группировки находились под единым началом — иного объяснения произошедшему попросту нет.

Еще одна деталь: все эти вроде бы на первый взгляд вьюношеские игрушки, на игрушки вовсе не походят. Но на серьезную организацию, структуру которой знающему пока лишь два правила математики мальчику самому разработать было просто невозможно:

«В уставе подробнейшим образом определены члены Собора и способы избрания “князь-папы” и рукоположения всех чинов пьяной иерархии. Да, рукоположения! Собор полностью воспроизводил всю церковную иерархию и все церковные обряды» [14, с. 73].

На что такая пародия похожа?

Так ведь уже на нынешнюю нашу церковную иерархию, верхушка которой прогнила и начинает подготовку ко встрече антихриста! Все это грозит уже в самые ближайшие времена мерзостью запустения!

И на эти грабли непонятой нами некогда истории мы сегодня наступаем уже в третий раз! Ведь совершенно ту же политику по отношению к Русской Церкви некогда проводили и большевики-ленинцы:

«Паскудства, творимые Петром и его сподвижниками, вполне подобны всему, что выдывали члены “Союза воинствующих безбожников” в 1920-е годы. И с черепами на палках бегали, и матом орали в церкви, и блевали на алтарь...» [14, с. 74].

Это продолжалось и в ту пору этого апокалипсического правления, когда на молодость Петра подобные выходки списать было уже не возможно:

«Яростные нападки на Церковь и глумление над обрядами Православной Церкви, доходившие до открытого кощунства, Петр сохранил до самой смерти» [238, с. 83].

Вот как описывает это «духовное» учреждение Петра секретарь прусского посольства Фоккеродт:

³⁹ Чтения в Общ. истории и древн. росс. 1863 г., кН. 1, отд. III, с. 53–60.

«Князя-папу носили в открытых санях 12 плешивых голов... в руке у него была палка с шариком, которым он и барабанил по головам своих носильщиков. За ним верхом на волах ехали его кардиналы, а позади их остальное духовенство в санях, запряженных свиньями, собаками, медведями и другими животными. В этом странном шествии разъезжал Петр I везде... Куда привалит это шествие, там сначала поется славенье, за которое хозяин должен отплачивать подарком по крайней мере в 100 рублей. Вслед затем гости... не только напоят его до полусмерти, но и надают ему еще полновесных тузов в придачу. Безчиние и свинство, происходившие на этих попойках были неописаны; но ничего не было омерзительнее того, когда следовало выбирать нового папу... Во все это время кардиналам не давали есть ничего другого, кроме детородных частей быков, коров, козлов, коз и овец, даже собак и кошек обоего пола, в изобильно приправленном перцем французском кушанье, а пиво и водка служили им для питья; трезвыми не оставляли их ни на одну минуту, и все это до тех пор, пока было угодно Петру. Сам он... не только забавлялся скотскими поступками этих людей, но и сам еще пил молодецки с ними: такое разгулье его, незадолго перед кончиною, при выборе последнего пьяного папы немало, по суждению врачей, способствовало его смерти» [301, с. 27].

А вот какова конечная цель этого шествия. Франц Вильбуа:

«Есть основания полагать, что все эти комические церемонии намек на какую-то из церемоний, которую хотели высмеять, соблюдавшиеся при возведении в сан Русского Патриарха» [319, с. 198].

То есть Петр, как известно, присвоил главенство над Русской Церковью себе. Потому так яро всю свою жизнь пытался оплевать Патриаршество, а более всего саму церемонию присвоения этого сана. Потому глумился в основном именно над данным священнодействием.

Причем, явно уродливые плоды его деятельности на данном поприще отмечает даже буквально в рот ему глядящий князь М.М. Щербатов, автор очередной масонской Утопии — «Путешествия в землю Офирскую господина С., извещкого дворянина». Ведь после нескольких десятилетий подобных кошунств у верхнего правящего Россией слоя, душой, что называется, и телом преданного Петру, а потому и рабски потворствующего всем его прихотям, исчезла:

«...боязнь ада... и любовь к Богу и к святому Его закону; и нравы, за недостатком другого просвещения исправляемого верою, потеряв сию подпору, в разврат стали приходить» [374, с. 17].

Но был ли Петр вообще православным человеком? Ведь вот каково отношение было у него к главной отличающей особенности Русского Вероисповедания — православным постам.

Вот, например, что мы узнаем из дневника Берхгольца от 24 марта 1722 г. о поведении Петра во время Страстной недели:

«Русские... держат самый строгий пост, даже не едят рыбы... Но его величество император и весь императорский двор, равно как и многие вельможи, мало обращают на него внимания и преспокойно, как и мы, едят во все время мясо» [316, с. 378].

Может напраслину на Петра наговаривает Берхголец?

Да нет. Практически все иностранцы, побывавшие в то время в России, это подтверждают.

А вот что сообщает на эту тему в тайной канцелярии в своем письме, датированном от 8-го января 1720 г., архимандрит Александро-Свирского монастыря Александр:

«...его царское величество приял обычай того западного отпавшего костела римского: во все святые посты и во все лето в среды и пятки сам разрешает на мясо и другим всем повелевает творити такожде, яже и творят мнози от его царского синклита и от прочих христиан мнози на их смотря творят, ядят тому же мясо во святые посты, якоже западный отпавший костел римский повелевает творити тако, от него же его царское величество сей обычай восприял, противность творя Святой Восточной Церкви» [404, с. 148].

Так какую же все-таки религию исповедовал Петр и его окружение, коль к постам, а тем более к Великому, и даже на Страстной неделе, чему столь удивляется даже протестант Берхгольц, оставался преднамеренно равнодушным? Да так, что даже окружение его не могло ему в этом перечить, но принуждено было есть мясо в Страстную седмицу вместе с ним?

Однако ж лишь мясоядением в посты безбожие Петра и его окружения вовсе еще не заканчивалось. Архимандрит Александр в своем письме продолжает:

«еще же ко сему повелевал его царское величество богомерзкую проклятую табун (табак) траву продавать по градам, которую сам и весь его синклит [высшие церковные иерархи — А.М.] употребляет. И в такое безстудие пришли, не точие что в домах или в канцеляриях и на путех, но и в церквах Божиих употребляют безстудно и без страха Божия. Якоже аз сам видел светлейшего князя (Меншикова) в церкви Божией безстудно употребляюща сию богомерзкую табун траву проклятую и якоже некоей святыни причащаяся...

Такожде второго безстудника видел Алексея Петровича Салтыкова, сына его в олтарь вшедшаго во время святыя божественныя Литургии, егда речет иерей “всегда ныне и присно и во веки веков” и относит на жертвенник — тогда сей безстудник взял из кармана табакерку у самого престола Божия и учал употреблять ту богомерзкую табун траву» [404, с. 149].

Что же это было-то?

Тут уж комментарии не требуются. Такое в наших разоряемых ими церквах могли позволить себе лишь французы. И то лишь потому, что армия их не имела ни одного священника. Зато, правда, имела складные походные масонские молельни...

А ведь за срыв Литургии, что и произвел на глазах архимандрита Александра (в миру Алексея Пахомова) Салтыков, во времена Ивана Грозного полагалась смертная казнь!

И вот чем ответил на сказанную об его антихристовой натуре правду Петр:

«22 февраля 1720 г. розыск был кончен и судьба Александра была решена на основании... военного артикула [в мирное время — А.М.] ст. 19 и 20:

“Свирского монастыря бывшего архимандрита Александра, что ныне Алексей, колесовать”» [404, с. 154].

Вот как поступал Петр с теми, кто осмеливался сказать о нем и его подручных правду.

Следующими действиями, которые точно определяют антихристианскую сущность Петра, явилось продолжение уничтожения священноначалия Русской Церкви:

«При Петре I архиереев перестали возводить в сан М[итрополита]» [96, с. 1574].

Сейчас же, судя по всему, наше священноначалие уже само себя уничтожило, вступив в союз со Всемирным советом церквей, переориентировав поклонение Богу нашему в пользу объединенного идолища: кришнаитов и адвентистов, иеговистов и лютеран, масонов и католиков.

Тогда же, при Петре, балаган, изобретенный для главенства над Русской Церковью, был ничуть не менее антиправославен. И следующим шагом, что здесь выглядит вполне логично, являлось прекращение возведения уже и в сан священника. То есть практически то же, что большевики планировали завершить в эпоху безбожной пятилетки — к 1943-му году.

Потому планы царя-антихриста продолжали совершаться в вышеизложенном ключе: обезглавленная Церковь подверглась новым нападам. В 1705 г. по указу Петра:

«Запретили строить новые церкви и монастыри... Вообще Петр стремился превратить монастыри в нечто среднее меж богадельнями и мастерскими. В знаменитом “Духовном регламенте” Петра так и говорилось: “...добро бы в монастырях завести художества, например, дело столярное”» [15, с. 411].

Подобным же разгромом святорусских духовных учреждений отмечены и первые шаги его предшественника по самозванству. Вот за счет кого решал свои проблемы по части безопасности Лжедмитрий:

«...попам, жившим близко от Кремля на Чертолье и на Арбате, пришлось уйти из своих домов и передать их немцам (чтобы те в случае нужды днем или ночью могли быстрее оказаться у царя)» [250, с. 113].

Вот еще вариант поиска повода для обобрания почему-то столь же, как и Петром, люто ненавидимой им Русской Церкви:

«На приуготовления к замышляемому им походу [на Азов — А.М.] требовались издержки, для коих уже не доставало безпутно истощенной им царской казны. Для пополнения оной, сперва он занимал безвозвратно деньги в богатых монастырях, а наконец решил захватить монастырские имения. По приказанию его все обители были осмотрены, и составлены ведомости об их доходах и о ценности их вотчин, из коих за ними оставлены только необходимые для содержания монахов, все прочие были отобраны в казну...» [208, с. 190].

Вот какие астрономические суммы им были изъяты только еще в самом начале его в данной области «славных дел»:

«...с Иосифо-Волоколамского монастыря было затребовано 3 000 рублей, а с Троице-Сергиевского взято даже 30 000 рублей» [251, с. 500].

Петр не только ограбил монастыри, но пошел и еще дальше — предварил для данного сословия, опередив большевиков на 200 лет, мрачную подслушивающую систему эпохи сталинизма:

«...запретил монахам в кельях держать перья и чернила, писать что бы то ни было (Очень быстро Петр творчески развил эту мысль, распространив ее на все население. Появился указ, предписавший выявлять и сдавать начальству всех тех, “кто запершись пишет...” Формулировалось это так: “о донесении на тех, кто запершись пишет... и о наказании тем, кто знал, что запершись пишет, и о том не донесли”»)» [15, с. 411].

Потому и вполне понятна на такие его действия реакция народа:

«”...ныне-де у нас не государь царствует — антихрист” (Никитин, 1705)» [46, с. 191].

«...он служил и приносил жертвы высшему, безконечно требовательному божеству, признаваемому вместе с ним всеми» [16, с. 174].

«Как скоро-де он наехал на Москву и все стал творить по-жидовски: у патриарха благословения не принял, в дом Пресвятыя Богородицы честного и славного Ее Успения, на поклонение ризе Господней, пречестной Владимирской иконе Богородицы, писанной Лукой-евангелистом, и к цельбоносным мощам московских чудотворцев не пошел, потому что знал: сила Господня не допустит его, окаянного, до святого места... царицу и царевен постриг, а... царевича... убил. Народу в день новолетия не показался, чая себе облечения, якоже и Гришке Расстриге обличение народное было, и во всем по-расстригиному поступает: святых постов не содержит, в церковь не ходит, в бане каждую субботу не бывает, живет блудно, с погаными немцами заедино...» [368, с. 72–73].

«Иго с Запада — более тяжелое, нежели прежнее иго с Востока, иго татарское. В истории константинопольской церкви, после турецкого завоевания, не найти ни одного периода такого разгрома церкви и такой безцеремонности в отношении церковного имущества, кои на Руси случились. Государь наш, Петр Алексеевич, испытал влияние протестантов, упразднил патриаршество. Государство перестало быть органом церкви, и на духовно едином русском организме, как наросты злокачественные, вырастать начали извне привитые протестантского, иудейского и иезуитского характера секты... С Петра, с Петра Алексеевича началось духовное дробление народа» [4, с. 394].

«Выступая на Соборе Всероссийской Православной Церкви, Антоний, митрополит Киевский и Галицкий, утверждал: “Без Патриарха Русская Церковь осталась со времен Петра Великого. Пусть он и велик как государственный деятель, хотя и то под сомнением, но по отношению к Церкви он может быть назван только великим разорителем. Все то

дурное, что приписывают церковной бюрократии, пошло от Петра Великого. С его времени наш церковный строй получил уклон к протестантству»⁴⁰ [243, с. 7].

Но не только протестантизм исповедовал неизвестно кем возведенный на трон этот странный монарх. Он ввел у нас и странное католического образца летоисчисление, узаконившее произведенную Западом ошибку в сроке рождения Христа:

«В украинских землях, вошедших в состав России в середине XVII в., пользовались европейским летоисчислением, и годом пришествия в мир Спасителя считался 5 508 г. Царь Петр I юридически закрепил “новую хронологию”... При этом... переносилась дата Рождества Христова: с 5 500 на 5 508 г. от создания мира. Иначе говоря, в 7 208 г. в России шел 1 708 г. от Рождества, но ...декларативно был “назначен” 1 700-й (См. подробнее: Вопросы истории. М., 2011. №1. С. 171–175)» [260, с. 25].

Так что термин в летоисчислении, столько-то лет до н.э., вовсе не следует переводить, как до Р.Х. Сюда же следует присовокупить как смещение нового года и еще на несколько месяцев (с 1 сентября на 1 января), так и большевицкое смещение на час, а затем уже нынешнее постсоветское и еще куда-то в сторону сначала лишь на лето, а теперь вообще навсегда — и тоже и еще на час. Так что теперь мы так запутаны этими нововведениями, что становится все сложнее определить наше временное пространство. Теперь при ссылке «до Р.Х.» следует прибавить к официально считающемуся году и еще 8 лет, но отнять при этом 4 месяца. Но и время когда следует сегодня становиться на молитву также от нас упрятано достаточно далеко: несколькими исправлениями подряд. Сначала большевики его сдвинули на час. А сегодня (август 2013 г.) и еще час оказался приторочен ко времени настоящему. То есть то самое время, когда Золушка потеряла башмачок, сегодня не 24,00, а 2 часа ночи. А тот момент, когда бесы, наконец, прячутся из этого мира в преисподнюю, не 7.15, а аж 9.15 утра.

Вот чем заканчиваются «преобразования», некогда начатые нашим взлелеянным в веках «Великим»: благодаря Петру, а впоследствии большевикам и демократам, мы сегодня совсем запутались во временном пространстве, предоставляя теперь бесам уникальнейшую возможность подхихикивать над нашим просто вопиющей неосведомленностью в столь казалось бы самом элементарном вопросе — отсчете времени: от начала суток, от сотворения мира, от Рождества Христова.

Но начало уже теперь данному безпамятству, отметим, положил все-таки вновь — сам Петр. И, заметим себе, направление его дел уже в данной области слишком явно направлено исключительно против канонов Христианства.

А вот как отзывался о Петре некоторое время благоволивший к его «славным делам» Лев Толстой, который, после получения только незначительной дозы правдивой информации о своем былом кумире, резко переменил мнение о нем:

«осатанелый зверь», «мерзавец», «убийца, который кошунствовал над Евангелием» [15, с. 421].

И такое отношение к Петру просматривается практически у всех, кто ненароком забирается в исподнее белье шумно воспетого пропагандой «преобразователя»:

«Романтически-приподнятое, радостное отношение к Петру меняется по мере узнавания эпохи, по мере изучения документов» [14, с. 7].

Более сотни лет после кончины этого монарха автором «Путеводителя от Москвы до С.-Петербурга и обратно» Дмитриевым перед самым въездом в построенный Петром безбожный город была подмечена очень существенная деталь, точно указывающая на характер проектируемого в нем вероисповедания:

«Верхняя Ижора, богатый, довольно населенный ям, состоящий из 300 дворов и не имеющий ни **церкви**, ни гостиницы» [32, с. 589].

Автор тут же замечает, что ввиду необычайной близости С.-Петербурга гостиница здесь практически ни к чему. Однако же отсутствие *церкви* для москвича, обычно

⁴⁰ Епископ Никон. «Жизнеописание блаженного Антония, митрополита Киевского и Галицкого», т. IV.

набожного, выглядит фактом, достойным удивления. Но удивляться излишне: этот ям — визитная карточка задуманного Петром «творения», где центральным божеством является отнюдь не Иисус Христос, а кумир масонства — Бафомет. Ведь это завезенное Петром с Запада модное в ту пору вероисповедание устраивает любая религия мира, что и доказывает рассмотренная выше лояльность Петра ко всем им. Любая, заметим, но только кроме одной: Веры русских — Православия. А потому:

«...привезенное из Европы Петром I масонство активно вторгалось в разные сферы общественной жизни страны, распространялось по верхним слоям общества, полагавших себя составной частью Европы и мира» [23, с. 168].

Вот какую церковь в России основал Петр.

Русский же человек, упрямо не желающий следовать его нововведениям, вот что сообщает о вероисповедании, навязываемом в ту пору:

«...ныне, как Синод начался, от Федоса [Феодосия Яновского — А.М.] везде в России архиереи и архимандриты польские... и в Москве в патриаршем доме у них сочинена церковь... по подобию польскому, католическая... все...по тому образцу церкви строены» [403, с. 510].

То есть этот странный тип петровской эпохи архитектуры, что выясняется, был максимально приближен к польским костелам. Службы же в них велись исключительно с двуперстным польским крестным знаменем. Раз в год человек обязан был в такой вот эрзац церкви причащаться. Чего вот только — тут трудно сказать. Ситуация, кстати, полностью аналогичная сегодняшней. А при этом «причащении» он должен был записываться. Тем же, кто от такого вот «причастия» (петровских «тайнств») отказывался, приходилось платить двойной налог. Исключительно лишь они в те времена и именовались раскольниками. Именно они, а уж никак не выговские отщепенцы, поощряемые Петром, Прокоповичем, Меншиковым и всеми прочими правителями, включая и Екатерину II⁴¹, являлись истинными борцами за Русскую Веру, а потому и преследовались нещадно властями. Именно против них и выстраивалась эта страшная машина церкви Петра, возглавляемая даже не поляками, но людьми, которые много хуже поляков. Эта банда западных прелатов представляла у нас что-то вроде бендеровцев или дивизии СС Галичина во времена гитлеровской оккупации.

Но что же позволило, в конце концов, преодолению этой бушевавшей еще со времен собора, постановившего введение нововерия при Федоре и Иоакиме, именуемого сегодня «староверием», ереси, поэтапно вводимой Романовыми со дня своего восшествия на Российский трон⁴²?

Удивительный взлет во властные церковные структуры Георгия Дашкова, волею случая и собственной алчности после смерти Петра и низложении Феодосия Яновского оказавшегося в триумvirате правления св. Синодом. В те времена все русское, в том числе и Церковь, были удушены рассаженной Петром по всем главенствующим постам в стране иноземщиной, в том числе и засланными Западом по нескольку раз менявшими свое вероисповедание униатами — Стефаном Яворским, Феодосием Яновским и Феофаном Прокоповичем. Всех их, несмотря на их малоросское происхождение, у нас именовали не иначе, как исключительно поляками. А они таковыми, изменив Русской Вере, на самом деле и были. А потому:

«Георгий, да и не он один, убежден был, что они, т.е. поляки, завладели русской церковью и склоняют ее всякий в свою сторону — кто тянет к католичеству, кто к лютеранству. На стороне Георгия была почти вся знать того времени... Падение Феодосия... не возбуждало ни в ком ни жалости, ни сострадания. С удалением его, тотчас же начинаются отмены многих постановлений Петровского царствования. Одним словом,

⁴¹ См.: [352] — «Патриарх Тушинского вора».

⁴² См.: [352] — «Патриарх Тушинского вора».

со вступления на престол Екатерины, началась церковная реакция в пользу старины» [403, с. 187–188].

Впереди, правда, была еще бироновщина, главной движущей составляющей которой со стороны церковных структур являлся Феофан Прокопович. Но к 1740–41-му году пришел конец и ей.

Охота на людей

«Какие же меры употреблял Петр для приведения в исполнение своих великих преобразований? пытки Преображенского приказа и тайной канцелярии, мучительные смертные казни, тюрьмы, каторги, кнуты, рвание ноздрей, шпионство, поощрение наградами за доносничество...» [51, с. 765–766].

«Петр и его сотрудники не понимали и не чувствовали, и не могли понять и почувствовать безчеловечности пытки» [404, с. 582].

По всей Москве были расставлены так называемые «позорные столбы», на которых вешали людей. Вот что заносит Корб в своем дневнике от 16-го (26-го) июля:

«Жена одного дьяка, случайно проходившая мимо позорных столбов, поставленных перед Кремлем во время последнего бунта, пожалела о преступниках и громко произнесла: “кто из людей знает, виноваты вы или невинны?” Эти слова тотчас кто-то передал боярам. Сожаление женщины об осужденных показалось опасным; немедленно приводят ее с мужем к допросу, и когда узнано было, что это было простое, свойственное женщине сострадание к несчастным, и что в этом нет никакого признака злоумышления, их обоих освободили от смертной казни, но зато сослали в ссылку. Так называется простая и неумышленная свобода слова там, где подданные держатся в повиновении одним страхом» [282, с. 755].

Вот что означало в петровские времена ненароком произнесенное слово.

Следующая выдержка из дневника Корба за 4-е сентября повествует о вполне обыденном для тех лет происшествии — убийстве людей заподозренных в бунте:

«Десять мятежников возымели намерение возбудить к бунту донских казаков... Но они были захвачены полковником Мейером, в цепях приведены в Москву, сознались в преступлении, и двое из них разорваны в куски, один обезглавлен, семеро повешены» [282, с. 761].

1 октября казни были продолжены. Для этого были выисканы новые жертвы:

«Пятнадцать человек из приведенных недавно и доведенных до сознания мятежников, оставшиеся живыми после пыток, были колесованы и обезглавлены» [283, с. 501].

Вот какие подробности расправы при подавлении данного бунта приводит англичанин Джон Перри:

«Все заговорщики были преданы пытке... по прошествии месяца, 5-го марта, все они были казнены следующим образом на большой торговой площади, находящейся перед Царским дворцом: сначала им отрубили правую руку и левую ногу, а затем левую руку и правую ногу, и наконец головы их отделили от туловища и воткнули на железные колья, прикрепленные к высокому каменному столбу, воздвигнутому для этой цели перед дворцом; руки и ноги их также развешены были вокруг этого столба, а туловища их не позволено было похоронить. Они были выставлены на торговой площади зрелищем для проходящих до тех пор, пока, наконец, с прекращением морозов, зловоние стало до такой степени противно жителям, что туловища эти приказано было убрать и бросить в общую яму, вместе с телами мошенников и воров» [329, с. 100].

И все вышеприведенное происходило еще до того момента, когда Петром будет раздута история о якобы произошедшем против него стрелецком бунте, возглавляемом Софьею. Потому отнюдь не лишено справедливости мнение, что:

«“Никогда, нигде не было такого сыска, как при Петре в России” (Пильняк, 1919)» [46, с. 122].

Но, может, он был не совсем вменяем?

«“Двигательное и речевое возбуждение... бредовые интерпретации.. случай, по-видимому сложный... шизофрения, надо полагать. А тут еще алкоголизм...” (М.А. Булгаков)» [14, с. 17].

Но и это не аргумент при попытке этого монстра хотя бы частичной реабилитации.

«До какой степени он был свиреп и кровожаден, показывает то, что он не побоялся унижить свое царское достоинство, взяв на себя обязанность палача во время дикой казни стрельцов... Несчастный Алексей Петрович замучен отцом после того, как этот отец выманил его из безопасного убежища царским обещанием прощения» [51, с. 765–766].

Все вышеизложенное подтверждает и художник Бенуа, вынося на суд истории свои впечатления об увиденной им гипсовой маске Петра времен убийства им собственного сына:

«Можно представить себе, какое впечатление должна была производить эта страшная голова, поставленная на гигантском теле, при этом еще бегающие глаза и страшные конвульсии, превращающие это лицо в чудовищно фантастический образ» [238, с. 61].

А ведь эта его в натуральную величину личина просто с головой обличает более чем заинтересованных в ретуши своего кумира подельщиков, которые из этого припадочного сатира умудрились слепить чуть ли ни херувима с крылышками:

«Бюст Растрелли, изображающий Петра величавым и благородным, есть плод работы придворного скульптора, которые испокон веков привыкли приукрашивать своих царственных натурщиков» (там же).

Но и сами поступки воспетого средствами информации этого «колосса» и «ваятеля» не позволяют и на тысячную доли усомниться в выкапываемой нами буквально чуть ли уже и не из-под земли правде об этом ужасающем своими дикими поступками просто безчеловечном монстре:

«...практика на каждом шагу противоречила теории. В теории — иногда даже подчеркнутое свободомыслие; на практике почти всегда деспотизм, произвол, розыск, террор. Это правление было так же террористично, как правление Робеспьера, как правление Кромвеля... Он был страстным любителем этого ужасного искусства, испещрять рукописными заметками поля допросных листов, часто лично принимал участие в допросах, ловил каждое слово, следил за малейшим движением. Он вызвал во дворец ювелира, подозреваемого в краже драгоценностей, и два раза допрашивал его, каждый раз пытая его на дыбе в продолжение часа; в тот же день, вечером, он весело рассказывал герцогу Голштинскому о перипетиях допроса (Голиков, т. VIII, с. 406). Он имел в своем распоряжении армию доносчиков и шпионов и лично помогал их усердию, подслушивая у дверей, прислушиваясь к словам гостей во время пирушек, когда обязательные возлияния горячили головы и развязывали языки...

Революции следуют одна за другой и похожи одна на другую. Для современника, автора мемуаров, история одного года великого царствования превращается почти в голос перечисления казней (Желябужский, с. 26).

За арестом одного обвиняемого следовали аресты десятков и сотен других. Арестованного прежде всего пытали, требуя, чтобы он назвал соучастников преступления. Он называл первые приходящие ему в голову имена. Потом ему на голову надевали мешок из толстой холстины и водили в таком виде по улицам; он указывал палачу на первого попавшегося навстречу прохожего. От ужасного крика “язык!”, более ужасного, чем крик “горим!”, мгновенно пустели самые людные кварталы.

“Языками” народ прозвал этих невольных, правда, но необыкновенно покорных помощников в этой охоте за людьми. При появлении “языка” происходило всеобщее бегство.

Доносы процветали.

Ряд указов способствовал этому, одобряя доносчиков, обещая им награды и грозя ужасным наказанием тем, кто, имея сведения, интересующие царя и государство, не сообщит их...

Всякий пришедший в государственную полицию и произнесший формулу: “Слово и дело” мог вызвать следствие. Немного требовалось, чтобы доказать обвинение: достаточно было какого-нибудь неосторожно сказанного слова; иногда даже это не было необходимо...

Такой режим продолжался до самой смерти Петра» [16, с. 176–179].

И такой же точно террор, учрежденный наследником «славных дел» Лениным, продолжался ровно сорок лет и выдохся лишь к 1957 году, когда началась подготовка лицемерного международного фестиваля молодежи и студентов. А до этих летних месяцев вся страна содрогалась от любого ночного стука в дверь.

Введение Петром этого драконовского безчеловечного обращения с людьми касалось практически всего населения страны:

«Указом 1718 года января 15 повелено: “на правеже дворян и дворянских детей бить до тех мест, покамест с должники не разделаются”» [36, с. 473].

Весьма «добрый» закон — такая его формулировка позволяет любого человека забить практически до смерти!

Вот почему де ла Невилль характеризует Петра достаточно мрачно. Петр, каким он видел его в 1689 г., является:

«...царем, который не отличается никакими достоинствами, кроме жестокости» [467, с. 266]

Но не всех Петр колесовал, вешал и четвертовал:

«Он часто приглашал к себе в кабинет чиновника (маленького или занимающего высокую должность), которым был недоволен, и ударом дубины свидетельствовал свое недовольство... [16, с. 180].

Однако же, по свидетельствам Корба, лишь во время его пребывания в России, которое длилось лишь полтора года, им было дважды зафиксировано избиение Петром кулаками не кого-нибудь, но даже своего закадычного друга — Лефорта:

Интересная аналогия у Петра с лжецарем наблюдается и здесь:

«...подобно Петру, Дмитрий быстро раздражается и переходит к ручной расправе» [170] (с. 205).

Так что эти оба антихриста друг друга стоили.

И все же Петр и в этом вопросе явно переплевывает своего предшественника по самозванству:

«Конечно, вспыльчивость и горячность царя играли известную роль в этих расправах, но они составляли в то же время часть системы и являлись плодом обдуманного желания...

Царь употреблял дубинку, как я уже сказал, только наказывая друзей, которых любил и которых хотел пощадить. Остальных карало иначе вооруженное правосудие... Указы и регламенты гражданского права были так же суровы, как регламенты военные.

Смерть солдату, который испускает “дикие крики”, идя на приступ, и останавливается, чтобы поднять раненого, если даже раненый этот — его родной отец...

Смерть и канцелярскому писцу, не покончившему дело в продолжение предписанного законом времени...⁴³

Смерть, смерть, почти всегда...

К концу царствования взаимный страх среди окружающих царя и всеобщее взаимное недоверие сделали жизнь невыносимой. Он следил за всеми, и все следили... друг за другом подозрительно и недоверчиво... Разговаривали только шепотом.

⁴³ Письма и заметки Петра, т. III, с. 77.; *Филиппов*, Петр Великий и уголовный закон, с. 283 и сл.

...жестокость карательных мер... не могла пресечь многочисленных побегов, число которых все увеличивалось. Военный регламент предлагал клеймить рекрут так, как клеймили каторжников. Создалась легенда, рассказывающая, что отступивший от истинной веры царь кладет на своих слуг печать антихриста...⁴⁴» [16, с. 180–184].

А потому:

«Отставные солдаты говорили в лазарете:

“Привезены из-за моря клеймы в кораблях, и кого запечатлеют, тому хлеб дают”» [366, Т. 1, с. 14].

Вот еще сообщения все о том же:

«Привезены из-за моря клеймы, чем людей клеймить антихристовым клеймом, и у тех клейм стоят они на карауле месяца по два и более безпеременно, для того чтоб о тех клеймах никто не ведал» [366, Т. 1, с. 15].

То есть пришел на род людской, а иногo по тем временам от случившегося и не мыслилось, супостат — петрушка-антихрист. А потому собираемая им армия, несмотря даже на неминуемую при поимке сбежавших рекрутов лютую смерть, разбегалась:

«...побеги все-таки не прекращались» [16, с. 184].

Вот еще свидетельство о пришествии в те времена на Русь супостата. Русские люди жаловались, что:

«Почали-де имать с нас з бань, со пчел, с изб деньги, а того-де наши прадеды и отцы не знали и не слыхали. Никак-де в нашем царстве государя нет, а ныне-де у нас не государь царствует — антихрист» [367, с. 146].

Вот еще мнение тех времен о Петре:

«Какой-де он нам, христианам, государь, он-де не государь, латыш, поста-де никогда не имеет и иных прельщает. Он-де льстец, антихрист, рожден-де от нечистой девицы, писано-де об нем имянно в книге валаамских чудотворцев, а что-де головою заprometyвает и ногою запинается — и то-де ево нечистый дух ломает» [367, с. 148].

А потому, кроме как революцией, производимые Петром реформы по-другому назвать было бы и нельзя. Он не просто резал бороды своим подданным, но, в первую очередь, этими своими модными введениями вполне целенаправленно разрушал соблюдение канонов Православия.

«”Стрелецкий бунт” от начала до конца выдуман Петром» [14] (с. 132).

При ближайшем рассмотрении, все выглядело куда как более безобидно, чем изобретенная историками версия заговора против Петра.

А произошла тогда в петровское правление практически на каждом шагу встречающаяся обыденная история с изъятием «птенчиками» в свой карман денег из казны. В тот злополучный момент один из них, как это в среде «птенчиков» было принято, обобрал казну, на этот раз изъыв в свою пользу некую сумму денег, причитающуюся для прокормления одной из стрелецких частей:

«Стрельцам было голодно... Семьи у них оставались в стрелецких слободах, в Москве, и стрельцы хотели вернуться домой» [14, с. 132].

И здесь не следует думать, что стрельцы, как несносные обжоры, требовали каких-то для себя повышенных пайков. Ведь петровские «птенчики» не только могли подневольного человека голодом заморить, но и проделывали такое достаточно не редко. Вот лишь маленький пример такого наплевательского отношения «птенцов» к своим подчиненным. Здесь вскрыт Корбом умышленно скрытый от нас историками конфуз бегства 60-тысячного воинства Петра от крымских татар осенью 1698 года. Где вовсе даже не неприятель оказался в главных врагах «Петра творенья» — потешного его аника-воинства. Но превышающее все размеры и разумные пределы воровство «птенчиков»:

«...князь Долгорукий... не позаботился о необходимом продовольствии для войска; ни одному офицеру не заплатили жалованья, и 15 000 солдат погибло от голода» [283, с. 516].

⁴⁴ Русский Архив, 1873 г., с. 2067 и 2296.

Похоже что стрельцы, ощущая на себе подобного же плана «нераспорядительность» начальства, просто не захотели встать в один ряд подобного плана жертв, причем, этого же лета военной кампании.

А проходили они, голодные, мимо своих родных мест. То есть мимо Москвы. Потому их столь и потянуло к родному гнездовищу. Но бунтовать они, судя по последующим событиям, вовсе и не собирались, а только:

«...отказались подчиняться приказу...» [14, с. 132].

То есть отказались уходить голодными, но просили начальство, чтобы им позволили заглянуть домой, коль кормить не собираются.

Вот как пересказывает в своих дневниковых записях существо этого конфликта И.А. Желябужский:

«И генерал Петр Иванович Гордон с теми стрельцами говорил, и они ему кланялись и с ним говорили, мы-де идем к Москве милости просить о своих нуждах, а не драться и не биться... просились к Москве повидаться с женами и детьми, и после того... куда-де великий государь нас послать укажет, туды-де мы и пойдем» [325, с. 308].

Ответ же был, хоть и не было подано к бунту никаких признаков, в духе петровских реформ:

«...солдаты Гордона легко рассеяли их картечью... стрельцы вовсе не бунтовали, практически не сопротивлялись правительственным войскам» [14, с. 132].

«И после того были розыски великие и пытки им, стрельцам, жестокие. И по тем розыскам многие казнены и повешены...» [325, с. 308].

«Ромодановский провел расследование с обычной для него жестокостью, но никакого бунта не нашел, и стрельцы были наказаны “легко”: слетело 56 голов, остальные разосланы обратно по месту службы» [14, с. 132].

Патрик Гордон, сам командовавший расправой над стрельцами, в своем дневнике от 4 июля 1698 г. несколько поправляет эти данные:

«Всего было казнено 130 человек... 1 845 отправлены в тюрьмы...» [341, с. 167].

То есть на самом деле было казнено вдвое больше человек, чем стало известно Буровскому, да еще около двух тысяч стрельцов, не оговоривших себя под жесточайшими пытками петровских заплечных дел мастеров, были разосланы по тюрьмам.

Но Петру даже этого показалось не достаточно:

«Вследствие царского повеления, Иноземский приказ распорядился переслать стрельцов из всех мест их заточения, после Шеинова розыска, в Москву... и вскоре все Московские тюрьмы наполнились стрельцами. Число их простиралось до 1 741. По 100 и по 300 рассажены были они в кандалах, или прикованными к стене, в монастырях Симонове, Новоспасском, Андрониеве, Донском, Покровском; также в Николаевском на Угреше; остальные... в подмосковных селах Ивановском, Мытищах, Ростокине, Никольском, Черкизове. Оттуда Иноземный приказ сдавал их, по мере требования, партиями до 150 и более человек, в Преображенский приказ к Ф.Ю. Ромодановскому, который распределял их по застенкам (пыточным камерам)...» [196, с. 202].

«Следствие, поверхностно веденное и законченное Шеиным и Ромодановским, было начато снова и поставлено в условия, которым, хотелось бы верить, не было подобных в истории человечества. Четырнадцать застенков были устроены в Преображенском и работали и днем и ночью» [16, с. 424].

Но, как это ни покажется теперь странным, количество застенков, указанных Валишевским, вовсе не преувеличено, а лишь приуменьшено. Желябужский, например, сообщает что стрельцы:

«...после расспросов пытаны в разных застенках, и розыски были непрестанные. А всех было 20 застенков» [325, с. 310].

«В них можно было найти все обыкновенные и необыкновенные орудия пыток, в том числе жаровни, на которых поджаривали пытаемых. Один из них подвергался пытке семь раз и получил девяносто девять ударов кнута, из которых пятнадцати было бы достаточно,

чтобы убить человека. Подполковник Корпаков пытался перерезать себе горло, чтобы положить конец мученьям; он только поранил себя, и пытка продолжалась. Женщин — жен, дочерей и родственниц стрельцов, служанок и приближенных Софьи — допрашивали таким же образом. Одна из них разрешилась от бремени во время пыток... Одного стрельца подвергли пытке на дыбе, дали ему тридцать ударов кнутом и долго поджаривали, но из него не удалось вытянуть ни слова. Едва удавалось вырвать у него полупризнание, неясный намек, — как только ему давали перевести дух, он снова возвращался к своим первым показаниям или застывал в немом молчании. Софья, которую, как говорят, допрашивал и пытал сам Петр, также осталась непреклонной в своем запирательстве⁴⁵» [16, с. 424–426].

«Тщетно хотел царь вынудить у них сознание в преступности их замыслов» [185, 247].

Стрельцы упорно продолжали утверждать:

«... что гибнут безвинно, как мученики за Веру и Отечество...» (там же).

«Пытки производились с утонченной жестокостью. Пытали не только стрельцов, но и их жен, дочерей и родственниц» [182, с. 109].

«Так же брали из Девичья монастыря боярынь, и девок, и стариц... они расспрашиваемы, и по расспросам пытаны; и на виске Жукова дочь девка родила» [325, с. 310].

«Последовали безчисленные казни. В Москве вырос лес виселиц» [182, с. 109].

«Но ни малейшего следа заговора, в сущности, не было обнаружено!» [16, с. 426].

Спрашивается: почему? Ведь пыточное дело у этих революционеров было поставлено ничуть не менее изуверски, нежели у их чекистских последователей, когда подвергающиеся безчеловечным пыткам люди доносили друг на друга и то, чего не только никогда не было, но и то, чего никогда просто быть не могло. А потому и дрожали по ночам от каждого шороха: что рядовые просоветенные граждане, что ответственные и привилегированные партработники.

Здесь же — под безчеловечными пытками палачей — упорное молчание тысяч...

В чем ответ на столь, казалось бы, неразрешимый вопрос?

Умучиваемые в пыточных камерах Преображенского перед Московской Голгофой русские люди совершали свой безпримерный в истории человечества коллективный подвиг отнюдь не с целью попытки сохранения каким-либо образом своих жизней: они были обречены и знали это наверняка; стрельцов, схваченных петровскими жандармами без какой-либо видимой причины, заставила сцепить зубы попытка защиты веры святорусской от поругания воцарившимся на русском троне антихристом. И оказавшись в лапах зверя, они теперь точно знали, что дорога в Жизнь Вечную у них проходит лишь через короткое крестное страдание в застенках пыточных казематов перед самой Голгофой, которая и определена была для них не где-нибудь, а именно на Лобном месте, в самом сердце Третьего Рима — прямого духовного наследника той далекой земли в Палестине, где омыла честная Кровь Христа главу Адама, избавив тем человечество от греха его первородного. И каждый из этих тысяч царем-антихристом умучиваемых жесточайшими пытками русских людей нес свой Крест страдания за Христа Спасителя, претерпевшего эти муки много ранее. А потому одни выдерживали по семь считающихся смертельными доз ударов бича при хрусте выламываемых суставов на дыбе, другие даже рожали под безчеловечными пытками петровских изуверов и, забрызганные собственной кровью, сцепив зубы, все также упорно продолжали молчать.

И зверь, видя невероятное стояние в вере русских людей, окончательно расвирепел, тем вынеся из тайных застенков Преображенского всю свою подлинную людоедскую личину напоказ московскому люду, ужаснувшемуся увиденному и понявшему — какое чудовище сидит в этом страшном недочеловеке. Даже самый настойчивый и упорный его защитник — историк Ключевский — все же не может не отметить, что:

⁴⁵ Корб, с. 84; *Гвариев* у Устрялова, т. III, с. 159, с. 407; *Фоккеродт* [Германн], мтр. 20; *Вильбоа*, Изданные записки; *Соловьев* т. XIV, с. 286; *Костомаров*, т. II, с. 517.

«...Петр был совершенно вне себя во время этого розыска и в пыточном застенке... не утерпев, сам рубил головы стрельцам» [49, с. 427].

Но, что выясняется, происходило это вовсе не в застенке, но на виду у всех:

«30 сентября 1698 г. к месту казни отправляется первый транспорт осужденных. Пятеро были по дороге собственноручно казнены Петром перед его домом в Преображенском. Этот факт удостоверен многочисленными свидетелями» [16, с. 426].

«Гвариент доносил цесарю 17 октября, что пред началом казни 10 октября (30 сентября) сам Петр собственною рукою отрубил головы пятерым стрельцам в Преображенском. То же повторил Корб (р. 84), который потом рассказывает, что 2 января 1699 (23 декабря 1898), при казни Азовских мятежников, царь отрубил голову попу, а 14 февраля 1699 обезглавлены его рукою 84 стрельца» [196, с. 407].

То есть *рукою* этого всеми восхваляемого «преобразователя» были зарублены вовсе не пять, но, что свидетельствует Корб, 85 человек!

Имеется ли этому просто прирожденному палачу уже после такого вот свидетельства какое-либо оправдание? Или будем продолжать себе под ухо все мямлить: не хотел, мол, но пришлось; порыв души. Ведь таким количеством отрубленных им лично голов у людей даже на Западе, где смертная казнь дело вполне обыденное, может похвастаться еще не всякий палач. А здесь монарх отрубил! И вместо чтоб осудить этого просто прирожденного убийцу-любителя, у которого руки и в самом деле по локоть в крови, все продолжаем мямлить заученное. Сколько ж можно-то позволять обманывать самих себя и своим молчанием об этом царе-палаче продолжать обманывать и всех других?

«Петру мало было того, что он сам работал топором, он хотел, чтобы его приближенные делали то же. Голицын оказался неловким и заставлял долго мучиться казнимых; Меншиков же и Ромодановский оказались более способными...» [16, с. 426–427].

Вильбуа:

«Никто из этих вельмож, а среди них были такие, как известный адмирал Апраксин, великий канцлер, князь Меншиков, Долгорукий и другие, не осмелился послушаться, слишком хорошо зная характер царя и понимая, что малейшее непослушание поставит под угрозу их собственную жизнь и что они сами могут оказаться на месте мятежников» [319, с. 202].

Когда некий барон Левисон изобрел очередную шараду, восхваляющую Петра, и в которой напрочь отсутствовал рассказ о зверствах над стрельцами этого «дивного гения», Франц Вильбоа предъявил ему двух человек, которые сами участвовали в выше цитированных казнях. Понятно дело, по принуждению:

«Один из них был беглый француз, его звали Авэ. Он сопровождал царя в качестве хирурга в его поездках. Другой был офицером гвардейского Преображенского полка и денщиком царя во время казни» [319, с. 202–203].

Так что все вышеперечисленное взято вовсе не с Луны, но с пересказов произошедших в то время событий живыми свидетелями. Мало того, в пересказах даже не просто очевидцев событий, но самих палачей, лично обagrивших топор в крови, пусть и по принуждению.

И даже маленького тогда сына Алексея он пытался приучить все к тому же:

«Пьяный Петр, заставляя заспанного восьмилетнего сына рубить стрельчонку голову зубренным топором, действует и как... демоническая сила... (Кузьмин-Караваев, 1911)» [46, с. 208].

Только людоеды могут приучать к человеческой крови своих маленьких детенышей, пока еще недостаточно искушенных в этом пагубном пристрастии. И если мальчик пытался при этом в чем-то папе-монстру перечить, то ребенок получал совершенно не детское мздовоздаяние:

«Сам родитель впоследствии объявлял, что, желая приучить сына *к делу*, не только бранил его, но и бивал палкою» [51, с. 790].

Вот как убийства, произошедшие 10 октября, описывает Корб:

«Сам царь, окруженный своими солдатами, топором казнил в Преображенском пятерых... Двести тридцать других мятежников были повешены, и на это ужасное зрелище, кроме великого множества немцев, смотрели: царь, иностранные министры и московские вельможи» [283, с. 504].

А вот как была продолжена эта кровавая бойня, не начатая, но лишь усиленная с приездом Петра:

«Приговоренных привезли на Красную площадь в санях попарно, с зажженными свечами в руках, и положили рядами по пятьдесят человек вдоль бревна, служившего плахой. 11 октября было совершено 144 новых казни; 205 человек было казнено 12 октября; 141 — тринадцатого; 109 — семнадцатого; 65 — восемнадцатого; 106 — девятнадцатого. Двести стрельцов были повешены перед окнами Софьи в Новодевичьем монастыре...

Одновременно с этим в Азове и других местах государства также велись следствия, сопровождавшиеся массовыми казнями... Приостановленные на несколько недель ввиду пребывания Петра с ноября по декабрь в Воронеже допросы и казни возобновились в самой Москве в январе 1699 г. Целыми тысячами убирали трупы, загромождавшие площадь. Впрочем, вся уборка ограничивалась тем, что их перетаскивали на соседние поля... а топор палача начинал работать снова. Пики с насаженными на них головами и виселицы с висячими гроздьями человеческих тел вплоть до 1727 года продолжают украшать на Красной площади... Лобное место» [16, с. 427].

Но если в эпоху Валишевского описание антиправославных кощунств Петра не считалось приличным, то революция Ленина сняла этот запрет. Вот как в помощь пропаганде Губельмана придворный романист революционеров Алексей Толстой дополняет исторические находки дореволюционного историка, сочувствующего Петру, раскрытием кощунств, производимых над убиваемыми русскими людьми кровавым палачом, обряженным в царское достоинство еще до поездки его за границу:

«Петр сам пытал Цыклера, и тот в отчаянии от боли... много нового рассказал...

В Донском монастыре разломали родовой склеп Милославских, взяли гроб с останками Ивана Михайловича, поставили на простые сани, и двенадцать горбатых длиннорылых свиней, визжа под кнутами, поволокли гроб через всю Москву по навозным лужам в Преображенское.

...Гроб раскрыли... Петр, подъехав, плюнул на останки Ивана Михайловича. Гроб подтащили под дощатый помост. Подвели изломанных пытками Цыклера, Соковнина, Пушкина и трех стрелецких урядников. Князь-папа, пьяный до изумления, прочел приговор...

Первого Цыклера втащили за волосы... Палач с резким выдохом топором отрубил ему правую руку и левую, — слышно было, как они упали на доски. Цыклер забил ногами, навалились, вытянули их, отсекли обе ноги по пах. Он закричал. Палачи подняли над помостом обрубок его тела с всклокоченной бородой, бросили на плаху, отрубили голову. Кровь через щели моста лилась в гроб Милославского» [135, с. 219–220].

«Преступные головы шестерых злодеев пали под секирою палача, 5 марта 1697 г., и обезображенные их члены долго оставались на месте казни, на ужас всем непокорным» [185, с. 186].

Но и далее эти обезображенные останки не увидели человеческого к себе обращения со стороны царя-палача:

«Трупы казненных стрельцов по приказу Петра свалили в ямы, куда сваливали трупы животных. И такого человека историк Ключевский считает возможным охарактеризовать как “исключительно счастливо сложенную натуру”» [238, с. 61].

И смысл устроенного Петром кощунства очевиден: это попытка оплевать произошедшее на Голгофе, когда:

«жиды Христа мучали-распинали» [116, с. 62]:

- а) двенадцать свиней — по числу апостолов;
- б) помост изображал собою Голгофу;
- в) пролитая на кости Милославского кровь мучеников за веру христианскую — пролитая Кровь Христа на ветхие кости Адама.

Так что глумление было продумано Петром до тонкостей. И такое не в иной какой стране, но в цитадели Православия!..

Может, Алексей Толстой сам все вышеописанное присочинил? Дескать, жил царь такой, никем не понятый: чудил, юродствовал да в непонятки играл. А мы его своим полным непониманием порешили в палачи записать.

Но ведь имеется его версии железное подтверждение. Вот что сообщает об этом эпизоде буквально в рот нашему «преобразователю» и Западу заглядывающий историк Костомаров:

«Петр приказал вырыть из земли гроб Милославского и привезти в Преображенское село на свиньях. Гроб открыли: Соковину и Цыклеру рубили прежде руки и ноги...» [51, с. 614].

То есть четверговали!

«...потом отрубили головы; кровь их лилась в гроб Милославскому» (там же).

Таким образом, это кощунство, устроенное Петром, подтверждает даже Костомаров — восхвалитель из восхвалителей этого самого нам на все лады перехваленного «чудесного гения».

Однако ж имеется подтверждение случившемуся не только маститых историков XIX века, но и современников. И.А. Желябужский «Дневные записки»:

«И в то время к казни из могилы выкопан мертвый Иван Михайлович Милославский и привезен в Преображенское на свиньях, и гроб его был поставлен у плах изменничьих, и как головы им секли, и руду [кровь А.М.] точили в гроб на него, Ивана Милославского» [325, с. 305].

Так что все описанные кощунственные зверства Петра, причем, еще до его отбытия за границу, являются страшной правдой, подтверждаемой вообще всеми.

Но вернемся к повествованию о поведении Петра уже по прибытии из-за рубежа. Вот как описывает сцену его расправы над стрельцами Алексей Толстой:

«Закованных стрельцов отовсюду отвозили в Преображенскую слободу... [135, с. 253].

Вот что собой представляла эта самая «слобода». Здесь размещался:

«...Преображенский приказ, где велись допросы с применением пыток» [173, 390]

«В конце сентября начался розыск. Допрашивали Петр, Ромодановский, Тихон Стрешнев и Лев Кириллович... В четырнадцати застенках стрельцов поднимали на дыбу, били кнутом... держали над горящей соломой... опять вздергивали на вывороченных руках, выпытывая имена главных заводчиков...»

Стрельцы признавали вину лишь в вооруженном бунте, но не в замыслах... В этом смертном упорстве Петр чувствовал всю силу злобы против него...

Ночи он проводил в застенках» [135, с. 253–254].

Казалось бы, романист революции лишку наговаривает на Петра?

Да ничего подобного! Лишь пытается завуалировать тот простой факт, что никакого бунта не было вообще! Ведь на самом деле, что также еще под большим вопросом, лишь была направлена стрельцами совершенно безобидная челобитная царевне...

Так что ж певцы «дивного» нашего этого такого «гения» столь громогласно разбалтывают эту жуткую историю про Петра — никогда и нигде не виданного самого страшного и самого жестокого палача, волей судьбы облеченного государственной властью?

Ими, что и естественно, описываются лишь те факты, которые на слуху у миллионов очевидцев и которые просто уже никак не сокрыть!

Хотя сокрывать эти факты «птенцы» и их «дивный гений» старались, как то было только на тот момент возможным. Вот что говорят о том более чем красноречиво еще лишь сухие факты петровских архивов, необычайно богатых на подобные свидетельства:

«В 1701 г. Петр I осудил к наказанию кнутом, урезанию языка и пожизненной ссылке в монастырь в Вологде посадскую дочь Евдокию Часовникову, признанную виновной в произнесении фразы о том, что “которого-де дни великий государь и стольник князь Ромодановский [глава Преображенского приказа] крови изопийют, того-де дни в те часы они веселы, а которого дни они крови не изопийют, и того дни им и хлеб не ес[т]ца”⁴⁶» [201, с. 156].

И этот приговор среди многих иных, вынесенным Петром, считается еще «мягким». Ведь вот чем за подобное же, то есть за длинный язык, он подверг своих обличителей во время казни стрельцов:

«...в 1698 г. будущий император приговорил к смертной казни жену стряпчего конюха Аксиныю Трусову и ее холопа Григория Леонтьева...» (там же).

И вот в чем, как выясняется, заключалась их не подлежащая прощенью вина:

«...объясняя жестокость царской расправы с восставшими стрельцами, они высказались о том, что Петр I “ожидовел и бес тово-де он жить не может, чтобы ему некоторый день крови не пить”» (там же).

Суровость же приговора выглядит вовсе не случайной: истинную свою личину Петру требовалось скрывать как можно долее. Потому раскрытие бесовской ее сущности было равносильно раскрытию государственной тайны.

А вот еще свидетельства явной ожидовелой кровожадности Петра, упрятанной им под грифом «строго секретно — разглашению не подлежит»:

«Один из секретарей цезарского посольства записывал в дневнике то, что видел в эти дни, и то, что ему рассказывали» [135, с. 254].

И вот что сообщают его записи в пересказе Алексея Толстого — одного из немногих русских эмигрантов, вернувшихся в Советскую Россию в 20-х гг.:

«К ряду казарменных изб в Преображенской слободе прилегает возвышенная площадь. Это место казни: там обычно стоят позорные колья с воткнутыми на них головами казненных» [135, с. 255].

Такой «обычай», насколько помнится, бытовал исключительно у тех персонажей русских народных сказок, которые безошибочно, даже на расстоянии, могли определить национальную принадлежность своих извечных жертв. Лишь поглубже втянув своими людоедскими ноздрями воздух, они могли засвидетельствовать: «Русским духом пахнет». То есть эти самые «избы» Преображенского точно так же, как и у некой нам всем известной старушечки с избушкой на курьих ножках, были окружены забором из насаженных на колы человеческих голов!

Но и это вновь: отнюдь не плод фантазии Алексея Толстого. О наличии у Петра такого вот «чудесного» заборчика упоминает и Костомаров:

«На Красной площади был поставлен столп с железными спицами, на которые были воткнуты головы казненных» [51, с. 614].

То есть не где-то там в сторонке, о чем пытается уверить нас Алексей Толстой, возвратившийся в захваченную большевиками страну для восхваления «славных дел» им столь лелеемого безбожного монарха-революционера, но в самом что ни есть центре Москвы — на Красной площади!

«...уже были приготовлены плахи. Дул холодный ветер... Писарь... читал народу приговор на мятежников. Народ молчал, и палач начал свое дело.

Несчастные... шли на казнь поочередно... На лицах их не было заметно ни печали, ни ужаса предстоящей смерти...

⁴⁶ Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I. С. 39, 47, 50.

Мне рассказывали, что царь в этот день жаловался генералу Гордону на упорство стрельцов, даже под топором не желающих сознавать своей вины» [135, с. 255].

А вот что свидетельствует о поведении стрельцов перед казнью английский капитан Джон Перри:

«...Русские ни во что не ставят смерть и не боятся ее... Я сам видел, как многие из них шли с цепями на ногах и с зажженными восковыми свечами в руках... они клали головы свои на плахи с твердым, спокойным лицом...» [329, с. 178].

Да, стрельцы шли на смерть царем-антихристом так и не покоренные.

На что Алексей Толстой сетует:

«Действительно, русские чрезвычайно упрямы...» [135, с. 255]. И в попытке сломить это упрямство ужасом царем-антихристом:

«У Новодевичьего монастыря поставлено тридцать виселиц четырехугольником, на коих 230 стрельцов повешены. Трое зачинщиков, подавших челобитную царевне Софье, повешены на стене монастыря под самыми окнами Софьиной кельи. Висевший посредине держал привязанную к мертвым рукам челобитную...» (там же).

И здесь вновь воспеватель «чудесного гения», Алексей Толстой, несколько слукавил. Челобитной-то никакой так и не нашли! Ведь именно по этой причине, о чем пробалтывается другой его восхвалитель — Костомаров:

«...троим из них, висевшим под самыми окнами, дали в руки бумаги в виде челобитных» [51, с. 617].

Устрялов, со слов Корба:

«...троим из них, висевшим подле самих окон, вложена была в руки бумага в виде челобитной⁴⁷» [196, с. 236].

То есть они якобы поданную царевне челобитную должны были только лишь имитировать!

Но была ли она вообще?!

Не может уклониться от упоминания вышеизложенных зверств и Соловьев — самый титулованный историк-западник, к Петру благосклонный ничуть не менее уже упомянутых авторов историй об истории. Он сообщает, опираясь на слишком хорошо всем известные источники, которые просто невозможно утаить, ввиду их общеизвестности, что у стрельцов:

«...ломаны руки и ноги колесами; и те колеса воткнуты были на Красной площади на колья; и те стрельцы, за их воровство, ломаны живые⁴⁸...» [125, с. 552].

Желябужский:

«И по розыску те стрельцы казнены разными казнями, и по всем дорогам те стрельцы кладены на колеса тела их по десяти человек, и сквозь колеса в ступицы проткнуты колья, и взоткнуты на те колья их стрелецкие головы» [325, с. 310].

Алексей Толстой продолжает:

«Его царское величество присутствовал при казни попов, участников мятежа. Двум из них палач перебил руки и ноги железным ломом, и затем они живыми были положены на колеса...»

«...царь велел всунуть бревна между бойницами московских стен. На каждом бревне повешено по два мятежника... Едва ли столь необыкновенный частокол ограждал какой-либо другой город, каковой изобразили собою стрельцы, перевешанные вокруг всей Москвы?» [135, с. 255–256].

Факт данной массовой казни подтверждает и Соловьев:

«...2 195 стрельцов повешено...» [125, с. 552].

Пусть такого количества стрельцов несколько и не хватило бы Петру на его затею в полном своем объеме, но этого подтверждения маститого историка вполне достаточно, чтобы полностью опровергнуть уже к сегодняшнему дню нам навязанную новейшими

⁴⁷ Корб, р. 175.

⁴⁸ Записки Желябужского. С. 125–127 (Изд. Д.Языкова); с.57–58 (Изд. И.Сахарова).

историками версию о всего лишь сотнях казненных стрельцах. Но говорить надо о многих тысячах казненных или даже десятках тысяч.

Вот что сообщает по поводу стрелецких казней секретарь прусского посольства Фоккеродт:

«Как велико должно быть число казненных стрельцов при совершении этого приговора, можно заключить из того, что не только изо всех бойниц трех стен, окружающих город Москву, выставлены были бревна и на каждом из них висело по 3 и по 4 стрельца, но и вся торговая площадь в Москве устлана была сплошь плахами, на которых ложились рядом осужденные на смерть мятежники и протягивали шею для удара царю, который не только собственной высокой особой потешал себя этой работой, но побуждал еще к тому и своих бояр» [301, с. 34].

Так что ни Алексей Толстой, певец «чудесного гения», карманный придворный пиетист большевиков, ни Соловьев, до корней волос промозглый западник, что выясняется на поверку, вовсе своими свидетельствами не раскрывают звериного облика Петра, но лишь пытаются несколько приуменьшить им же самим и спровоцированные казни. Ведь одних повешенных стрельцов, которых не по два было повешено на каждом бревне, торчащем из каждой бойницы Кремля, но по и 3 и по 4, было в несколько раз больше того числа, которое пытаются навязать нам вышеуказанные исторические пиетисты. Не две тысячи, что вещает нам Соловьев, но порядка шести или даже восьми тысяч развешанных по стенам русской крепости воцарившимся антихристом русских людей. Но сколько еще было казнено, коль сам Петр рубил без усталости топором с утра и до вечера. И не где-нибудь там якобы в Преображенском за высокими заборами или даже в подземных застенках, но на самом видном месте — на Красной площади. Но и по всем дорогам, что сообщает Желябужский, были расставлены телеги с воткнутыми на шесты головами казненных.

Но уже описанные трупы были, что также сообщает Желябужский, еще не все:

«...повешены были по всему Земляному городу у всех ворот по обе ж стороны, также у Белого города, за городом, у всех ворот по обе стороны; сквозь зубцы городских стен просунуты были бревна, и концы тех бревен загвождены были изнутри Белого города, а другие концы тех бревен выпущены были за город, и на тех концах вешены стрельцы...»

Также у их стрелецких съезжих изб они, стрельцы, вешены человек по двадцати и по сорока и больше.

А пущие из них воры и заводчики, и у них за их воровство ломаны руки и ноги колесами, и те колеса взоткнуты были на Красной площади на колье, и те стрельцы за свое воровство ломаны живые, положены были на те колеса, и живы были на тех колесах немного не сутки, и на тех колесах стонали и охали» [325, с. 311].

Джон Перри дополняет эту страшную картину петровской расправы над стрельцами:

«На протяжении 2 миль от города, по всем большим дорогам, ведущим в Москву, устроены были также виселицы, на которых повешено было множество этих мятежников...» [329, с. 120].

Причем, что свидетельствует Перри, были убиты не только стрельцы, но даже их жены! Но не только жены, но даже их дети:

«Многие из стрельцов... **были казнены, вместе с семьями своими**» [329, с. 93].

А вот какая кара, после уничтожения всего живого, что их населяло, постигла уже сами стрелецкие слободы:

«Самые дома, в которых жили стрельцы, приказано было срыть до основания...» [329, с. 120].

Так что казнены были в ту пору Петром даже не тысячи, но десятки тысяч русских людей, так и не покорившихся яростно пытающемуся сломить его волю зверю. «Всю зиму были пытки и казни. В ответ вспыхивали мятежи в Архангельске, в Астрахани, на Дону и в Азове. Наполнялись застенки, и новые тысячи трупов раскачивала вьюга на московских стенах. Ужасом была охвачена вся страна» [135, с. 256].

Вот как Петр расправлялся с участниками, например, азовского так называемого бунта. А на самом деле какого-то упрямого историка возмущения горожан по поводу очередного их ограбления петровскими нововведениями. На сей раз печатанием вдвое меньших по весу государственных денежных знаков.

И вот какими жесточайшими мерами был пресечен и этот так называемый мятеж:

«Бунтовщики из Азова привезены в Москву и наказаны за измену; священник, бывший соучастником в бунте, был обезглавлен рукой самого царя. Еще казнены шесть делателей фальшивой монеты; фальшивую монету растопили и влили им в рот» [283, с. 520].

Вот как выглядели последствия одного из бунтов в Астрахани:

«В этой местности стоит множество виселиц... и на каждой из них по полудюжине совершенно обнаженных казаков... Трупы повешенных от солнечного зноя почернели как смоль и отвратительны были на вид... Жен же и детей их сослали в Казань» [323, с. 167].

А вот как «украшен» был в ту страшную зиму Новодевичий монастырь:

«Целые пять месяцев трупы не убирались с мест казни, целые пять месяцев стрельцы держали свои челобитные перед окнами Софьи» [125, с. 552].

Заметим, чисто символические челобитные.

Таковы начала на все лады нам расхваленных петровских «преобразований»!

Петр *преобразил* цитадель Православия в грандиознейшую и нигде до этого не виданную виселицу. Более чем двухкилометровые стены Кремля, включая и башни, имели не менее полутора тысяч бойниц! Между тем, имеются сведения и о повешенных на стенах Белого города. А ведь они протяженностью в десяток километров!

Но казненными стрельцами, как выясняется, были увешаны даже укрепления Земляного вала:

«Каждый день по несколько сот преступников становились жертвами неизменного правосудия. У всех ворот, вокруг Земляного города, на стенах по Белому городу, на Красной площади, у съезжих изб стрельцких — везде меч правосудия карал преступных... Ужас наполнял сердце зрителей» [185, с. 245].

Всю зиму тела тысяч(!) (может быть, и десятков тысяч!) повешенных и порубленных русских людей указывали на то страшное свершившееся обстоятельство, что *на русский трон взошел сын беззакония — сам антихрист*. И лишь к весне это ужасное «убранство» столицы было снято со стен!

И каково приходилось чиновникам иностранных посольств, при обязательных ими служебных посещениях центра столицы русских, можно лишь гадать!

Однако ж знаток старинной Москвы, сотрудник «Нового времени» В.И. Пыляев, в XIX в. еще не ознакомленный с большевицким взглядом на Петра как некоего «Великого Преобразователя», сообщает, что единственной лютой зимой эта страшная предапокалипсическая картина, наводящая ужас на всю страну, еще не была завершена. Но сопровождала царствование этого изувера вплоть до кончины не только его самого, но и наследующей ему Екатерины I:

«При Петре I Лобное место было обставлено головами стрельцов, воткнутыми на кол, и только при Петре II, по указам 1727 года июня 10-го и сентября 17-го, сняты виселицы и столбы, на которых были тела казненных» [173, с. 70].

Вот какую жуткую картину приходилось наблюдать несчастным жителям Белокаменной в период правления этого каннибала, обряженного историками в яркие радужные тона «просветителя» некой такой «темной» России.

На самом же деле реалии уж слишком далеки от размалеванного и расхваленного на все лады этого «чудесного гения».

Из дневников Корба. 4 и 5 октября:

«Мятежников за упорное молчание подвергают пыткам неслыханной жестокости. Высеченных жесточайшим образом кнутами, их жарят на огне; опаленных секут снова, и после вторичного бичевания опять пускают в ход огонь... Царь... сам составляет

допросные пункты, спрашивает виновных, доводит до сознания запирающихся, велит подвергать жестокой пытке особенно упорно хранящих молчание; с этой целью в Преображенском (месте этого в высшей степени строгого допроса) пылает ежедневно, как это может всякий видеть, по тридцати и более костров» [4, с. 81].

То есть Корб сообщает, что эти пыточные мероприятия Петр вовсе не собирался ни от кого скрывать. Но исключительно для устрашения выставил всем напоказ.

«Признания добывали пытками. Подсудимых сначала пороли кнутом до крови на виске (т.е. его привязывали к перекладине за связанные назад руки); если стрелец не давал желаемого ответа, его клали на раскаленные уголья. По свидетельству современников, в Преображенском селе ежедневно курилось до тридцати костров с угольями для поджаривания стрельцов. Сам царь с видимым удовольствием присутствовал при этих варварских истязаниях» [51, с. 615–616].

Но не только присутствовал, но и с удовольствием много большим еще и лично участвовал в истязаниях стрельцов:

«Царь лично ломал ребра, выкручивал руки, рвал зубы и ноздри, жег живое тело несчастных и, весь в крови, выходил из приказа, требуя от своих “птенцов”, чтобы они непременно приняли личное участие в пытках. Затем ехали пировать. Гуляли всю ночь» [161, с. 179].

Вновь открываем дневник Корба. Теперь от 10 октября, когда апокалипсический зверь уже берет в руки топор. В этот день:

«Царь сам покарал в Преображенском пять преступников...» [4, с. 82].

Но стрельцов он не только карал, но и миловал. То есть некоторых из них не убивал, но лишь серьезно калечил.

Как свидетельствует Корб, 13-го октября, петровское «правосудие»:

«...освободило от смертной казни пятьсот стрельцов, однако же, обрезали им носы и уши и сослали в отдаленные пограничные места с навсегда оставшимся клеймом...» [283, с. 505].

И вот что это было за клеймо:

«По документам сослано 109 человек по заклеиванию в правую щеку» [196, с. 406, прим. 3].

То есть Петру мало было отрезать людям носы и уши, необходимо было поставить им еще и клеймо на щеку. Подвергались же высылке не только сами эти изуродованные стрельцы, но и вообще все их родственники. Перри сообщает, что высылаемы они были из Москвы в отдаленные пограничные провинции:

«...вместе с их женами, семействами и близкими родственниками, обреченными страдать вместе с ними...» [329, с. 120].

Причем, Корб даже вдвое преуменьшил количество изуродованных Петром 13-го октября русских людей. А с ними, следовательно, и семей, высланных на мучительное проживание в пустынях, в те еще времена не приспособленных для жизни гражданского населения, где голод, холод и постоянные опасности делали жизнь первых поселян, к тому же сильно стесненных в правах, поистине невыносимой.

И все вышеописываемые мероприятия, связанные с многочисленными убийствами и искалечиваниями людей, у Петра прекрасно сочетались с веселыми пирушками. 14 октября:

«Франц Яковлевич Лефорт отпраздновал день своих именин великолепнейшим пиршеством, которое почтил своим присутствием Царь...» [4, с. 83].

Далее последовали пытки, как считал Петр, зачинщика выступления стрельцов. 15-го и 16-го октября:

«Главный виновник бунта Бачка Гирин [Васька Зарин, десятник полка Козлакова — прим. ред.] в своем упорном молчании не мог быть побежден жесточайшими пытками, повторенными четыре раза...» [283, с. 505].

17 октября:

«Ходил упорный слух, что его Царское Величество сегодня вторично чинил всенародную расправу над несколькими преступниками...» [4, с. 83].

«...и в этот день его царское величество совершал публичную расправу с некоторыми мятежниками. Продолжавшиеся до сего времени жесточайшие пытки до того изуродовали подполковника Карпакова, что он потерял способность говорить и двигаться. Поэтому он поручен был искусству и заботам царского медика; по небрежению, медик оставил в тюрьме нож... Карпаков подносит нож к горлу, чтобы прекратить жизнь и найти смерть... но руке... не достало сил; от раны он выздоровел, и сегодня опять притащили его к пыткам» [283, с. 506].

18 октября:

«Царь обедал у генерала Лефорта» [4, с. 83].

20–21 октября:

«Снова вокруг белой городской стены у каждых ворот ея были повешены двести тридцать преступников...» [4, с. 83].

22–23 октября:

«...Вторично несколько сот мятежников повешены у белой Московской стены...» [4, с. 83].

То есть стрельцов продолжали вешать. На этот раз у всех въездных ворот Белого города. А ведь их затем не снимали до самой весны! Так что любой человек, въезжая в Москву, просто обязан был проходить сквозь строй тел мертвецов, висящих на веревках и окоченелых на морозе, под завывания вьюги жутко раскачивающихся ветром. Более страшной картины и представить себе не возможно. Но все это творилось не на Марсе, а наяву. Причем, что от нас столь упорно пытались утаить петровские и постпетровские историки, а затем и пришедшие к власти большевики, на самом въезде в Белокаменную. И таким образом, что мимо них ну никак нельзя было вообще проехать!

Вот что собою представляет пропаганда. Свидетельства, поколениями людей передающиеся лишь шепотом и из уст в уста, прекрасно осведомленного о происходящем народа, о том, что творилось здесь в петровские времена, целыми поколениями лжеисториков упорно выхолащиваются из памяти населения страны. Ведь Петр для них для всех — это манекен, на который следует равняться и который ну ни в коем случае нельзя обличать.

Но правда о тех страшных временах, несмотря ни на что, все равно потихоньку просачивается. А уже просочившаяся свидетельствует не только об антинародности режима самого Петра, но и об антинародности режимов, ему наследующих. И так как не один еще режим официально не объявил этого подлого палача и негодяя негодяем и палачом, то следует быть уверенным и в том, что наследники являются вполне достойными своих дел далекого предшественника. Так что даже отрицательный вроде бы и результат гласности о деяниях этого самого «Реформатора» — тоже результат. И куда как много более красноречивый, вследствие все более раскрываемой о злодеяниях Петра истины.

26 октября:

«Когда пробило десять часов, его Царское Величество приехал в тележке (rheda) на роскошно устроенный пир... В общем с лица его Царского Величества не сходило самое веселое выражение, что являлось признаком его внутреннего удовольствия» [4, с. 83].

И вот в чем обычно это самое его *удовольствие* выражалось.

27 октября:

«...две постельницы зарыты живыми в землю...» [283, с. 508].

То есть наш этот триста лет всеми упорно воспеваемый «чудный гений», что выясняется теперь, людей живыми в землю закапывал. И все нормально: он гений, а мы, в этой «гениальности» не разбирающиеся, дураки и недоделки, — не ухо, что называется, ни рыло в политике партии и правительства не смыслящие.

Однако ж этот день отмечен и иными не менее дикими зверствами этого апокалипсического Петрушки-палача:

«Все бояре и вельможи, присутствовавшие на совещании, на котором решено было бороться с мятежными стрельцами, были призваны сегодня к новому судилищу: перед каждым из них было поставлено по одному осужденному, и всякому нужно было привести в исполнение топором произнесенный им приговор. Князь Ромодановский, бывший до мятежа начальник четырех полков, по настоянию его величества поверг на землю одним и тем же лезвием четырех стрельцов; более жестокий Алексашка хвастался, что отрубил двадцать голов...» [4, с. 83].

Что подтверждает и Желябужский:

«А в Преображенское у того розыска были и тех стрельцов казнили бояре и все полатные люди сами топорами и палашами»⁴⁹ [283, с. 508].

Алексей Толстой, придворный пиетист большевиков, также не может не процитировать высказывания на эту тему современников:

«Эта казнь резко отличается от предыдущей. Она совершена различными способами и почти невероятными... Эта громадная казнь могла быть использована только потому, что все бояре, сенаторы царской думы, дьяки — по повелению царя — должны были взяться за работу палача. Мнительность его крайне обострена... Он придумал связать кровавой порукой всех бояр...» [135, с. 256].

Корб дополняет нашего послушного партии и правительству оракула следующими подробностями произошедшего:

«Триста тридцать человек, вместе выведенные на смертную казнь обагрили обширную площадь нечестивою, хотя и мужественно пролитую кровью... Сам царь, сидя в креслах, спокойно смотрел на всю эту трагедию и на страшную бойню такого множества людей, и сердился только на одно, что бояре дрожащими руками принимались за это непривычное дело» [283, с. 508–509].

31-го октября:

«У двоих мятежников... переломали руки и ноги, и живых вложили в колеса, чтобы в медленной смерти они приняли наказание, достойное лютости...» [Это были стрельцы Чубарова полка Колокольцев и Сучков — прим. изд.]» [283, с. 510].

Так что не только головы рубил Петр, прозванный историками «Преобразователем» (вероятно, за излюбленное его занятие: преобразование людей живых в покойников), но использовал и зверства, позаимствованные им у «доброй» заграницы.

4 февраля:

«...в Преображенском казнены стрельцы, а иные четвертованы, всего их казнено 192 человека» [162, с. 315].

Но не только в Преображенское переезжает из Западной Европы это теперь широко применяемое Петром страшное издевательство, когда, прежде головы, отрубают у живого человека, по очереди, каждый член тела в отдельности!

«Накануне, 3 февр., эти казни происходили и на Красной площади, в Китае, и на болоте за Москвою-рекою. На Красной площади у казни был сам вел. государь да боярин кн. Мих. Никит. Львов, также и иные прочие, замечает Желябужский» [162, с. 315—316].

13 февраля:

«День этот омрачен казнью двухсот человек... все преступники были обезглавлены... все они подходили один за другим, не выражая на лице никакой скорби или ужаса пред грозящей им смертью... Одного вплоть до самой плахи провожали жена и дети с громкими, ужасными воплями. Готовясь лечь на плаху, он вместо последнего прощания отдал жене и малым деткам рукавицы и платок, который у него оставался...» [4, с. 84].

Вот как комментирует данную нашу неустрашимость перед смертной казнью датский посол Юст Юль:

⁴⁹ Записки Желябужского. С. 58.

«Удивления достойно, с каким равнодушием относятся (русские) к смерти и как мало ее боятся. После того как (осужденному) прочтут приговор, он перекрестится, скажет “прости” окружающим и без (малейшей) печали бодро идет на (смерть), точно в ней нет ничего горького» [293, с. 197].

Так спокойно и величественно принимали смерть лютую русские люди от апокалипсического зверя. А жид-антихрист Петрушка, в очередной раз ёрнически насладившись кровью, той самой, от которой исключительно лишь русским духом и пахнет, продолжал веселиться:

«По окончании расправы его Царскому Величеству угодно было отобедать у генерала Гордона...» [4, с. 84].

3–4 марта:

«Послы Датский и Бранденбургский много пили с Генералом Лефортом под открытым небом, пользуясь приятным вечером» [4, с. 85].

11 марта:

«Начали предавать погребению тела убитых преступников. Зрелище это было ужасно и необычно у более образованных народов [тут он врет: о «пушистости» «образованных народов» см. выше — *А.М.*], а пожалуй даже и отвратительно. Тела лежали во множестве на повозках, в беспорядке и без разбору; многия были полуобнажены; везли их к могильным ямам, как заколотый скот на рынок» [4, с. 85].

Таково содержание дневников Корба, записок на ту же тему Желябужского, Фоккеродта и иных свидетельств, открывших всему миру истинную личину «преобразователя», в XXI веке напомнившего о себе появлением в клубах дыма горящих американских небоскребов.

Но ужасы этой зловещей зимы для обитателей Русской столицы с наступлением весны вовсе не закончились:

«В конце февраля 1699 года велено убрать тела казненных с Красной площади, с пушечного двора, со стен и от ворот Белого и Земляного города; также из-под Новодевичьего монастыря»

Тысячи трупов, а также отрубленных голов и обезглавленных тел:

«...были развезены по окрестностям Москвы и верстах в 3 от городских застав сложены кучами, а некоторые на колесах, от 85 до 99 тел у 12 дорог... Там они оставались страшным позорищем для проезжающих и проходящих до половины марта 1699 года, когда велено зарыть их подле дорог в ямы и при каждой поставить каменный столб, по образцу построенного на Красной площади, с отливными на четырех сторонах чугунными досками и с пятью железными наверху спицами: на досках прописаны были вины казненных, а на спицах воткнуты их головы» [196, с. 239–240].

Сколько еще и эти атрибуты палаческого царства антихриста устрашали на въезде в столицу русских людей, рискнувших наведаться сюда, в это логово кровавого изувера супостата, по каким-либо неотложным нуждам?

Сказано ведь: **на протяжении всего его царствования...**

Потому как вот что сообщается в письме Веберу, написанному одним из его приятелей из Москвы. Оно датировано 6/17 февраля 1728 года:

«Известно, что здесь перед Кремлем и в других местах до сих пор стоят воткнутыми на высоких шестах, на показ, головы бывших бунтовщиков, со времени большого Стрелецкого бунта. Казненные были все знатные господа, и наследники их, равно как и другие их родственники, люди все с состоянием и средствами, которые живут в Москве, или по деревням. Эти-то родственники решились в настоящее время войти ко двору с следующим челобитьем, или прошением: родные головы так долго уже стояли на воздухе часовыми, что можно было бы теперь и отпустить их. Они, родственники эти, могут еще открыть царю столько мошенников, воров и изменников, что такое зрелище могло быть заменено в десять раз большим количеством голов» [401, аб. 353, с. 1438].

Однако ж обращение было направлено не царю-антихристу. Он, может быть, на такие смены кровавого своего заплечных дел «декора» откликнулся бы и благосклонно. Но Петру II. И лишь он, после смерти Екатерины I, просьбу, о предании земле три страшных десятилетия наводивших ужас на жителей древней русской столицы выставленных в назидание непокорным трупы убиенных людей, удовлетворил. Петр II, не понимая этого людоедского удовольствия Петра I в окружении себя трупами непокорных:

«...не въезжая в Москву для коронования, повелел указом сделанные два столба каменных за Спасскими воротами, где ныне стоят пушки большая под железную кровлю, — и на тех столбах торчали головы: на первом — Цыклера и Алексея Соковнина и протчих пять голов, на втором — Кикина, архиерея Игнатия Ростовского, духовника, и протчих пять же голов; среди столпов сделан столб деревянной, на нем сидел Степан Глебов, — повелел сломать и место изровнять» [356, с. 21–22].

Так выглядело это царство антихриста и его беззаконной пассии в самой Москве — цитадели мирового Православия.

А вот что записал секретарь цезарского посольства о весьма рискованном самовольном посещении пыточных казематов Преображенского застенка чиновниками датского посольства, весьма наивно считавшими себя находящимися под юридической защитой дипломатической неприкосновенности:

«Они обходили разные темничные помещения, направляясь туда, где жесточайшие крики указывали место наиболее грустной трагедии... Уже они успели осмотреть, содрогаясь от ужаса, три избы, где на полу и даже в сенях виднелись лужи крови, когда крики, раздирательнее прежних, и необыкновенно болезненные стоны возбудили в них желание взглянуть на ужасы, совершающиеся в четвертой избе...

Но лишь вошли туда, как в страхе поспешили вон, ибо наткнулись на царя... Царь, стоявший перед голым, подвешенным к потолку человеком, обернулся к вошедшим, видимо, крайне недовольный, что иностранцы застали его при таком занятии... в погоню за ними пустился офицер, намереваясь обскакать и остановить их лошадь. Но сила была на стороне чиновников — их было много... Впоследствии я узнал фамилию этого офицера — Алексашка, царский любимец и очень опасен...» [135, с. 254].

И не спасла бы их никакая дипломатическая неприкосновенность, окажись на тот момент под рукой у Меншикова пара-тройка конных солдат. Его хозяин не желал раскрывать перед миром свою явно нечеловеческую внутреннюю личину антихриста (еще рановато было). Но это вовсе не удивительно: все революционеры, а в особенности в началах своих дел «славных», желают убедить мир в благости намерений. Ужасаются пусть потом, когда, вдруг проснувшись от навеянного «преобразователями» легкого бриза некоей лишь видимости свободы, нежданно увидят себя связанными по рукам и по ногам в застенке и с кляпом во рту...

Вот что об этом нами рассматриваемом эдаком «Петра творенье», то есть казематах Преображенского, сообщает самый еще первый певец «славного гения» — Николай Карамзин, еще не ознакомленный со стряпней своих последователей. Не видел он своими глазами, как выясняется, даже и малейшего намека на присутствие неких таких «изб» с «сенями», что воспеты в историях Алексея Толстого. Он сообщает лишь о жутких каменных подземных мешках, которые ему самому пришлось лично лицезреть собственными глазами:

«В конце XVIII века от построек Преображенского приказа осталась только подземная часть. Н.М. Карамзин вспоминал: “Среди огородов села Преображенского я с ужасом находил подвалы, темные подземные казематы и длинные коридоры, в которых производились пытки, делались, по современному выражению, нещадные розыски. Тайная канцелярия день и ночь работала в Преображенском, в вертепах которого лились потоки крови”» [159, с. 210].

То есть ни о каких «избах» с «сенями» не упоминает даже Карамзин, главный восхвалитель этого «чудесного гения», но лишь о жутких подземельях, весть о которых

ему не сорока на хвосте принесла, но которые он сам лично обходил и содрогался увиденному.

Так каковы все те ужасы, которые помнят эти зловещие подвалы, эти глухие каменные мешки, заранее заготовленные юношей Петром для начала его «славных» пыточных «дел»?

А вообще-то странно это все: почему сразу столько человек, несколько тысяч одновременно, явно не сговариваясь между собой (да кто б им и дал), так отчаянно противостояли безчеловечным пыткам столь воспетого историками нами скрупулезно разбираемого «по косточкам» этого супостата — в их интерпретации «дивного гения»?

«Пришествие антихриста ожидалось в 1666 году, а когда оно не исполнилось, стали считать 1666 не от рождения Христа, а от Его Воскресения, то есть в 1699 году [1666+33=1699 — А.М.]. За несколько дней до наступления этого года... Петр вернулся из своего заграничного путешествия [в те времена новый год наступал с 1 сентября — А.М.]...» [14, с. 176].

И вот когда началась эта грандиозная расправа, сопровождаемая, между тем, насильственным бритьем бород, что для русского человека, который тем лишался *образа и подобия Божия*, теряя право на Жизнь Вечную, было равносильно добровольному отказу от Царства Небесного, всем стало вдруг ясно, что Петр — это и есть антихрист:

«...выбравшим бороды оставляли только усы, сице бо сотвори Бог не человека, но кошки и псы, оставя им без бород сущим едины усы прилично...»

“Взирайте часто на икону страшного Христова пришествия второго и видите праведные в десной стране Христа стоящая вся имущия бороды, на шуйце же стоящие бессермы, и еретики, лутеры и поляки, и иные подобные им брадобритники”» [373, с. 317].

Русь одна среди всего иноверного ей мира оставалась в ту пору с бородой и под бритву не обритой. И все из-за того, что лишь она одна понимает значение имеющегося у человека главного его отличия от кошки или свиньи, обезьяны или собаки — борода. Ведь она, вкупе с оставшемся исключительно у русского же человека неискаженным человеческим СЛОВОМ, предоставляла ему единственному во всем иноверном иноземном мире возможность надеяться на Жизнь Вечную. Вот чего лишался тогда человек (да и лишается сегодня), который, ввиду грозящей ему от царя-антихриста за непослушание жесточайшей расправы, тогда пренебрег (и пренебрегает теперь) лишь избежавшему Вавилонской мутации человеку принадлежащей схожести с Создателем особенности, бороды, сильно рисковал (да и рискует) угодить вовсе не туда, куда хотелось бы ему попасть после завершения этой временной жизни бременной. Потому:

«Возникает небывалое до тех пор еще в мировой истории событие, народ начинает бороться с Петром как с антихристом» [238, с. 79].

И с этого момента сопротивление Петру для русского человека приняло характер борьбы за веру, наступившей в последние апокалипсические дни. И здесь стойкость его оказалась просто потрясающей: хрустели выламываемые суставы, трещали разрывающиеся на дыбе хрящи и сухожилия, ломались кости, лопалась под страшными ударами кнута прорванная кожа, разрывались ткани тела и брызгала из рваных ран святая мученическая русская кровь. Но доносов друг на друга, чем впоследствии в 30-х годах XX века стали столь знамениты подвалы Лубянки, от настоящего русского, то есть православного человека, царь-антихрист так и не услышал.

Может исключительно потому, что русский человек антихристу не покорился, конец света в те мрачные времена так и не наступил?!

Вот что писали об этом царь-оборотне восставшие астраханцы:

«...ныне нареченный Царь, который называется Царем, а Христианскую Веру нарушил; он уже умер душою и телом, не всякому бы так умереть» [182, с. 114–115].

И вот какие последствия для отношения к Петру его народонаселения имели все вышеописанные предпринятые им злодеяния:

«Царь в представлении народа становится разрушителем веры и гонителем всего исконно русского. Небывалое явление в мировой истории, когда народ борется с царем как с антихристом. Народ повинуется власти царя по-прежнему. Выполняет все тяжелые повинности, платит непомерные налоги, ропщет, но не выходит из повиновения. Но с одним не может помириться народ — это с посягательством на его душу, с оскорблением его веры — его святая святых. Народ приводит в трепет и ужас то, что он в лице Петра видит не Царя — Помазанника Божия, грозного и даже мучительного, а врага Христа и Веры Православной, царя-антихриста» [182, с. 115].

Так что же в т пору, в конечном-то итоге, произошло? Одержал ли народ в этой битве победу?

Ответ дает 40 лет спустя смерти Петра побывавший в России иностранец — барон Христиан Генрих фон Гайлинг:

«Мужчины выглядят неаккуратными со своими большими бородами. Эти бороды являются единственным, что не осмеливаются реформировать, да еще календарь, который ведется по старому стилю, т.е. их месяц начинается 11 или 12 числа нашего. Императрица много раз запрашивала мнение Синода по этому вопросу, но решение не принимается, как мне сказали, из-за несовпадения праздничных дней с календарем Православной Церкви» [440, с. 118].

Так что антихристу Петру, несмотря на все его старания, русский человек свою душу так и не отдал, оставив себе как бороду, что есть отличие человека от животного, так и Русскую свою Веру — отличие человека Русы от басурманина инородца, не поддавшись изменениям новостильного заморского календаря. Что удастся затем проделать, залив Россию реками крови, лишь большевикам. Потому-то теперь так дико и выглядит это празднование нового года в самый разгар Рождественского поста. Какой-то аналог пира во время чумы.

Оглавление

Призрак в подкованном ботфорте.....	1
Слово и дело.....	4
Шаромыжная шваль и чухонская шушера.....	26
Самозванцы.....	39
Друзья, товарищи и сыны.....	41
Церковь Петра.....	45
Охота на людей.....	71